

Министерство образования и науки Украины
Николаевский национальный университет
имени В. А. Сухомлинского
Кафедра славянской филологии

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

Монография

Под редакцией В. В. Гладышева

Николаев
«Илион»
2015

УДК 378.147:(811.161.1+821.161.1)(477.73)

ББК 74.268.0Рос(4Укр-4Мик)

Р 32

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

Гладышев Владимир Владимирович – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедры славянской филологии ННУ имени В. А. Сухомлинского (предисловие, 1.1, 2.1, 5.1–5.11, послесловие); *Абламская Елена Васильевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии ННУ имени В. А. Сухомлинского (1.3, 2.2, 2.3, 4.2); *Тригуб Людмила Георгиевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии ННУ имени В. А. Сухомлинского (1.4, 1.5, 3.1, 4.1, 6.1–6.4); *Садочная Анна Юрьевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии ННУ имени В. А. Сухомлинского (1.2, 2.3, 3.2, 3.3, 6.5); *Оксентюк Ю. В.* (2.2), *Степура Е. А.* (3.1, 4.1), *Бортникова В. С.* (4.2), *Линкевич А. А.* (3.2), *Гурина С. В.* (3.3), *Алехина К. С.* (6.2) – студенты специальности «Русский язык и литература» ННУ имени В. А. Сухомлинского

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

СИТЧЕНКО А. Л., доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, ННУ имени В. А. Сухомлинского;
ШУЛЯР В. И., кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный учитель Украины, Николаевский областной институт последипломного педагогического образования

Региональные особенности профессиональной подготовки учителей русского языка и литературы : монография / Николаевский национальный университет имени В. А. Сухомлинского ; под ред. В. В. Гладышева. — Николаев : Илион, 2015. — 262 с.

ISBN 978-617-534-293-0

Монография, подготовленная преподавателями кафедры славянской филологии ННУ имени В. А. Сухомлинского при участии студентов, будущих учителей русского языка и литературы, представляет собой обобщение материала исследований, осуществленных в рамках работы над кафедральной научно-прикладной темой «Региональные особенности профессиональной подготовки учителей русского языка и литературы».

Для преподавателей, студентов, аспирантов, учителей общеобразовательных школ.

УДК 378.147:(811.161.1+821.161.1)(477.73)

ББК 74.268.0Рос(4Укр-4Мик)

ISBN 978-617-534-293-0

© МНУ ім. В. О. Сухомлинського, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5	
Г л а в а I		
К ИЗУЧЕНИЮ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА ВЛАДИМИРА ДАЛЯ		
1.1	Образ Владимира Даля в пьесе Николая Троянова «Мичман Даль»	9
1.2	Качества человека сквозь призму паремийных образов <i>(на материале паремий со значением сравнения, собранных В. И. Далем)</i>	29
1.3	Особенности языка сказок В. И. Даля	36
1.4	Земля в русской языковой картине мира <i>(по материалам сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа»)</i>	48
1.5	Концепт «женщина» в паремиях русского языка <i>(на материале сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа»)</i>	57
Г л а в а II		
МАРК ЛИСЯНСКИЙ: СУДЬБА И ТВОРЧЕСТВО		
2.1	Субъективные заметки к столетию со дня рождения Марка Лисянского	65
2.2	Эпитеты как выразительно-изобразительные средства в поэзии Марка Лисянского	73
2.3	Семантические и структурные особенности сравнительных конструкций в творчестве Марка Лисянского	82
Г л а в а III		
ОСОБЕННОСТИ ПОЭЗИИ ЭМИЛЯ ЯНВАРЁВА		
3.1	Особенности функционирования односоставных предложений в поэзии Эмиля Январёва	90
3.2	Колоративная лексика в творчестве Эмиля Январёва	95
3.3	Функции просторечных единиц в творчестве Эмиля Январёва	104

Г л а в а I V

АНАТОЛИЙ ПОПЕРЕЧНЫЙ И ЛЕОНИД ВЫШЕСЛАВСКИЙ

- 4.1 Особенности функционирования односоставных предложений в творчестве поэтов-земляков А. Поперечного и Э. Январёва 112
- 4.2 Изобразительно-выразительные средства в поэзии Леонида Вышеславского 117

Г л а в а V

ЛИТЕРАТУРНАЯ НИКОЛАЕВЩИНА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- 5.1 Письма Евгения Замятина из Николаева 128
- 5.2 Автобиографичность изображения любви в романе Евгения Замятина «Мы» 136
- 5.3 Границы «Пограничья»
(Первая книга стихов Павла Ткача) 148
- 5.4 «В толпе себя не замечаю...»
(Книга-дебют Геннадия Борисова) 151
- 5.5 Когда слово объединяет (Украиноязычные переводы новелл Ильи Старикова) 156
- 5.6 Последний из Львов (к юбилею Д. Кременя) 162
- 5.7 «Треба жити, щоб жила – вона...»
(видатний вірш Д. Кременя) 169
- 5.8 «Я – Суров, я – поэт!» 181
- 5.9 «Я стою, как перед вечною загадкой...»
(трилогия об иконе Л. Шкарубы) 186
- 5.10 «Щоб жити!» (творческий портрет Л. Ратич) 192
- 5.11 Де Рибас и его тайна...
(Рассказ историка Йосифа Михайловича Шкляжа) 198

Г л а в а V I

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА ГОРОДА НИКОЛАЕВА

- 6.1 Російський чоловічий антропонімікон міста Миколаєва: лінгвокультурологічний аспект 203
- 6.2 Еволюція мужского антропонимикона города Николаева с 1900-го по 2000-й год 211
- 6.3 Еволюция женского антропонимикона города Николаева с 1935 по 2005 годы 219
- 6.4 Динамика женского именика города Николаева 223
- 6.5 Специфика жіночих власних імен Миколаївщини (фоносемантичний аспект) 255
- ПОСЛЕСЛОВИЕ 261

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая коллективная монография представляет собой итог кафедральной научно-исследовательской темы «Региональные особенности профессиональной подготовки учителя русского языка и литературы», над которой в течение четырёх лет работал коллектив преподавателей кафедры славянской филологии ННУ имени В. А. Сухомлинского. Отметим также важную особенность научной работы: в рамках исследований к работе привлекались студенты, будущие учителя русского языка и литературы, научная работа которых была направлена в русло освещения актуальных проблем профессиональной подготовки учителей русского языка и литературы в высшей школе.

Необходимость определения и эффективного использования региональных особенностей профессиональной подготовки учителей русского языка и литературы обусловлена спецификой Украины как унитарного государства, в котором каждый из регионов вносит свой неповторимый вклад в выявление уникальности нашей страны в мировом культурном пространстве.

В рамках определения направлений исследований, их тематики и проблематики преподаватели кафедры исходили из того, что Николаевщина имеет богатую литературную историю, обращение к которой, использование которой в учебном процессе высшей школы способны существенным образом повысить эффективность профессиональной подготовки учителей русского языка и литературы.

При осуществлении исследований преподаватели кафедры обращались к творчеству авторов, которые хорошо известны в русской литературе. Так, всестороннее исследо-

вание творчества Владимира Даля, выявление своеобразия образа великого лингвиста и писателя обеспечивают возможность не только уяснения роли Даля в истории литературы, но и создают условия для использования творческого наследия этого выдающегося деятеля русской культуры с целью более качественной подготовки учителей-словесников. Разнообразные аспекты творческого наследия В. И. Даля, рассматриваемые николаевскими исследователями, будут также интересны и учителям-практикам, преподающим русский язык и интегрированный курс «Литература» в школах Николаевщины.

Личность и творчество выдающегося поэта второй половины прошлого века Марка Лисянского привлекли внимание исследователей потому, что этот уроженец Одессы считал Николаев своим родным городом, о чём многократно заявлял в самой разной форме – от стихотворений до публицистических статей и воспоминаний. Воспоминания о встрече с поэтом, анализ роли эпитетов и сравнений в его творчестве проведены на высоком научном уровне, результаты исследования использовались в учебном процессе и научной работе студентов, они могут быть востребованы учителями школ.

Творчество поэтов-земляков Анатолия Поперечного, Леонида Вышеславского и Эмиля Январёва исследуется под углом зрения поэтики стихотворений названных авторов, при этом сопоставительная характеристика функционирования односоставных предложений в творчестве А. Поперечного и Э. Январёва высвечивает эстетическое своеобразие творчества каждого из поэтов, раскрывает роль «николаевских мотивов» в их творчестве. Всесторонний анализ поэтики произведений одного из крупнейших русскоязычных поэтов Украины конца прошлого – начала нынешнего веков Леонида Вышеславского проведён в рамках выявления единства формы и содержания художественного

произведения, что делает его востребованным как языковедами, так и литературоведами.

Статьи, посвящённые творчеству одного из самых известных писателей прошлого века Евгения Замятина, рассматривают период пребывания автора романа «Мы» в Николаеве, анализируют оценку, которую он дал нашему городу, а также доказывают «автобиографичность» изображения чувства любви в самом выдающемся произведении Замятина – при этом доказывается, что именно «николаевский опыт» отношений писателя с женой стал основой изображения чувства любви в романе.

Важной проблемой современного литературоведения следует считать научную оценку нынешнего состояния литературных дел в Николаеве. Писатели-современники создают произведения, в которых отражается действительность, их творчество представляет собой художественное осмысление «дня сегодняшнего». Цикл представленных в монографии материалов посвящён творчеству современных поэтов и прозаиков Николаевщины Павла Ткача, Геннадия Борисова, Ильи Старикова, Ларисы Ратич, Иосифа Шкляжа. Особое место занимает исследование, в центре которого находится личность и творчество выдающегося современного украинского поэта, лауреата высшей в стране литературной премии имени Тараса Шевченко Дмитрия Креминя. Детальный, восходящий к филологическому анализу, «разбор» одного из программных стихотворений Креминя и интервью с поэтом могут быть интересны не только учителям русского языка и литературы, но и широкому кругу читателей.

Также широкому кругу читателей и специалистов адресованы исследования, посвящённые рассмотрению мужского и женского антропонимикона города Николаева. Данные проблемы рассматриваются в историческом аспекте, многопланово, авторами изучено большое количество

материалов, поэтому полученные выводы представляются обоснованными. Данные материалы могут быть использованы также учителями истории.

Результаты исследований могут быть использованы также и учителями общеобразовательных школ Николаева и области в качестве дидактического материала при изучении различных тем школьного курса языка. Подтверждением этого можно считать работу преподавателей кафедры (проф. Гладышев В. В., доц. Садовая А. Ю.) на курсах переподготовки учителей русского языка и литературы при Николаевском областном институте последипломного педагогического образования, проведение членами кафедры предметных консультаций для учителей школ города и области.

Представленные в коллективной монографии материалы стали основой для множества научных статей, опубликованных в Украине и за её пределами, они докладывались преподавателями и студентами на Всеукраинских и Международных научных и научно-практических конференциях, были опубликованы в местной и всеукраинской периодической печати.

Глава I

К ИЗУЧЕНИЮ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА ВЛАДИМИРА ДАЛЯ

1.1 Образ Владимира Даля в пьесе Николая Троянова «Мичман Даль»

Попытка осмыслить своеобразие художественного образа Владимира Ивановича Даля, созданного в пьесе «Мичман Даль», автором которой является известный николаевский актёр, режиссёр, драматург и общественный деятель, Почётный гражданин города Николаева Николай Алексеевич Троянов.

Не подлежит сомнению, что в более чем двухвековой истории появившегося как город корабелов Николаева (Николаев основан в 1789-м году) Владимир Иванович Даль занимает значительное место. Николаевцы по праву гордятся великим учёным, лингвистом и этнографом, незаурядным писателем, мы имеем все основания для того, чтобы считать уроженца Луганщины, период личностного становления которого теснейшим образом связан с Николаевом, своим земляком. Об уважительном отношении жителей Николаева к Далю также может свидетельствовать и тот факт, что в соответствующем энциклопедическом словаре [2], который был издан к 210-й годовщине со дня основания Николаева и представляет читателям две тысячи наиболее выдающихся за всю историю города корабелов горожан, большое внимание уделено В. И. Далю.

Обращение же бессменного руководителя известного в Украине руководителя и режиссёра народного театра Николая Троянова к личности В. И. Даля обусловлено ещё и тем, что в драматической судьбе будущего автора великого «Словаря» Николаев сыграл весьма значительную, если не сказать судьбоносную, роль. Причём, и это не вызывает особых возражений ни у кого, дать какую-либо однозначную оценку всему тому, что произошло с молодым выпускником Петербургского морского корпуса весной 1823-го года в городе, в котором было предано земле тело его отца, совсем не просто.

В рамках настоящего исследования нет необходимости детально рассматривать историю с «пасквильными письмами» [1, с. 14], за якобы создание и распространение которых молодой мичман находился под судом, был осуждён, но оправдан. Личность Даля – личность во многом загадочная, как справедливо пишет авторитетный исследователь жизни Владимира Ивановича Даля В. Порудоминский, «Целые периоды его жизни до сих пор остаются загадкой» [6]. Следует также отметить, что чаще всего загадочность эта связана не только и не столько с отсутствием сведений, сколько с их возможной интерпретацией исследователями.

На наш взгляд, убедительным примером подобного рода личностной интерпретации известных фактов может служить полемика авторитетных николаевских учёных-краеведов, исследователей жизни Владимира Даля, Е. Мирошниченко и Ю. Крюкова. Уважаемые авторы полемизируют относительно того, являлся ли всё-таки молодой мичман автором злосчастной эпиграммы, появление и распространение которой «общественное мнение» города приписывало ему. Что характерно, при этом филолог Е. Мирошниченко становится на сторону будущего писателя [1, с. 13–18], тогда как доктор технических наук Ю. Крюков, исследователь истории флота, истории Николаева,

доказывает обратное, аргументируя свою точку зрения по преимуществу особенностями характера будущего писателя, в частности, тем обстоятельством, что особой тяги к морю и морской службе В. И. Даль не испытывал [7].

Специфика темы нашей статьи требует всё же принятия, назовём это так, некоего исходного положения относительно оценки событий, ставших судьбоносными для Владимира Ивановича Даля, их понимания хотя бы на самом общем уровне. Поэтому, не вдаваясь в детали и не пытаясь разделить точку зрения кого бы то ни было из исследователей, ограничимся наиболее распространённой версией событий из николаевского периода жизни В. И. Даля, изложенной В. Порудоминским в его замечаниях к биографии писателя и учёного: «Служба на флоте не увлекала Даля, к тому же через несколько лет после окончания корпуса (весна 1823-го года – В. Г.) он был обвинен в сочинении «крамольного» пасквиля и отдан под суд. Приговор в конечном счете вынесли оправдательный, но должность предложили такую, что содержать семью – а Даль к тому времени остался единственным ее кормильцем – было невозможно» [6]. Добавим к сказанному только то, что сам Даль, не смотря на нешуточное давление, так и не признал себя виновным в том, что ему инкриминировали, тогда как бывший в то время «Главным командиром Черноморского флота и портов» вице-адмирал Алексей Самуилович Грейг в соответствующем Рапорте, направленном им в Аудиторский департамент Морского министерства, несмотря на признание на отсутствия прямых доказательств, безапелляционно объявлял его виновным...

На наш взгляд, этих общих сведений, дающих представление об основном конфликте, вполне достаточно для того, чтобы рассматривать пьесу Николая Троянова и пытаться осмыслить созданный драматургом художественный образ, поскольку автор пьесы – не историк, не учёный-краевед, а

писатель, имеющий право на авторскую художественную интерпретацию исторических событий.

Образ Владимира Ивановича Даля, если рассматривать сюжет произведения, создаётся Николаем Трояновым весьма оригинально: пьеса представляет собой развёрнутую ретроспекцию, состоящую из «Пролога» и нескольких картин. В «Прологе» мы видим «старика Даля» [5, с. 246], познавшего всероссийскую славу академика и автора только что вышедшего из печати и мгновенно ставшего знаменитым «Словаря». В дом к нему приходит друг юности, который напоминает ему о событиях далёкого уже прошлого, о Пушкине и городе Николаеве. После чего, в первой сцене воспоминаний, перед зрителями появляются Николаев, дом вице-адмирала Языкова, семейство адмирала, юный мичман и его друг Сильва. Последний, устраивая свои амурные делишки, в следующей сцене воспоминаний рассказывает влюблённой в Даля дочери адмирала Языкова о пребывании мичмана на гауптвахте, о его отношении к ней, подготавливая этим появление самого «героя», освобождённого из-под стражи, получившего повышение (чин лейтенанта) и направление к новому месту службы, в Кронштадт. Заканчивается пьеса прощанием Сильвы и Даля на городском бульваре, а также случайной встречей и окончательным объяснением навсегда расстающихся Владимира и Марии. Переход от сцены к сцене осуществляется с помощью условного приёма «затемнение», сопровождающего окончание каждой из сцен.

Применительно к особенностям создания образа главного героя считаем необходимым подчеркнуть, что такой приём «совмещения времён» в рамках одного произведения даёт автору возможность не просто показать поступки героя и познакомить зрителей с оценкой этих поступков самим героем, но и сосредоточить основное внимание на раскрытии его внутреннего мира, на эволюции образа.

Второй интересный момент при создании автором образа главного героя, который следует отметить, заключается в постоянном использовании Николаем Трояновым приёма создания образа-персонажа драматического произведения, который носит условное название «герой о герое» [4, с. 71]. В самом начале следующей сразу же после «Пролога» сцене «николаевских» воспоминаний «старика Даля» о событиях, волнующих горожан, и о роли Владимира Даля в этих событиях рассуждают разные люди, которые и относятся к нему по-разному. Это и уже упоминавшийся вице-адмирал в отставке, суровый служака Николай Львович Языков, и его супруга, не по возрасту кокетливая и легкомысленная Гликерия Николаевна, и влюблённая в мичмана их восемнадцатилетняя дочь Мария. Этот разговор формирует определённое отношение зрителя к появляющемуся на сцене герою, создаёт необходимый эмоциональный настрой, обеспечивающий соответствующее восприятие мичмана, неординарность личности которого заставляет самых разных людей обращать на него внимание.

Таким образом, благодаря постоянному и очень удачному использованию приёма «герой о герое» (в одной из сцен, это будет рассмотрено ниже, Даля вообще нет, но мы узнаём о нём довольно много от других героев) зрители имеют возможность всесторонне осмыслить образ главного героя, составить о нём собственное впечатление, которое складывается на основе как личного впечатления, так и разнообразных высказываний о нём других персонажей пьесы.

В «Прологе» Даль предстаёт перед зрителями как человек почтенного возраста, сумевший в то же время сохранить юношеское восприятие действительности, юношеские жажду жизни и азарт. Своеобразная «игра» с Сильвой, когда погружённый в работу автор «Словаря» пытается по голосу узнать своего гостя, становится доказательством того, что этот человек преклонных лет сохранил способность

по-детски радоваться жизни, сохранил непосредственность восприятия действительности: «Теперь они, два старика, начинают играть в своеобразные свои игры, в кошки-мышки...» [5, с. 247]. Игра, в которой совсем скоро прошлое и настоящее станут единым целым...

Непосредственность мировосприятия главного героя и его подлинную мудрость доказывают и его явно выраженная самоирония, его готовность подшутить над собой. Это касается как «мелочей», так и вполне серьёзных, жизненно важных для любого человека моментов.

Когда Сильва с нарочитой укоризной-насмешкой говорит Далю о том, что тот «плохой хозяин» [5, с. 247], потому что у него в доме нет любимого напитка моряков – рома, хозяин с готовностью подхватывает слова гостя: «Хозяин никуда. Да что с него возьмёшь, коли сам не пьёт. Зарылся по уши в бумаги и шуршит. Бумага терпит...» [5, с. 247]. Не менее ироничен по отношению к самому себе хозяин дома и тогда, когда речь заходит о главном деле его жизни – «Словаре», только что вышедшие из печати четыре тома которого лежат на рабочем столе. Сильва сообщает ему, что «Звон по Москве идёт: четыре тома вышло словаря Толкового. И автор будто бы Владимир Даль» [5, с. 247], на что следует ответ автора «Словаря»: «Даль (искренне удивлён) Не может быть! Значит, толк некий есть?» [5, с. 247]. Обращает на себя внимание ремарка, с помощью которой не только передаётся отношение автор к известию о том, что выход главного произведения, главного труда всей его жизни вызвал большой интерес у читателей, но и подчёркивается эмоциональность этого немолодого человека, его умение глубоко (на эмоциональном уровне) «проживать» жизнь.

В «Прологе» эмоциональность и искренность главного героя проявляются во всём: и в его «кошках-мышках» с Сильвой, и в его отношении к внучке Кате, и в воспомина-

ниях о Пушкине и всё том, что связано с этим человеком. Воссоздавая основные события своей жизни, Даль говорит Сильве: «Встречался с Пушкиным, святое имя в моей судьбе» [5, с. 248]. Именно воспоминания о Пушкине, о котором хорошо знакомый с поэтом Сильва говорит, что «Он вёл себя по-рыцарски всегда» [5, с. 247], вызывают у героя наиболее сильные чувства, именно эти воспоминания помогают ему «узнать» своего гостя. Так происходит потому, что личность великого русского поэта одинаково дорога собеседникам.

В те мгновения беседы, когда встретившиеся после почти что сорокалетней разлуки друзья вспоминают Пушкина, исчезают и шутливость тона, и некоторое ёрничество по отношению друг к другу. Потому что для каждого из них Пушкин-человек означает едва ли не самое сокровенное в жизни, а поэзия Пушкина, трагическая судьба русского гения сообщают высокий смысл их собственной жизни.

Возраст героев таков, что они не могут не задать себе вопрос, сформулированный Далем: «Так что же надо человеку, чтоб жизнь прожить достойно?» [5, с. 249]. Это притом, что каждый из них в плане житейском преуспел достаточно, дошёл, если воспользоваться гениальной формулой ещё одного великого Александра Сергеевича русской литературы, «до степеней известных». И в процессе своего «восхождения», достижения жизненного успеха, что может считаться самым главным, добивался своих «степеней» совсем не так, как Алексей Степанович Молчалин рекомендовал, а честным трудом, не щадя себя, подчас и рискуя жизнью ради исполнения долга...

Казалось бы, упрекнуть себя героям не в чем, жизнь прожита достойно, но ведь перед памятью Пушкина многое в жизни видится и воспринимается совсем по-другому? И тут же в разговоре появляются строки Шекспира, что, вероятно, можно рассматривать как опосредованную оценку Далем и его другом личности и творчества Пушкина. Состо-

явшееся «узнавание» друга молодости произошло благодаря двум великим поэтам.

Следствием «узнавания» Далем Сильвы можно считать погружение героев в далёкое (если брать не Вечность, а обычную человеческую жизнь) прошлое, их попытку посредством этого погружения дать ответ на волнующий обоих вопрос о достойно прожитой жизни. Даль предлагает старому другу? «Давай-ка, вспомним Николаев, двадцать третий год. Как это было?» [5, с. 249]. Этим предложением заканчивается «Пролог», после чего зрители становятся свидетелями того, «как это было».

Подводя итог, можно сказать, что в «Прологе» в плане раскрытия психологии героя образ Владимира Даля прорисован достаточно глубоко и всесторонне. Мы видим прожившего жизнь великого учёного, моряка и врача, который, с одной стороны, внутренне уверен, что жизнь его прожита не зря, с другой же стороны – под влиянием встречи со старым другом и упоминания имён Пушкина и Шекспира, делает попытку ещё раз убедиться в этом, для чего мысленно возвращается во времена юности, к одному из самых трудных периодов своей долгой и нелёгкой жизни.

Для более точного понимания пьесы надо знать, что Николай Львович Языков – личность историческая, в истории Черноморского флота и Николаева вице-адмирал Языков занимает существенное, хотя и неоднозначно трактуемое историками, место [8]. Однако созданный в пьесе Николая Троянова образ его весьма далёк от реального исторического деятеля, зато идеально подходит для того, чтобы «представить» публике молодого мичмана Даля в разговоре с домочадцами. Да и в дальнейшем позиция вице-адмирала, его отношение к Далю очень важны для понимания образа главного героя пьесы.

Сам адмирал, его супруга и дочь знакомят нас и с адмиралом Грейгом, и с историей его влюблённости в «еврейку

молодую» [5, с. 250], которая своим поведением вызывала нескрываемое неодобрение значительной части населения города, но, похоже на то, являлась кумиром Гликерии Николаевны Языковой. Узнаём мы также, что среди недовольных поведением Юлии горожан были молодые подчинённые всесильного адмирала Грейга, благодаря которым в городе «ходит анекдот о Грейге, и о его возлюбленной... о Юлии... Будто по вечерам вдоль стен крадутся люди, одетые во всё чёрное... и наклеивают на стены... пасквили... стихи-афишки...» [5, с. 251]. Сообщая об этом «анекдоте» дочери, встревоженный вице-адмирал Языков пытается выяснить её отношение к произошедшему, однако, складывается такое впечатление, уклончивый ответ Марии вряд ли может его успокоить: «Я анекдота не люблю, папа» [5, с. 251]. Равно как и не успокаивает его легкомысленно-кокетливое утверждение супруги о том, что это всего лишь «Шалость, идущая от молодых людей! Бравата мальчиков!» [5, с. 251]. К многозначительному замечанию старого адмирала «С огнём шалить на корабле не следует» [5, с. 251] имеет смысл прислушаться, потому что герой многих сражений и успешный чиновник-администратор хорошо знает то, о чём говорит. Это замечание особым образом предсказывает незавидную судьбу тех «молодых людей», которые позволили себе затронувшую самолюбие большого начальника «шалость».

После ухода адмирала выясняется, что его дочь на самом деле прекрасно ориентируется в обстоятельствах, названных отцом «анекдотом», о которых отзывалась столь небрежно, объявив о полном отсутствии интереса к ним. Причин здесь, как мы впоследствии понимаем, несколько, но главную из них супруга адмирала, неглупая и не любящая «упустить своё» женщина, определяет безошибочно: «Она безумно любит мичмана, но хочет скрыть... А скрыть ей не удастся» [5, с. 253]. Именно в этот момент и появляются в

пьесе молодые Даль и Сильва, встречей которых в «Прологе» и началась пьеса.

Даль – молчаливый, углублённый в себя – внешне и в поведении изначально проигрывает балагуру и весельчаку Сильве, который изящно, «на грани фюла», кокетничает с супругой адмирала. Языкова же, которая «на четверть века моложе своего супруга и продолжает молодиться» [5, с. 250], старается одновременно и привлечь явно симпатичного ей Сильву, и всячески подчеркнуть свою роль добродетельной матери юной девушки, стремящейся сохранить незапятнанной репутацию дочери: «Как благоразумная и чадолюбивая мать, я не стесняю дочь, но... женщина в корсете должна быть обязательно!» [5, с. 253]. Дальнейшие события покажут, что эта «благоразумна» мать и супруга далеко не всегда следует правилам поведения, которые она провозглашает и выполнения которых требует от других.

Искренне расположенный к Далю и переживающий из-за него Сильва, желая представить друга в как можно более выгодном свете, одновременно подшучивает над ним, с иронией сообщая Языковой о том, что его друг Владимир «собирает пословицы и поговорки и складывает в кучу» [5, с. 254]. Вроде бы в шутку, продолжая иронизировать, он произносит слова, которые, как подтвердит это вся последующая жизнь Владимира Ивановича Даля, поистине окажутся пророческими: «... на самом деле он крупички золота в коробочку кладёт и прячет» [5, с. 254]. Сам же герой рассказывает о своём увлечении с большим чувством, и нам становится понятно, что собирание пословиц и поговорок является для него жизненно важным делом, а не прихотью или чем-то преходящим.

С помощью пословиц и поговорок Даль тонко подсмеивается над не понимающей этого Языковой, однако на её прямой вопрос о том, любит ли он Марию, отвечает не менее прямо: «Истинная правда, сударыня. Я этим гор-

жусь!» [5, с. 254]. Казалось бы, подлинное чувство всегда находит верные слова для выражения себя, но, характеризуя по просьбе Языковой Марию, любящий её герой произносит в высшей степени претенциозную фразу, утверждая, что «Машенька – это шедевр, сделанный из живой плоти по античным образцам» [5, с. 254]. Фраза эта заметно диссонирует с речью персонажа, но, может быть, её появление объясняется учётом своеобразия личности того, с кем беседует Даль? «Продолжающая молодиться» Гликерия Николаевна Языкова, не на шутку возбуждённая (как покажут дальнейшие события...) присутствием в доме явно нравящегося ей Сильвы, похоже, ждёт от влюблённого в её дочь молодого человека именно таких слов, и Даль их произносит. Полагаем, что такое поведение раскрывает новые черты характера героя, умеющего слышать не только себя, но и других людей, быть снисходительным к мелким слабостям этих людей.

Однако, на наш взгляд, гораздо полнее характер мичмана Даля раскрывается во время его разговора с вице-адмиралом Языковым, вернувшимся из Штаба, где он был свидетелем того, как именно Алексей Самуилович Грейг отреагировал на «пасквили». Отметим также, что этот разговор происходит сразу же после того, как успешно соблазняющий Гликерию Николаевну Сильва виртуозно «выкрутился», продемонстрировав и смекалку, и недюжинный актёрский талант: он объясняет хозяйину дома, заставшему свою жену в его объятиях, что они таким образом всего лишь... репетируют сцену из пьесы Шекспира! В своём лицедействе Сильва преуспел настолько, что ему абсолютно искренне рукоплещут Владимир и Мария, прослушав монолог, они «горячо аплодируют незаурядному актёрскому дарованию Сильвы» [5, с. 256].

Вице-адмирал Языков искренне возмущён поведением мичмана Даля, его проступком. В то же время, его слова входят и на обобщение, с помощью которого старый служака

пытается объяснить и одновременно осудить поведение мичмана: «Русский человек на трёх сваях стоит: авось, небось да как-нибудь» [5, с. 256]. Указывая провинившемуся мичману на признанное в империи величие адмирала Грейга и его, мичмана Даля, ничтожество в сравнении с Грейгом, Языков предупреждает предполагаемого автора «пасквиля» о неизбежных для него печальных последствиях.

Но вот только мичман Даль не стусевался, как этого можно было ожидать, после обвинений вице-адмирала! Наоборот, он, признавая, что «пасквиль» на самом деле «сочиняли другие» [5, с. 256], не оправдывается, объясняя своё поведение, своё отношение к адмиралу Грейгу не частными мотивами или личными качествами последнего, а своей тревогой о судьбе русского флота. И в этом старый адмирал, отдавший всю жизнь флоту, вынужден с ним согласиться: «Администрация флота состоит из мошенников и казнокрадов, но об этом известно государю. И что за гибельная страсть: сочинять фиоритуры, шарады, эпиграммы, эпистолы-пасквили, и всякие двусмыслицы. Зачем вам это, офицер русского флота?» [5, с. 256]. Ответ Даля вроде бы очень абстрактен: «Сегодня часто добросовестность и справедливость идут в ссылку, а беззаконие торжествует» [5, с. 256], но вице-адмирал его прекрасно понимает. Делаем такой вывод потому, что слова, сказанные молодым мичманом, заставляют старого адмирала... оправдываться! Он оправдывает творящиеся беззаконие и произвол ссылкой на то, что, дескать, «ведь это люди, а люди... они люди» [5, с. 256], однако сам понимает, насколько неубедителен, ибо это объяснение далеко от правды.

Даль, что называется, оказывается между двух огней, потому что не только в служебных делах его положение очень сложно. Можно сказать, что отношения с любимой женщиной определяются сейчас его служебными неурядицами, грозящими ещё большими неприятностями.

Он искренне любит Марию, Мария не менее искренне любит его, они открыто признаются в своих чувствах, и в свете разворачивающихся событий эти обстоятельства шокируют отца и мать девушки, вызывают их опасения. По-житейски супругов Языковых можно понять, потому что любые родители всегда желают счастья своим детям. И счастье, что греха таить, прежде всего понимается как материальное благосостояние и обеспеченное будущее... Да и положение обязывает, Мария ведь дочь вице-адмирала. Тут же сердцем их дочери завладел небогатый (если не сказать прямо, что бедный) молодой человек «без будущего», к тому же оказавшийся благодаря собственным легкомыслию и неосторожности в чрезвычайно тяжёлом положении. О последнем обстоятельстве Языков и сообщает всем присутствующим и Дально в частности: «Хотя прямых улик как будто нет, но мичман Даль в серьёзном подозрении. Ваша судьба сейчас висит на волоске» [5, с. 257].

Отмеченное выше обстоятельство сильно осложняет и личную жизнь героя, и его карьеру, которой, как предполагают сведущие люди, очень скоро может наступить конец. Здесь-то и проявляется благородство натуры героя, который сам уходит от любимой женщины, не желая становиться источником её несчастий.

Одновременно, оставляя дом Языковых, Даль отстаивает свою гражданскую позицию, подтверждая свою решимость идти до конца примером из жизни отца, который некогда служил «доктором у великого князя Павла, будущего императора» [5, с. 257]. Став свидетелем того, как будущий император надругается над одним из военных, отец Даля «назавтра зарядил два пистолета и с ними пошёл к Павлу во дворец, на службу. Если бы на него так накричали, то он пустил бы пистолеты в дело» [5, с. 257]. Поэтому, по нашему мнению, стандартная и в общем-то нейтральная по значению фраза «Честь имею!» [5, с. 257], которой заканчивает

свой рассказ об отце и своё пребывание в доме Языковых Даль, приобретает в контексте его беседы с адмиралом чрезвычайно глубокое значение.

После ухода Даля семья Языковых, как оно часто в жизни бывает, сразу же начинает говорить об ушедшем. И старый адмирал произносит фразу, которая вызывает недоумение и у жены, и у дочери, бывших свидетельницами той «выволочки», которую он устроил молодому мичману: «Молодец!» [5, с. 257]. Жена выражает своё удивление тем, что осведомляется, о ком, собственно говоря, идёт речь? Кто этот «молодец»? Ответ адмирала следует незамедлительно: «Мичман Даль. Удивительно светел юноша. Мне впервые понравился» [5, с. 257]. Пояняя удивлённой дочери, почему же он тогда был неподдельно суров с ним, почему прогнал столь симпатичного ему молодого человека, адмирал с горечью говорит о том, что «Прогнал... за дело. Он получил взбучку от меня» [5, с. 257]. Как мы понимаем из его дальнейших слов, горечь вызвана тем, что в протесте Даля, в его поведении вице-адмирал Языков видит самого себя – но только молодого, счастливого тем, что главным в его жизни являются море и служба, а не интриги в штабах.

Можно сделать вывод, что в этой сцене из воспоминаний главный герой проявляет свои лучшие человеческие качества, одерживает моральную победу. Полагаем так потому, что ему удаётся заставить уважать свою жизненную позицию даже человека, который изначально вообще не воспринимал его как личность, имеющую право на самовыражение.

В следующей сцене мичман Владимир Даль по-прежнему остаётся главным действующим лицом пьесы, хотя... на сцене его нет! Он пребывает под арестом на гауптвахте. Более того, уже имеется и соответствующий приговор суда, согласно которому признанного виновным мичмана Даля должны «лишить чина и записать в матросы на шесть меся-

цев» [5, с. 258]. Языков, вернувшийся из Штаба, сообщает дочери, что этот приказ-приговор «продиктовал сам Грейг» [5, с. 258], и это означает, что всемогущий адмирал будет лично и весьма тщательно следить за его неукоснительным исполнением...

Мария в разговоре с отцом не только говорит о своей любви к осуждённому мичману, но и выражает протест против тех, кто несправедливо преследует её любимого человека. Любопытна деталь, с помощью которой автор подчёркивает решительность девушки: она так и не изменила свой внешний вид, не переделалась, а ведь в прошлом действии Мария предстала перед Далем «в костюме гусарского офицера» [5, с. 254]. На вопрос отца, который не может понять, почему она не снимает «свой мундир» [5, с. 258], девушка отвечает: «В нём удобнее кому-то вклеить пощёчину. Уж больно руки чешутся» [5, с. 258]. Среди тех, кому она с удовольствием «вклеила» бы пощёчину, названы представители власти...

Пытаясь осмыслить свои ощущения, свои переживания, вызванные вопиющей несправедливостью, проявленной по отношению к любимому человеку, Мария признаётся отцу: «Душа взрывается, горит и протестует» [5, с. 258]. Именно таким образом любимая женщина мичмана Даля реагирует на его арест и осуждение, и это тоже становится характеристикой личности главного героя.

Также в этой сцене понимание образа Даля становится более полным благодаря обращённому к Марии короткому рассказу Сильвы о том, что происходит с сидящим на гауптвахте мичманом. Мы узнаём о том, что является для Владимира Даля в этот момент самым главным в жизни: «Он помнит вас, он любит вас. Он будет рад письму» [5, с. 259]. Надо согласиться, что человек, осуждённый несправедливо, но и в этой, труднейшей для себя, жизненной ситуации превышает всего ценящий возможность поддерживать отношения с

любимым человеком, заслуживает уважения? Соответственно, его чувство должно быть признано настоящим, глубоким и сильным чувством.

Полагаем, что физическое «отсутствие» главного героя в этой сцене компенсируется его «присутствием» в разговорах о нём других героев пьесы, с помощью этих разговоров мы узнаём об основных чертах характера Владимира Даля: о его мужестве, верности чувствам, готовности отстаивать свои убеждения в любых, даже самых неблагоприятных для него, обстоятельствах. Косвенным подтверждением силы характера главного героя пьесы можно считать то глубочайшее воздействие, которое личность Даля оказала на Марию, заметные изменения в характере девушки, проявившиеся в первую очередь в её активном протесте против несправедливости, допущенной по отношению к любимому.

Наиболее полно духовное перерождение Марии, ставшее следствием влияния на неё личности Даля и чувства к нему, мы можем видеть в финальной сцене пьесы, когда на бульваре главный герой прощается с Николаевым, готовясь отбыть в Кронштадт. Слова, которые Мария Языкова говорит любимому человеку, прощаясь с ним навсегда, – это гимн любви и одновременно слова благодарности ему за то, что он был в её жизни: «Я понимаю, сколь же несовершенна жизнь вокруг, но я верю в хороших людей и не собираюсь жить в затворе. Впредь я буду защищать ваше имя, Владимир Даль. Вы для меня были и остаётесь открытым человеком... правдивым, сильным, добрым, мягким, благородным, милым... великим и забавным, чудесным и цельным. Я хочу любить вас всегда... и буду любить... даже если не буду вас видеть...» [5, с. 262]. Благодаря своему чувству к Далю, Мария не просто повзрослела, она стала по-настоящему мудрой женщиной, сумела глубоко понять себя, своих родителей, жизнь. В её обращении к Владимиру нет отчаяния, страха перед жизнью, озлобленности – любовь и любимый

человек, о котором отец говорил как о «светлом человеке, сделали её лучше и светлее.

Сам же Даль очень сильно переживает неизбежное расставание с Николаевым и дорогими ему людьми, которые остаются в этом городе. Безусловно, главным человеком для него является Мария, поэтому он признаётся ей: «Мне привелось быть в вашем доме... и видеть вас, Маша. Я счастлив, что вы есть, вот такая Мария Николаевна Языкова» [5, с. 262]. А немного раньше, в разговоре с Сильвой, Даль признаётся также, что самым тяжёлым моментом, связанным с его отъездом из Николаева, является потеря дорогих ему людей: «Дом вице-адмирала Языкова я теряю. Пристанище души... уют, тепло... и бриллиант живой воды Мария» [5, с. 261]. Если судить только по этим словам, то можно сделать вывод, что Владимир Даль покидает Николаев сломленным, потерпевшим поражение человеком, но на самом деле это не так.

Расставаясь с Николаевым, Даль отчётливо осознаёт, что именно в дальнейшем должно стать главным делом его жизни, смыслом этой жизни. Это осознание своего жизненного предназначения не просто помогает ему пережить тяжесть разлуки, оно помогает ему осмыслить и главную жизненную цель, достижение которой должно будет оправдать жизнь главного героя, сделать её достойной. Вот как Даль пытается определить в прощальном своём николаевском разговоре с Сильвой главное в самом себе и своей жизни: «Любою порядок. Точность. Соразмерность. Правду, поиск, труд. Ведь что такое собирать слова-половицы? Ведь это труд на годы, на десятки лет, ему конца не будет. Иное слово сказано бог знает где... в Архангельске, на Клязьме... на пасеке под Костромой, иль под Воронежем... Матрос привёз его оттуда, а я его услышал, записал... и думаю над ним. Мне и не снится быть зодчим, даже каменщиком, лишь подносчиком, чтоб выстроить дворец великий – видный отовсюду в Европе. Дворец под именем «Богатство русской речи!»

[5, с. 261]. Представляется, что в этих словах действительно сформулирована жизненная программа главного героя, которую он определил под влиянием всего того, что произошло с ним весной 1823-го года в Николаеве и выполнению которой, как выяснится позднее, посвятил всю жизнь.

Жанр пьесы о мичмане Дале определён Николаем Трояновым следующим образом: «Трагикомедия в одном действии с прологом» [5, с. 246]. В произведении, несомненно, очень сильна комическая линия: «любовная история» Сильвы и Гликерии Николаевны Языковой практически вся выдержана в комической тональности, да и сам образ жены вице-адмирала выписан как образ по преимуществу комический. Однако остальные образы – это образы, в которых весьма сильно трагическое начало.

Трагизм любви навсегда расставшихся Владимира Даля и Марии Языковой очевиден, однако не менее трагичным представляется и образ вице-адмирала Языкова. Человека, старавшегося всю жизнь честно и достойно служить России, но вынужденного существовать в мире, где по-настоящему честному человеку выжить практически невозможно. И при этом довольно часто закрывать глаза на поведение по-настоящему любимой им супруги, которая иногда, заигрываясь, забывает и о своём возрасте, и о том, что она замужняя женщина...

Трагичен образ Сильвы, настоящего моряка, который самоотверженно служит российскому императору... и мечтает о возвращении в Венецию, прекрасно понимая, что это возможно только после смерти... Как тут не вспомнить неоднократно упомянутого героями пьесы гениального Пушкина:

*И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать [3, с. 197].*

Образ же главного героя, созданный Николаем Трояновым, представляется нам явно неоднозначным. Трагическая составляющая этого образа очевидна, о чём говорилось выше: он не может быть счастливым в личной жизни, не может сделать счастливой любимую женщину. Но в это же время в пьесе представлен образ человека, сумевшего угадать и исполнить своё главное в жизни предназначение – навсегда утвердить величие родного языка. Может ли такой человек считать себя несчастным? Может ли он восприниматься как несчастный окружающими?

Анализ образа Владимира Даля в пьесе Николая Троянова «Мичман Даль» позволяет нам сделать следующие основные выводы:

- пьеса Николая Троянова представляет собой художественную интерпретацию исторических событий, участником которых был выдающийся русский учёный и писатель Владимир Иванович Даль;
- образ главного героя пьесы создан автором в русле соединения исторической правды и творческого вымысла, основой этого образа стали осмысление творческого наследия Владимира Даля и изучение исторических документов;
- образ Владимира Даля в пьесе создан с помощью ретроспекции, «соединение времён» в произведении даёт возможность увидеть истоки жизненной позиции героя и проследить его эволюцию;
- считаем, что пьеса Николая Троянова «Мичман Даль» является актуальным современным произведением, поскольку образ главного героя помогает понять противоречивую личность Владимира Ивановича Даля, особым образом «приближает» её к современности.

Литература

1. Мирошниченко Е. Г. Я зачем-то съездил в Николаев... / Е. Г. Мирошниченко. – Николаев : Аванта, 2001. – 160 с.
2. Николаевцы. Энциклопедический словарь. – Николаев : Возможности Киммерии, 1999. – 374 с.

3. Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10-и томах / А. С. Пушкин. – Т. 2 : Стихотворения 1825–1836. – М. : Худож. лит., 1974. – 688 с.
4. Словарь литературоведческих терминов / редакторы-составители Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – 509 с.
5. Троянов Н. А. Мичман Даль / Н. А. Троянов // Освітнянські вітрила : Гуманітарний альманах. – № 3–4. – Миколаїв : Іліон, 2006. – С. 246–262.
6. Порудоминский В. Страницы из жизни В. И. Даля [Электронные ресурс] / В. Порудоминский // Прометей : Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Том 5. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/Prometey-5/2.htm> (дата обращения 11.10.2011).
7. Крючков Ю. С. На грани веков : исторические повести [Электронные ресурс] / Ю. С. Крючков // Поэзия и проза : сайт Андрея Садохова. – Режим доступа: <http://www.sadohov.ru/kryuchkov.php> (дата обращения 11.10.2011).
8. Языков Николай Львович [Электронные ресурс] // Николаевская область : электронная историческая энциклопедия. – Режим доступа: <http://history.mk.ua/?p=1219> (дата обращения 11.10.2011).

1.2 **Качества человека сквозь призму паремийных образов (на материале паремий со значением сравнения, собранных В. Далем)**

Анализируются законы сравнения в паремиях. Исследуются способы образного переосмысления компонентов паремий путем построения моделей, иллюстрирующих качества человека посредством сравнения с различными животными. Выделяются тематические группы, в которых показаны различные качества: моральные, интеллектуальные, эмоциональные, а также социальные, поведенческие характеристики, описание внешнего вида, зрительного восприятия и т. п.

Человек с древних времен пытается познать и понять самого себя. Вопросы нравственности волновали как мыслителей всех эпох, так и обыкновенных людей. Каким должен быть настоящий человек? Какими чертами он должен обладать? Какие качества считаются положительными, а какие – отрицательными? Ответ на эти вопросы можно искать в паремиях, которые, как известно, фиксируя общечеловеческие приоритеты, одновременно отражают ценностные представления народа о мире и о своем пребывании в нем.

Целью данной статьи является выявление качеств человека путем анализа образов, представленных в пословицах и поговорках со сравнительным значением. Объектом исследования стал большой по объему массив паремий (1100 ед.), выбранных из сборника В. Даля «Пословицы русского народа» [1; 2], среди которых большую часть (около 600 ед.) составляют конструкции, содержащие различные образы. Предмет исследования – закономерности, по которым происходит сравнение субъекта с объектом в паремиях с образными компонентами.

Хотя структура паремии со значением сравнения соответствует языковой модели сравнения и включает субъект

и объект сравнения, основание сравнения и показатель сравнительных отношений, она имеет семантическое и структурное своеобразие, связанное со спецификой её как фольклорного жанра.

Традиция употребления слова в фольклорных текстах (в частности – в паремиях) обуславливает взаимодействие прямого и переносного – метафорического, символического, образного, ассоциативного его значений.

Исследуемые паремии как элементы фольклорного мира могут иметь прямую номинацию (*Сытый волк смирнее завистливого человека*), а могут выражаться образами, которые всегда национальны, конкретны, зависимы от жанра (*Счастье, что волк: обманет да в лес уйдет, Добрался, как волк до овчарни, Солдат, что волк: где попало, там и рвет*). В связи с этим нам представляется целесообразным исследование специфики качеств человека, которые иллюстрируются при помощи объекта сравнения.

Большинство паремий изначально производилось с разными компонентами. Воспринимая действительность, человек образно осознавал окружающее его. Особенно это проявлялось в восприятии природы. Так, животные, растения, а также элементы неживой природы воспринимались как носители определенных фиксированных характеристик и отношений (*лиса* – хитрость, *дуб, камень* – крепость и т. д.). Вследствие дальнейшего метафорического переосмысления компонентов паремий осуществлялись семантические изменения, трансформации. Первичный образ приобретал символическое значение.

Паремии за период многовекового существования несколько изменили свой смысл. Первичные (прямые и образные) номинации компонентов паремии расширили свое значение, что обусловило обогащение семантики и возникновение широкого круга ассоциаций вокруг них. Ассоциативные связи окрепли, стали общепризнанными, а смысл паремии вышел далеко за пределы прямого содержания

паремийного высказывания – прототипа. Вследствие этого каждая паремия воспринимается говорящим как знаковая единица с определенным набором смыслов.

При толковании паремии, как и при толковании фразеологизмов, уходящих своими корнями в давние времена, часто возникают определенные трудности. Они обусловлены тем, что тип отраженного в паремиях мировоззрения зачастую значительно отличается от современного. Поэтому при интерпретации первичного смысла паремии невозможно ограничиваться только лингвистическим анализом. Вследствие этого проблема расшифровки их содержания выходит за рамки чисто лингвистического анализа и охватывает широкий круг проблем исторического, этнографического, национально-культурного характера.

В создании паремий, как и в создании фразеологических единиц, большая роль принадлежит внеязыковым факторам, поскольку фразеологические единицы связаны с традициями, материальной и духовной культурой народа.

При исследовании порядка 600 паремий с различными образами нами было установлено, что среди них значительное место (268 ед.) занимает группа, в которой представлена характеристика человека на основе образно-метафорических связей с царством природы, а также с вещным миром: *Любит, как собака палку, Солдат, что волк: где попало, там и рвет, Смирен, как теленок, кроток, как ягненок.*

В паремиях со значением сравнения, как и вообще в фольклоре, широко представлены образы различных животных, однако, в отличие от других фольклорных жанров, в паремиях эти образы получают иную интерпретацию. Если главными героями, например, сказок являются звери, которые, хотя и говорят и ведут себя как люди, остаются и воспринимаются как звери, то в паремиях посредством объекта со значением животного представлена метафорическая характеристика человека.

Как известно, в поговорках отражается извечный интерес человека к своей сущности – внутреннему миру и внешним характеристикам – посредством языковой интерпретации окружающей его действительности. Вследствие того, что фольклорные традиции имеют глубокие философские корни, поговорки являются своеобразным «кодексом» моральных, эстетических, этических и многих других ценностей человека.

В сравнительных поговорках названия животных способствуют образной характеристике разнообразных человеческих качеств и свойств. Об этом свидетельствует множество примеров, в которых присутствуют в качестве объекта сравнения образы, опирающиеся на наглядные представления о некоторых животных, с точки зрения соответствующих различных человеческих характеристик. Эти представления и являются образно-метафорической основой семантики поговорок. При метафоризации происходит как бы двойная, поэтапная квалификация: прежде чем назвать хитрого человека лисой, трусливого – зайцем, неуклюжего – медведем и т. п., нужно связать эти качества с животными – т. е. квалифицировать каждое животное соответствующим образом.

Представления о животных в сравнительных поговорках могут быть отражены в моделях компаративных фразосемантических групп, подобных моделям, исследованным А. А. Ивченко [3] и И. В. Кузнецовой [4].

1. Моральные качества человека.

Семантический ряд «очень трусливый»:

Модель 1: «*труслив что* + дикое животное = очень трусливый» (*Труслив, что заяц...[2, с. 400]*);

Модель 2: «*роблив что* + дикое животное = очень трусливый» (...*роблив, что заяц [1, с. 226]*).

Семантический ряд «очень смиренный»:

Модель 1: «*смирен как* + домашнее животное = очень смиренный» (*смирен, как корова [1, с. 222]*);

Модель 2: «*смирен как + детеныш домашнего животного = очень смирный*» (*Смирен, как теленок... [1, с. 217]*);

Модель 3: «*кроток как + детеныш домашнего животного = очень смирный*» (...*кроток, как ягненок [2, с. 217]*).

Семантический ряд «очень хитрый»:

Модель: «*лукав как + пресмыкающееся = очень хитрый*» (...*лукав, как змея [2, с. 153]*).

Семантический ряд «беззастенчиво лгать»:

Модель: «*врет как + домашнее животное = беззастенчиво лжет*» (...*врет, как сивый мерин [1, с. 359]*).

Семантический ряд «очень злая»:

Модель: «*зла что + пресмыкающееся = очень злая*» (...*зла, что змея [1, с. 112]*).

Семантический ряд «очень пакостливый»:

Модель: «*пакостлив как + домашнее животное = очень пакостливый*» (...*пакостлив, как кот... [1, с. 226]*).

2. «Интеллектуальные характеристики человека».

Семантический ряд «очень глупый»:

Модель 1: «*глуп как + домашнее животное = очень глупый*» (*глуп, как свинья...[2, с. 204]*);

Модель 2: «*прост как + домашнее животное = очень глупый*» (*прост, как свинья...[2, с. 153]*);

Модель 3: «*мудер не как + детеныш домашнего животного = очень глупый*» (*мудер, а не как теленок [2, с. 76]*).

3. «Эмоциональные характеристики человека».

Семантический ряд «очень любить»:

Модель: «*любит как + домашнее животное + палку = очень любит*» (*любит, как собака палку [2, с. 227]*).

Семантический ряд «совсем не любить»:

Модель: «*люблю как + насекомое = совсем не люблю*» (*люблю, как клопа в углу [2, с. 227]*).

4. «Социальная характеристика человека».

Семантический ряд «очень бедный»:

Модель: «*гол как + дикая птица = очень бедный*» (*гол, как сокол, [1, с. 225]*).

5. «Физическая характеристика человека».

Семантический ряд «очень здоровый»:

Модель: «здоров как + домашнее животное = очень здоровый» (*здоров, как бык [1, с. 346]*).

6. «Поведенческие характеристики человека».

Семантический ряд «очень блудливый»:

Модель: «блудлив что + домашнее животное = очень блудливый» (...*блудлив, что кошка [2, с. 400]*).

Семантический ряд «хорошо отыгрывается»:

Модель: «*отыгрывается как + дикое животное + хвостом = хорошо отыгрывается*» (*отыгрывается, как лиса хвостом [1, с. 151]*).

7. «Характеристика внешнего вида человека».

Семантический ряд «сильно покраснел»:

Модель: «*покраснел как + членистоногое = сильно покраснел*» (*покраснел как рак [1, с. 413]*).

8. «Зрительное восприятие человека».

Семантический ряд «удивленно смотреть»:

Модель 1: «*смотрит как + домашнее животное + на писанные ворота = удивленно смотрит*» (*смотрит, что корова на писанные ворота [1, с. 76]*);

Модель 2: «*глядит как + домашняя птица + на зарево = удивленно смотрит*» (*глядит, как гусь на зарево [2, с. 76]*).

Семантический ряд «смотреть с любопытством»:

Модель: «*заглядывает как + домашнее животное + в кувшин = смотрит с любопытством*» (*заглядывает, как собака в кувшин [2, с. 165]*);

Семантический ряд «смотреть с боязнью»:

Модель: «*поглядывает как + домашнее животное + на мясника = смотрит с боязнью*» (*поглядывает, как коза на мясника [2, с. 162]*).

Представленные модели демонстрируют, что характеристики человеческих качеств и свойств, осознаваемые в

результате образного переосмысления названий животных в паремиях, чрезвычайно разнообразны.

Нужно признать, что рассмотренные в составе паремии обороты культурно обусловлены, но не специфичны, поскольку мотивированы представлениями, общими для духовной культуры славян и других индоевропейских народов. Исследование наличия общего культурного компонента в фразеологизмах разных языков приводит к предположению, что культурные коннотации частично переводимы и что между культурным и национальным в языке не должен стоять знак равенства.

При выявлении семантической специфики паремий со значением сравнения установлено, что в паремийных конструкциях законы сопоставления аргументов опираются на образное переосмысление компонентов, а также на народное, символическое значение объекта сравнения. Основной структуризации таких паремий является выделение тематических групп со значением различных образов. В результате образной интерпретации животных в паремиях представлены моральные, интеллектуальные, эмоциональные качества человека, а также его социальные, поведенческие характеристики, описание внешнего вида, зрительного восприятия. Использование различных образов в паремиях со значением сравнения способствует выявлению качеств субъектов, а также новых экспрессивных возможностей входящих в компаративную паремию компонентов.

Литература

1. Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2-х т. / В. И. Даль. – М. : Худож. лит., 1989. – Т. 1. – 431 с.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2-х т. / В. И. Даль. – М. : Худож. лит., 1989. – Т. 2. – 447 с.
3. Івченко А. О. Українська народна фразеологія: ареали, етимологія / А. О. Івченко. – Харків : ОКО, 1996. – 160 с.
4. Кузнецова И. В. Мифологические корни устойчивых сравнений / И. В. Кузнецова // Славяноведение. – 2005. – № 2. – С. 99–109.

1.3 Особенности языка сказок В. И. Даля

Рассматриваются художественно-изобразительные средства, используемые в сказках В. И. Даля. В качестве иллюстраций приводятся примеры из «Сказки о Иване Молодом Сержанте...» и «Сказки о похождениях чёрта-послушника...». Особое внимание уделено роли пословиц и поговорок как средству создания синонимических рядов, антонимических пар, повторов, сравнений при создании образов сказочных персонажей.

Имя Владимира Ивановича Даля ассоциируется в нашем сознании со знаменитым «Толковым словарём живого великорусского языка» и не менее значимым сборником «Пословицы русского народа», автором которых он является и в которых правдиво и ярко запечатлена жизнь русского народа.

Но Даль не только лингвист, фольклорист и этнограф. Он автор очерков, рассказов, повестей из русской народной жизни. Свои сочинения Даль подписывал придуманным именем (псевдонимом) Казак Луганский, от названия города Луганска, где он родился. Однако настоящую известность В. И. Дальному как писателю принёс сборник русских народных сказок с длинным названием «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Луганским. Пяток первый». Используя фольклорные сюжеты, Даль свободно их изменял, комбинировал, вносил черты сентиментальности в сказочную фантастику. Едва «Пяток первый» русских сказок появился на прилавках (вернее, с прилавков исчез по причине запрета), мир тотчас заговорил о Казаке Луганском. Не весь мир, конечно, а мир литературный. Правда, это не та слава, какую принес Дальному «Толковый словарь...», это сиюминутная, мимоходная известность («Про Казака Луганского слышали?»), и все-таки слава. Это о ней пословица: «Дал денежку, а славы на рубль».

Сказки имели сатирическую направленность против «власть имущих», из-за которой сборник был расценен Третьим отделением как «насмешка над правительством», запрещен и изъят из продажи. «Нашли в сказках Луганского какой-то страшный умысел против верховной власти», – записал в дневнике Никитенко. Сам Даль потом вспоминал: «Обиделись пяташные головы, обиделись и алтынные, оскорбились и такие головы, которым цена была целая гривна без вычета». Автор был заподозрен в неблагонадежности, по приказу Николая I арестован, а сказки «Пяток первый» запрещены. Только по личной просьбе В. А. Жуковского, бывшего тогда воспитателем царского наследника, В. И. Даль был освобожден из-под ареста. Так денежка, обернувшаяся рублёвой славой, – тоже оказалась недешевой.

Сатирический характер сказок, русский склад ума и речи автора, изумительное богатство чисто русских поговорок и оборотов и сочувственное изображение в сказках героев из простого народа обратили на себя внимание передовых слоев общества. Книга сказок Владимира Даля с восторгом была встречена всеми лучшими русскими писателями того времени. Особенно радовался выходу этой книги Пушкин. Под впечатлением от удивительного языка сказок Даля он и сам сочинил свою сказку «О рыбаке и рыбке». Рукопись ее А. С. Пушкин подарил В. И. Далю с надписью: «Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому от сказочника Пушкина». Даль вообще был очень дружен с Пушкиным, который горячо поддерживал идею создания словаря.

Но почему же Пушкин так хотел, чтобы яркая народная речь сказок Даля вошла и в разговорный язык? Дело в том, что большинство образованных русских людей в ту эпоху предпочитали общаться между собой по-французски или по-немецки. Русский же язык считался тогда грубым, и говорить на нем в высшем обществе не любили. Об этом и печалился Александр Сергеевич Пушкин, а его друг Владимир Иванович Даль прямо утверждал, что живой русский язык того

времени был «втиснут в латинские рамки и склеен немецким клеем». И оба они, каждый по-своему, старались открыть русским людям всю красоту и очарование родной речи [1].

В. И. Даль поставил перед собой задачу познакомить земляков своих с народным языком, с говором, которому открывался «такой вольный разгул и широкий простор в народной сказке». Нельзя сказать, чтобы Даль справился полностью со своей задачей, хотя его сказки засыпаны народными словами, а пословицы ожерельями нанизаны одна на другую. Но сюжетов Даль не умел придумывать, язык же сказок от излишней тороватости, от неумеренного желания казаться народным нередко сложен и затейлив, часто с подтекстом. Но автор и сам не считал эту книгу художественным произведением. Он только искал предлог поделиться с соотечественниками своими запасами слов и поговорок разговорного языка. В. И. Даль понимал, что весь богатейший материал, накопленный годами для будущего словаря и отражающий силу, ясность живого народного языка, нельзя держать под спудом. С годами Даль делается мудрее и бережливее, признает, что если бы он «вздумал когда-нибудь издать собрание русских сказок, то, конечно бы, написал их гораздо проще и незатейливее».

Господствует ложное мнение о том, что народный писатель тот, кто говорит народным язычком, подделывается под русские шуточки, часто изъявляет в своих сочинениях горячую любовь к родине и глубочайшее презрение к иностранцам. Однако, чтобы заслужить звание народного писателя, нужен не столько личный, своеобразный талант, сколько сочувствие к народу, родственное к нему расположение, нужна наивная и добродушная наблюдательность. В этом отношении никто в русской литературе не может сравниться с Далем. Русского человека он знает, как свой карман, как свои пять пальцев.

Основными положительными героями сказок Даль избрал мужика, солдата, бездомного бедняка, дворника. Ска-

зочник ориентировался на простых слушателей, на тех, кто поймёт и сочувственно отнесётся к его героям. Русскому человеку больно от него досталось, но русский человек его любит, потому что и Даль любит русского человека, любит и мужика, и солдата и бездомного бедняка, и дворника с его грязной щеткой, на которую он в раздумье опирает свою бороду.

Директор канцелярии Третьего отделения статс-секретарь Мордвинов докладывал своему начальнику, шефу жандармов Бенкендорфу, находившемуся в Ревеле: «Наделала у нас шуму книжка, пропущенная цензурой, напечатанная и поступившая в продажу. Заглавие ее «Русские сказки Казака Луганского». Книжка напечатана самым простым слогом, вполне приспособленным для низших классов, для купцов, солдат и прислуги. В ней содержатся насмешки над правительством, жалобы на горестное положение солдата и проч.»

Даль придумал своим сказкам честный заголовок – «...на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приноровленные и поговорками ходячими разукрашенные»... «Переложенные» – «приноровленные» – «разукрашенные» – определения означают, что хоть «Русские сказки», но не народные, а как тогда выражались, на манер народных; но «на манер» – всегда хуже, чем подлинное. И всё же сказки удались, потому что, по словам В. Г. Белинского, В. Даль «...знал и любил русского мужика, он умел мыслить его головою, видеть его глазами, говорить его языком. Он знал его добрые и его дурные свойства, знал горе и радость его жизни, знал болезни и лекарства его быта...».

Позиция автора определена в присказке к первой сказке: «Кто сказку мою послушать собирается, тот пусть на русские поговорки не прогневаётся, языка доморощенного не пугается, у меня сказочник в лаптях, по паркетам не шатывался, своды расписные, речи затейливые только по сказкам одним и знает»: всё богатство русского народного языка противопоставляется автором «грамотам французским», «бредням високоумным». «А мы люди темные, не за

большим гоняемся, сказками потешаемся, с ведьмами, с чародеями якшаемся» [1, с. 393].

«Не сказки были для меня важны, а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя было показаться в люди без особого предлога и повода». И сказка послужила предлогом.

Так, в сказке «Об Иване Молодом Сержанте, Удалой Голове, без роду, без племени, спроста без прозвища» Даль явно симпатизирует её герою, простому солдату, преодолевшему все преграды, расставленные ему злыми и завистливыми царедворцами, которых сказочник насмешливо называет «фельдмаршалом Кашиным», «генералом Дюжинным», «губернатором графом Чихирь Пяташная Голова» [1, с. 394]. Ирония направлена и по адресу неблагодарного царя Дадона Золотого Кошеля, поверившего в клеветнические измышления своих коварных и наглых прислужников. В награду за подлые дела царь жалует своим министрам «по кресту на петлицу, по звезде на пуговицу, по банту за спину» [1, с. 395]. Нарисовав образ смелого, выносливого и смекалистого сержанта, В. И. Даль не без сожаления, хотя и с долей мягкого юмора, отмечает, что одно у его героя плохо – с детства он привык произносить слово «виноват». Выдержал Иван самые трудные испытания, не спал трое суток, но когда заснул и его неожиданно окрикнули; «Спишь, Иван?» – он второпях ответил: «Виноват». «Вот что нашего брата на русской земле и губит, – заключает сказочник, – вот за что нашего брата и бьют, да видно еще мало...» [1, с. 404]. Молодец Иван побивает царя Дадона, который «царствовал, как медведь в лесу дубы гнет: гнет не парит, переломит не тужит!», и его «блюдолизов придворных» во главе с губернатором графом Чихирем, пяташной головой (из Далева словаря узнаем толкование имен: Дадон – «неуклюжий, нескладный, несуразный человек»; Чихирь – «беспутный пьяница, шатун и дармоед»).

Название сказки «О Шемякиной суде» русскому человеку говорит само за себя. «Судью правдивого» Шемяку «за хит-

рые увертки и проделки» посадили на воеводство: «Ах ты, окаянный Шемяка Антонович! Судья и воевода и блюститель правды русской, типун тебе на язык! Лукавый сам не соберется рассудить беспристрастней и замысловатей твоего...». По милости Шемякиной «ныне на свете все так»: «Малый хлеб ест, а крестного знамения сотворити не знает, – а большой правую крестится, а левую в чужие карманы запускает!».

В сказке «О похождениях черта-послушника, Сидора Поликарповича, на море и на суше, о неудачных соблазнительных попытках его и об окончательной пристройке его по части письменной» весьма недвусмысленно делается намек на непосильные тяготы царской военной службы, которой даже черт не выдерживает. В то время как русский солдат оказывается способным не только на проявление храбрости, но и невероятно выносливым. Солдаты настроены браво: «Идем пожить весело, умереть красиво!» [1, с. 412] – говорят они, лежа на привале после тяжелого перехода. Эта сказка была истолкована Третьим отделением как антицерковная, подтачивающая устои христианской морали. Упрекали Дalia и за то, что он черта наградил христианским именем. Ирония сказки «О похождениях черта-послушника Сидора Поликарповича...» тоже ясна. Черт спустился на землю, пошел в солдаты, «думал переиначить всю службу по-своему», да на первом же смотре «ему это отозвалось так круто и больно, что он... проклял жизнь и сбежал». Потом попал черт в матросы – «а не приноровишься никак к этой поведенции в морской заведенции: не дотянешь – бьют, перетянешь – бьют». Кончилось дело тем, что пристроился черт по письменной части, чиновником, и зажил припеваючи – «места же своего покинуть не думает, а впился и въелся так, что его уже теперь не берет ни отвар, ни присыпка». Историю Сидора Поликарповича завершает Даль пословицей: «Вот вам сказка гладка; смекай, у кого есть догадка» [1, с. 420]. Особой догадки, чтобы смекать, и не требуется.

Есть сказки фольклорные, есть авторские, а есть сказки Даля, очень близкие к простому народу, хотя и имеют автора. Слог у Даля чисто русский, немножко мешковатый, немножко небрежный, но меткий, живой и ладный, усиленный множеством образных словечек, без фальши, и привлекает он истинно русскими, чистыми, благородными мотивами, потому что эти сказки глубоко национальны по своему духу, по завораживающей мелодичности речи. очень близки к простому народу, хотя и имеют автора

Уникальность языка сказок Даля состоит в том, что они, будучи сами жанром фольклора, пересыпаны малыми фольклорными жанрами: пословицами, представляющими собой краткие изречения, передающие оценку явления, события; поговорками – меткими образными выражениями, созданными народом; загадками, присказками, шутками и прибаутками. Это был самый первый опыт использования настоящего народного языка в русской литературе.

Средством раскрытия красоты и богатства русского языка в далевских сказках являются лексические синонимы и антонимы, использование которых создаёт: во-первых, яркое представление о происходящем, во-вторых, даёт широкую оценку происходящего: синонимы: «тужишь-горюешь», «дочь родная-кровная», «вокруг города-столицы», «путём-дорогою», «золотые горы сулили-обещали», «вещун-чародей», «гусли-самогуды», «придумали-пригадали», «подати-оброки», «милостями-почестями», «смехи-потехи» и «видит-встречает», «ни свет ни заря», «торопится-поспешает», «просить-выпрашивать»; антонимы: «а какого более леса растёт, кривого или прямого» [1, с. 403], «каких же больше людей на свете, живых или мёртвых» [1, с. 404], «Велика Федора, да дура, а Иван мал, да удал» [1, с. 405], «мало доблести, много дерзости» [1, с. 402].

Характеризуя сказочных героев, Даль выстраивает целые синонимические ряды пословиц. Так, в «Сказке о Иване Молодом Сержанте, Удалой Голове, без роду, без племени,

спроста без прозвища» о тяжелой службе Ивана и о том, что ему приходится надеяться на себя, Даль говорит: «Надувшись на пиво, его не выпьешь; глядя на лес, не вырастишь, а, смотря на людей, богат не будешь» [1, с. 394]. Отношение придворных к Ивану, которого оклеветали, оговорили, выражено в пословицах: «Подстреленного сокола и ворона носом долбит; свались только с ног, а за тычками дело не станет». А о том, что удача, успех приходят людям смелым, решительным, Даль пишет: «Смелость города берёт, а за смелого бог; без отваги нет и браги; не быв звонарем, не быть и пономарем». О необходимости иметь терпение Даль говорит так: «Кто служит, тот и тужит; ложку мёда, бочку дёгтю – не съешь горького, не поешь и сладкого, не смазав дегтем, не поедешь и по брагу», об умении рачительно относиться к тому, что есть, в сказке сказано: «...не велика мышка, да зубок остёр, не велик сверчок, да звонко поёт, – часом и лычко послужит ремешком» [1, с. 401]. В «Сказке о похождениях чёрта-послушника, Сидора Поликарповича, на море и на суше, о неудачных соблазнительных попытках его и об окончательной пристройке его по части письменной» Даль выстраивает такие синонимические пословичные ряды: характеризуя жизнь Гренадера – «...всё на милую глядел – да слезою моря не наполнишь, кручиною поля не изъездишь, а супостата вашего крестом да молитвою не изведёшь»; характеризуя жизнь солдат – «идём мы, куда Макара телят не гоняет, куда ворон костей твоих не занесёт» [1, с. 412]; характеризуя жизнь матросов – «засядете под баком, так вас оттоле калачом не выманишь, ломом не выломишь, шилом не выковырнешь!» [1, с. 420].

В мудрый совет – быть разборчивым в будущей жене, основательно обдумать женитьбу превращаются несколько пословиц. Автор называет их «притчей короче носа птичьего». «Жениться не лапоть надеть, а одни плетутся без меры, да на всякую ногу приходятся! И истинно; жена не гусли:

поигравши, на стенку не повесишь, а с кем под венец, с тем в могилу, – приглядись, приноровись, а потом женись; примерь десять раз, а отрежь один раз; на горячей кляче жениться не ездят!» [1, с. 395]. Вот как характеризует царя Дадона Золотого Кошеля, на котором лежит большая ответственность за государство, его чиновников-бездельников «сказочник в лаптях»: «Каков поп, таков и приход; куда дворяне туда и миряне; куда иголка, туда и нитка» [1, с. 408].

Часто оценка изображаемого в сказке закрепляется пословицей: «Забрался наш Иван безродный, удалой, в терем золоченный, да и ахнул! Хороша куропатка перьями, а лучше мясом; здание внутри блистало такую красотой, что ни придумать, ни сгадать, ни же в сказке сказать!» [1, с. 402], «я буду работать, а ты будешь светить мне лучиной три дня и три ночи... Просветишь – гусли-самогуды возьмёшь, а зажёшь, то голову сорву. До слова крепись, а за слово держись; попятышься – раком назовут [1, с. 403], «но и должен получить в приданое собственные мои гусли-самогуды, искони готовые, заветные, на которые и было положено завету заслужить любовь и руку дочери моей прекрасной девицы Катерины. Для милого дружка и серёжку из ушка!» [1, с. 405]. «Иван подумал, да и отдал гусли; коротки ноги у минога на небо лезть» [1, с. 406]. «Им было бы выждать, покуда он (Иван) взойдёт в тесные ворота дворцовые, и захватит его сзади, а они, не поглядев в святцы, да бух в колокол, поспешили, людей насмешили» [1 с. 407].

Пословицы в сказках Даля являются средством характеристики персонажей. «Царь этот царствовал, как медведь в лесу дуги гнёт: гнёт – не парит, переломит – не тужит!» [1, с. 394] (подчёркивается тупость, ограниченность царя Дадона Золотого Кошеля в решении государственных вопросов в «Сказке о Иване молодом сержанте...»). «Кто взят из грязи да посажен в князи; кто и телом велик, да мал делом; иной с высокоу, да без намёку; тот с виду орёл, да умом тете-

рев; личиком беленок, да умом простёнок; хоть и не княжен, да хорошо отстрижен; живут – только хлеб жуют, едят – небо копят!» [1, с. 398] – таков приговор царедворцам – невежественным, невоспитанным, некультурным чиновникам, в чьих руках судьба государства. «Сказочник в лаптях» высмеивает советников царских за праздность: «Ивану нашему велели службу служить, а сами за сказки да за пляски, за обеды да за беседы – народ деловой; два брата на медведя, два свата на кисель; из лука не мы, из пищали не мы, а поесть, поплясать – против нас не сыскать!» [1 с. 398].

Наблюдательность и смекалка простого мужика отображается не только в пословицах, но и в загадках: «Светишь, да не греешь, – подумал он (Иван), поглядев на казацкое солнышко, на луну, – только напрасно у бога хлеб ешь» [1 с. 401].

Важным тропом в сказках Даля являются сравнения, которые служат своеобразной характеристикой сказочных персонажей. Так, отмечая красоту Катерины в «Сказке о Иване Молодом Сержанте...», Даль говорит: «Стоит девица Катерина, что твоя красная малина! Разодетая, разубранная, как ряженая суженая» [1 с. 395]. Ожидающая Ивана опасность характеризуется как «Бор дремучий и непроходимый, такой, что света божьего невзвидел». Чудесный дворец имеет «окна цветные хрустальные, как щиты огненные». О свежести травки-муравки сказано: «Как бархатец опушкой шёлковой ложится, ковром узорчатым под ноги расстилается» [1 с. 402]. О смелости и решительности в сказке сказано: «...ретивый парень лучше пойдёт проведать счастья молодецкого на чужбине, чем ему умирать бесславно на родине» [1, с. 401]. В «Сказке о похождениях чёрта-послушника...» чёрт сетует на свою жизнь «Эти поговорки приелись мне, как сухой ячмень беззубой кобыле, уходили меня, как кающегося грехи», «от железного листа в воротнике шея стала неповоротливее, чем у серого волка», «надулся, как мышь на крупу».

В сказках Даль использует не только фразеологические обороты, значение которых многим понятно, например: небо копить (жить бесцельно, без пользы для других), схоронить концы в воду (уничтожить улики какого-либо преступления, проступка, чтобы не осталось никаких следов), но и использует меткие устойчивые выражения, толкование которых не встречается во «Фразеологическом словаре русского языка», где свыше 4 000 словарных статей, и их значение можно определить по контексту или по стоящим рядом известным фразеологическим оборотам, например: «Пошёл куда глаза глядят, куда стопы понесут молодецкие», «Ещё черти на кулачки не бились, наш Иван просыпается», «Ни свет, ни заря явился капрал наш на войсковой двор» [1 с. 405].

В сказках Даля встречаются слова иноязычного происхождения, к которым он относился враждебно, считая, что заимствования мешают понимать истинный народный дух родного языка. Между тем В. И. Даль не предусматривал полного изгнания из сказок заимствованных слов. Автор использует их при описании отрицательных персонажей, например, губернатора графа Чихиря Пяташной Головы. Однако, рассказывая о вещах малознакомых, «сказочник в лаптях» намеренно искажает их названия, вкладывая в них юмористический смысл в духе народного понимания, например: подозрительная труба (подзорная), в валентиновом халате (скорее всего в вельветовом халате) с парламентом на шее, три аванжа на балахон [1, с. 399].

В сказках Даля встречаются выражения из русских народных сказок: Так, в «Сказке о Иване Молодом Сержанте...» читаем: «В некотором царстве», «за тридевять земель», «за тридесатым государством», «как мне не тужить, не горевать», «мёд и пиво пили, по усам текло, в рот не попадало» [1, с. 408], «иди ты туда, неведомо куда, ищи того, неведомо чего» [1, с. 400]; в «Сказке о похождениях чёрта-послушника...» находим: «шёл он, шёл, долго ли, коротко ли...»

[1, с. 411], «сказано – сделано» [1, с. 413], «хлебом-солью чествовать» [1, с. 412].

Ярким стилистическим средством являются повторы, характерные русской народной речи: «вольному воля» [1, с. 409], «сиднем сидеть» [1, с. 412], «скажу вам молодецам молодецким» [1, с. 425], жить да поживать», «хуже худова», «дайте, подайте хлеба ломоть!», «службу служить», «тьма-тьмуца» [1, с. 397], «ночи тьму затмили» [1, с. 399], «мало-помалу» [с. 401], «Ох, спать я не сплю и дремать не дремлю», «какую же ты думу думаешь» [1, с. 403].

Даль использует в сказках элементы былины как жанра фольклора. К Ивану Молодому Сержанту, без роду, без племени, спроста без прозвища, уважая в нём его силу, смекалку, житейскую хитрость, удаль, он не раз обращается как к былинному богатырю: «Ох, ты гой еси, добрый молодец...». В характерной для русских былин манере автор создаёт собирательные образы русских солдат и матросов в «Сказке о похождениях чёрта-послушника...», обращаясь к фольклорным жанрам: загадке, пословице, песне. На вопрос черта, куда идут, солдаты отвечают: «Идем под Стукалов монастырь... играть в мяча чугунного... грызть орехи каленые-ядренные» [1, с. 412]. Владимир Иванович использовал характерные для былин постоянные эпитеты: «залился слезами горькими» [1, с. 404], «по свету белому» [1, с. 403], «терем золотой», «смерть верную ожидает», «добра молодца» [1, с. 397], «беда неминуемая» [1, с. 398], «служба тяжкая» [1, с. 400], «дорога столбовая», «смерть неминуемая» [1, с. 404].

Таким образом, сказки Даля – это своеобразный клад народной мудрости, заключающий в себе меткость, выразительность, красоту русского разговорного языка.

Литература

1. Даль В. И. Повести, рассказы, очерки, сказки / В. И. Даль. – М. ; Л. : Гос. изд-во худ. лит., 1961. – 461 с.

1.4 Земля в русской языковой картине мира (по материалам сборника В. И. Дала «Пословицы русского народа»)

Рассмотрена методика изучения концепта «земля», обладающего многослойной структурой, являющегося весьма важным для сознания русского человека, а также дающего интересный и богатый материал для осмысления картины мира носителями данного языка и данной культуры.

Язык, важнейшее и удивительное средство человеческого общения, средство обмена мыслями, может выполнять разнообразные и сложные функции потому, что он представляет собой весьма гибкую и в то же время отлично организованную систему. Одновременно язык выступает в качестве зеркала национальной культуры, ее хранителя.

Значения слов отражают и передают образ жизни и образ мышления, характерный для конкретного данного общества и поэтому представляют бесценную сокровищницу к пониманию культуры. Современные исследователи в области языкознания, этнолингвистики, культурологии, лингвокультурологии, переводоведения все чаще обращают свое внимание на проблемы взаимосвязи языка и культуры.

Народное творчество – процесс, акт, явление создания произведений, отражающих особенности мировоззрения и эстетических идеалов определенного народа (этноса). Главное свойство народного творчества – коллективность. В коллективном художественном творчестве народ отражает свою трудовую деятельность, общественный и бытовой уклад, знание жизни и природы, культуры и верования. В народном творчестве, сложившемся в ходе общественной трудовой практики, воплощены воззрения, идеалы, и стремления народа, его поэтическая фантазия, богатейший мир мыслей, чувств, переживаний, протест против эксплуатации и гнета, мечты о справедливости и счастье. Из века в век народное творчество отбирает и шлифует накопленный

опыт, сохраняя лучшее. И, может быть, ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отражается национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах.

Владимир Иванович Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» дал следующее толкование слову «пословица»: краткое изречение, поучение, более в виде притчи, иносказания, или в виде житейского приговора; пословица есть богатство языка, народной речи, не сочиняется, а рождается сама; это ходячий ум народа; она переходит в поговорку или простой оборот речи... [1, с. 334].

В пословицах и поговорках сконцентрирована концептуальная картина мира, духовная и материальная динамика этноса, его национальное своеобразие.

Концепт «земля» не раз становился предметом изучения в работах этнографического [2] и культурологического [3] характера, но языковой материал в них рассматривался фрагментарно и носил скорее вспомогательный характер. Целью нашего исследования стало определение значения концепта «земля» как одного из базовых элементов менталитета русского народа на материале сборника «Пословицы русского народа» В. И. Даля.

Как известно, учение о внутренней форме зародилось в работах В. Фон Гумбольдта. Говоря о внутренней форме языка, В. фон Гумбольдт имел в виду то, что называют теперь концептуальной картиной мира, элементами которой являются концепты [4].

Если семантика слова отражена в совокупности его лексических значений, то концепт – единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания. В настоящее время существует множество трактовок понятия концепт. С одной стороны, – наивно-материалистическая [5], с другой, – субъективно-идеалистическая [6]. Все подходы обладают определенной ценностью, так как при рассмотрении тех или

инных сторон концепта, внимание обращается на важность культурной информации, которую он передает. Концепт – выражение народного сознания.

Меткий и образный русский язык особенно богат пословицами. Они эмоционально насыщены и часто носят ярко выраженный национальный характер. Пословицы и поговорки, в отличие от других жанров народного творчества, имеют самую тесную, непосредственную связь с языком, являясь своеобразными речевыми выражениями, употребляемыми в живой разговорной или письменной речи.

Концепт «земля» обладает многослойной структурой и занимает важное место в концептосфере русского народа. Земля издавна считалась источником жизни, матерью всего живого, в том числе и человека, поэтому с землей обращались с особым почтением и осторожностью. После еды в поле крестьяне вытирали о землю руки, приписывая ей такие же очистительные свойства, как и воде. Выражение «мать-сыра земля» также подразумевает связь со стихией воды: земля оплодотворена дождем и готова давать урожай.

Различны эпохи, породившие пословицы. Необозримо многообразие человеческих отношений, которые запечатлелись в них.

В сборнике В. И. Даля «Пословицы русского народа» слово «земля» встречается более 200 раз. Изучение пословиц и поговорок показывает, что в них зеркально отражена история народа. В дошедших до нас древних пословицах отразились языческие верования и воззрения народа: «Землица с семи могил добрых людей спасает от всех бед», «Ком могильной земли к сердцу – скорбь отляжет». Но это не означает, что древние пословицы и поговорки возникли как отражение языческих религиозных воззрений. Пословицы, говорившие о быте, общественном и домашнем укладе первобытных людей исчезали вместе с отмиранием старых порядков и обычаев скорее, нежели пословицы, говорящие о древних верованиях и суевериях. Например: «Мать-

сыра земля, говорить нельзя» – поговорка о вере в таинственные, то разрушительные, то благоприятные силы «живой» природы. «Наш Фофан в землю вкопан» – упоминание о старинной казни на Руси. «Достать из-под земли» – добывать что-либо очень редкое любым способом, несмотря на трудности. Данное выражение связано со старинным обычаем зарывать металлические деньги в землю для сохранности, чтобы при крайней необходимости ими воспользоваться. «За тридевять земель» – очень далеко. Выражение восходит к тому времени, когда на Руси наряду с десятичной системой исчисления существовала и девятиричная. Это выражение характерно также для многих русских сказок в форме троекратного повтора: за тридевять земель, в тридевяти царстве, в тридесятом государстве. Нашествие татарских завоевателей обострило чувство связи с родной землей. Многочисленные патриотические пословицы русского народа генетически восходят к эпическим временам жестоких боев Руси за свободу и независимость: «Своя земля и в горсти мила», «С родной земли – умри, не сходи». Рост городов, развитие торговли оказывали сильное влияние на феодальную деревню. Этим объясняется появление пословицы «И дорогой товар из земли растет». Встречаются также пословицы, упоминающие о сражении русских войск с армией Наполеона в 1812 г.: «От бородинской пушки под Москвой земля дрожала», «Под Малым Ярославцем вся земля дрогнула».

Довольно часто «земля» упоминается в пословицах на Библейскую тематику: «Бог на небе, царь на земле», «Божья вода по божьей земле бежит», «Божья роса божью землю кропит», «Иерусалим есть пуп земли», «Истина от земли, а правда с небес», «Небо престол бога, земля – подножие».

Анализ толковых словарей дает следующие значения концепта «земля»:

1. Третья от солнца планета, вращающаяся вокруг солнца и вокруг своей оси.

2. Место жизни и деятельности человека. При противопоставлении небу как воображаемому миру богов, идей.
3. Одна из четырёх основных стихий в понимании древних.
4. Верхний слой земной коры; почва, грунт.
5. Плоскость, по которой ходят; пол, низ, основание.
6. Рыхлое рассыпчатое вещество темно-бурого цвета, входящее в состав земной коры, ископаемое.
7. Суша (в отличие от водной поверхности).
8. Обрабатываемая, используемая в сельскохозяйственных целях почва. Угодья, леса, пашни, покосы.
9. Страна, государство, владенье, область, край, округ.
10. Народ, население страны.
11. Земля обетованная.
12. Мать-земля сырая.

Все члены данной лексико-семантической группы объединены между собой на том основании, что они в той или иной степени выражают понятия, связанные с землей.

Анализ пословиц русского языка с компонентом «земля», собранных В. И. Далем, показывает, что данный концепт представляется как:

- вселенная, весь окружающий мир: «Солнце – князь земли, луна – княжна», «Два стоят, два ходят, двое промеж ними часы стерегут (небо и земля, солнце и луна, день и ночь)», «Два стоящих, два ходящих и два минующих (небо и земля, солнце и месяц, день и ночь)», «Выросло дерево от земли до неба, на этом дереве двенадцать сучков, на каждом сучке по четыре кошеля, в каждом кошеле по семь яиц, а седьмое красное (год)»;
- планета: «Землю обойдешь, а от клеветы не уйдешь», «Край земли, конец моря, везде много горя», «Два быка бодутся, вместе не сойдутся (небо и земля)», «Небо – престол бога, земля – подножие», «Земля на трех китах (рыбах) стоит», «Почитать землю за круг или шар – грешно; так думали фарисеи»;

Территория представлена как:

- страна: «Горе в чужой земле безъязыкому», «Велика святорусская земля, а везде солнышко», «Велика свято-

- русская земля, а правде нигде нет места», «Наступил на землю русскую, да оступился (1812 г.)», «Земля русская вся под богом», «Нельзя быть земле русской без государя», «Русь святая, православная, богатырская, мать святорусская земля», «Русский бог велик. Русским богом да русским царем святорусская земля стоит», «Нельзя земле без царя стоять», «Государева земля не клином сошлась»;
- Родина: «На чужбине родная земля во сне снится», «С родной земли умри – не сходи», «Кто наступит на землю русскую – оступится», «В своей земле никому пророком не быть», «Где дуракова семья, тут ему своя земля»;
 - угожья: «Больно – жена, земля да холоп (т. е. семья да имущество)», «Леса да земли – как корову дой», «У кого земли много, у того быки тощие», «Чья земля, того и городьба. Чья земля, того и хлеб», «Отмежуем землю тебе лопатой (о недостатке пашни)», «На чьей земле, того и сено. Кому сею, тому и вею»;
 - стихия: «С водою, с ветром да с огнем не дружись, а с землею дружись», «Огонь – царь, вода – царица, земля – матушка, небо – отец, ветер – господин, дождь – кормилец, солнце – князь, луна – княгиня», «Вода и землю точит и камень долбит», «Огонь силен, вода сильнее огня, земля сильнее воды, человек сильнее земли», «Отцова сундука не подынешь, матушкина столечника не скатаешь, братнина коня не обуздаешь (земля, снег, ветер)», «Земля из-под ног уходит», «Словно земля горит под ногами», «Земли под собой не чуют»;
 - поверхность: «Дальше земли не упадешь», «Готов сквозь землю провалиться», «На земле не валяется», «Провались он в тартарары, провались сквозь землю!», «Небо далеко, земля тверда», «Стал, словно вкопанный, словно к земле прирос», «Ни хилела, ни болела, а саван надела (земля, снег)», «Осерчав на корову, да подойник обземь», «Феодор Студит землю студит», «По небу широко, по земле далеко. Еще до берегу далеко», «До неба достанет, а от земли не видать (дождь)», «Живем о землю рожей. Как живется? – Да оземь рожей», «У бога небо коптит, у царя земного землю топчет», «В небе тощ

орёл, на земле беден бобыль», «Конь бежит, земля дрожит, из ноздрей полымя валит», «Не равна гречиха – не равна земля», «Много ль тебя в земле, а на земле не много», «Весна слетает с земли (быстро уходит)», «На небо стукнет – на земле слышно».

- суша: «Ни море, ни земля; корабли не плавают, а ходить нельзя (пучина)»;
- вещество, составляющее поверхность планеты: «Своя земля и в горсти мила. Своя земля – свой прах», «Бросают горсть земли в могилу, чтоб не бояться покойника», «Ушми прядет, землю роет, пар из ноздрей пускает», «Голик роци да кузов земли (приданое)», «Земля из-под первой весенней сохи, тайно положенная в избу, изгоняет клопов», «Земля при запашке коренится (обрастает мохом) – лен будет волокнист», «Камни ворочать. Землю копать. Воду толочь», «Ком могильной земли к сердцу – скорбь отляжет», «Видеть в землю на три аршина», «Словно из земли вырасти».
- земля как источник пищи: «Господь повелел от земли кормиться», «Какова земля, таков и хлеб», «Бог не даст, и земля не родит», «Будь здорова, как вода, богата, как земля, плодовита, как свинья», «Будь здорова, как вода, плодовита, как земля», «Добрая земля – полная мошна; худая земля – пустая мошна», «Земля – тарелка: что положишь, то и возьмешь», «Не земля родит, а год. Не земля хлеб родит, а небо».
- земля как плодородный слой почвы: «Бог не даст, и земля не родит», «Пришел Федот – беретса земля за свой род», «Земля согрелась – сей яровое», «Стали дела наши поправляться: стало земли от семян оставаться», «Добрая земля больше подымет (т. е. больше сеять можно)», «Добрая земля назем раз путем примет, да девять лет помнит», «На небо не вскочишь и в землю не закопаешься»;
- почва для выращивания растений: «Не то зелье, чтоб в землю, а то, чтоб жилось», «Вверху зелено, внизу красно, в землю вросло (свекла)», «Красненьки сапожки в земельке лежат (свекла)», «Красный сапог (или бар-

- хат) в земле горит (свекла)», «Шило-мотовило, под землей ходило, перед солнцем стало и шляпу сняло (гриб)», «Маленький, удаленький, в землю ушел, белу книгу нашел (капуста)», «Маленький, удаленький, в землю ушел, красну шапку нашел (мак)», «Мал-малочек (Малышок) в сыру землю зашел, синю шапку нашел (лен)», «Малы малышки катали катышки, сквозь землю прошли, синю матку нашли; синя, синя да и вишневая (горох)»;
- объект человеческого труда: «Тот землю уходит, кто за серпом соху водит», «Мерзлая земля скажется, только руку приложи»;
 - место захоронения людей и предметов (быть похороненным, умереть): «Дай бог, чтобы земля на нем легким пухом лежала», «И пономарь, и владыка в земле равны», «Всякому мертвецу земля – гроб», «Батьку, матку земля взяла, а нам, деткам, воля своя», «Добра была голова, да слава богу, что земля прибрала!», «Земля еси, и в землю отыдеша», «Злое зелье не уйдет в землю», «Не ной его косточка во сырой земле!», «Уродила мать, что и земля не примат», «Царь и народ – все в землю пойдет», «В воде черти, в земле черви, в Крыму татары, в Москве бояре», «Землица с семи могил добрых людей спасает от всех бед»;
 - похоронить, предать кого-либо (что-либо) земле: «Плачу, плачу, а в землю прячу»;
 - людям как мать: «Кого мать сыра-земля полюбит, тот голоден не будет», «Добра мать до своих детей, а земля – до всех людей», «Земля-мать – подает клад», «Огонь – царь, вода – царица, земля – матушка, небо – отец», «Мать (Батюшка) покров, покрой мать сыру землю и меня молоду!», «Мать-сыра земля – говорить нельзя», «Мать-сыра земля его не принимает», «Не роди, мати, на белый свет. Не роди, мать сыра-земля», «Этого греха и земля не снесет. Как его, грешника, мать-сыра земля носит»;
 - как нечто надежное, важное для человека, с одной стороны, – «Держись за землю – трава обманет», «Корми, как земля кормит, учи, как земля учит, люби, как земля любит», «С родной (родительской) земли –

умри, не сходи!», а с другой, – сила, подчиняющаяся человеку: «Огонь силен, вода сильнее огня, земля сильнее воды, человек сильнее земли»;

- реальность в противоположность мечтам: «Вернуть кого-либо на грешную землю», «Упасть с неба на землю», «Из светлого рая, да на трудную землю»;
- что-то живое, дающее жизнь: «Без хозяина земля – круглая сирота», «Без царя земля – вдова»;
- землетрясение: «Кит-рыба под землей дрожит (или: на другой бок переваливается)», «Ты, земля, трясяся, а мы за колышки держися».

Таким образом, мы приходим к выводу, что русская языковая картина мира не представляется без ключевого слова «земля». Для русского народа «земля» – это вся жизнь от рождения до смерти со всеми радостями и горестями. Проанализированные пословицы с компонентом «земля» представляют собой национально-специфические единицы языка, передающие из поколения в поколение культурный опыт и традиции русского народа.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Т. 3. – М. : Русский язык, 1982. – 555 с.
2. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
3. Палутина О. Г. К проблеме изучения архитектоники концепта (на примере концепта «земля» в русской концептосфере) / О. Г. Палутина. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006. – С. 16–18.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : МГУ, 1997. – 245 с.
6. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Изв. АН СССР. Сер. «Лит. и яз.» – М. : Наука, 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.

1.5 Концепт «женщина» в паремиях русского языка (на материале сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа»)

Проанализированные паремии с данным концептом представляют собой национально-специфические единицы языка, передающие из поколения в поколение культурный опыт и традиции русского народа.

В настоящее время формирование антропоцентрической парадигмы привело к повороту лингвистических исследований в сторону человека. Всё больший интерес вызывают не процессы, происходящие внутри языка, а процессы взаимосвязи языка и мышления, языка и культуры, языка и общества, языка и психологии. Если семантика слова отражена в совокупности его лексических значений, то концепт – единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания. В настоящее время существуют разные трактовки понятия «концепт». С одной стороны, – наивно материалистическая [1], с другой, – субъективно-идеалистическая [2]. Все подходы обладают определённой ценностью, так как при рассмотрении тех или иных сторон концепта внимание обращается на важность культурной информации, которую он передаёт. В пословицах и поговорках сконцентрирована концептуальная картина мира, духовная и материальная динамика этноса, его национальное своеобразие. Концепт – выражение народного сознания.

Несмотря на то, что сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа» в 2011 году отметил юбилейную дату – 150 лет, – огромная ценность сборника в том, что он содержит богатейший материал, который воспринимается и сейчас, так как сохраняет образную картину жизни русских людей, их язык.

В качестве предмета исследования мы выбрали паремиологию, которая находится на пересечении фразеологии и фольклора, что делает изучение пословиц и поговорок

весьма значимым с позиции современного лингвокультурологического подхода. Паремология показательна с точки зрения культурных стереотипов, зафиксированных в языке.

Целью нашего исследования стало определение концепта «женщина» как одного из базовых элементов менталитета русского народа на материале сборника «Пословицы русского народа» В. Даля.

В паремиях четко разграничивается возраст женщины: молодая девушка, невеста, жена, баба, мать. 1. Молодая девушка, невеста. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова даёт следующее толкование слову девушка – 1. Лицо женского пола, достигшее половой зрелости, но ещё не вступившее в брак. 2. Молодая служанка, горничная в барских домах (устар.). 3. Обращение к молодой женщине (разг.).

Невеста – девушка или женщина, вступающая в брак, а также девушка, достигшая возраста, при котором можно вступать в брак.

В исследуемых примерах «девушка» и «невеста» встречаются только в первом значении: *Девка красна до замужества*. Группа паремий, представляющая молодую девушку и невесту, – одна из самых многочисленных. Концепт «девушка/невеста» коннотирован в большинстве случаев положительно. Особенно ярко это отражается в паремиях, где речь идёт о любви, первом чувстве. Молодой человек называет возлюбленную зазнобой: *Сера утица – охота моя, красна девица – зазнобушка моя*. Значительное количество паремий говорит о любви молодой девушки к милому: *К милому и семь вёрст не околица, Не мил и вольный свет, когда милого друга нет, Ты мой свет в окне, ясен месяц, красно солнышко*.

Иногда эта любовь быстротечна: *Был милый, стал постылый, Приглядится милый – тошней постылого, Поутру был хорош, а к вечеру стал не пригож*.

В русских паремиях эталоны женской красоты связаны с лексемами, называющими какое-либо растение, сравни-

вающими с детёнышами домашних животных: *Девуца в терему, что яблочко в раю, Красная девка в хороводе, что маков цвет в огороде, Расцветает, что маков цвет, Молода ещё девка, как о Спасе ягня.*

В паремиях с концептом «девушка/невеста» подчёркивается какая-либо портретная деталь, походка, черты характера. Например: *Кругла, пухла, бела, румяна, кровь с молоком, Коса – девичья краса, Красная краса – русая коса, Девичья коса – на всю Москву (на всё село) краса, Чёрные брови наводные, русы кудри накладные, Идёт, словно павушка плывет, Из милости следком до травки-муравки дотрагивается.*

Но иногда в паремиях с концептом «девушка/невеста» встречаем и отрицательную коннотацию: осуждается как чрезмерная худоба, так и чрезмерная полнота. Ср.: *Костлявая девка – тарань-рыба, Невеста с пол-осьма аршина, а поперёк себя половина.* Для сравнения приведем примеры паремий, в которых речь идёт о красоте мужчин: *Мужчина, коли хоть немножко казистее чёрта, – красавец, Не урод, так и красавец.*

Особо в «девушке/невесте» ценится смирение, доброта, скромность, домостройство. Например: *Смиренье – девичье ожерелье, Девичье терпение – жемчужно ожерелье, Не ряд девку красит, домостройство, Смирная, как агнец; делова, что пчела; красна, что райская птица; верна, что горлица.* Должным образом оценивается и ум, смекалка. Например: *Девка ничего не знает, а всё разумеет, У парня догадка, у девки смысл, Понятливую девку не долго учить.*

Вместе с тем анализируемый материал показывает, что с «девушкой/невестой» связывают и отрицательные характеристики: *Девичий стыд до порога: переступила, так и забыла, Коротка, что девичья память.*

«Женщина» по «Словарю русского языка» С. И. Ожегова – 1. Лицо, противоположное мужчине по полу; та, которая рождает детей и кормит их грудью. 2. Взрослая, в отличие от

девочки, девушки. 3. Лицо женского пола, вступившее в брачные отношения.

«Жена» – 1. Замужняя женщина (по отношению к своему мужу). 2. Женщина вообще.

«Баба» – 1. Замужняя крестьянка; простая женщина не из образованных (прежде – не из привилегированных слоев населения). 2. Вообще о женщине (иногда с пренебр. или шутол. оттенком; прост.). 3. Жена (прост., обл.).

Концепт «женщина/баба» в паремиях коннотирован положительно лексемами добрая, верная, хорошая, умная. *Добрую жену взять – не скуки, не горя не знать, С доброй женой горе – полгоря, а радость вдвойне, Доброй жене домоседство не мука, Три друга: отец, да мать, да верная жена, Хорошая жена – юрт (т. е. дом), На хорошую глядеть хорошо, а с умной жить хорошо, Умная жена, как нищему сума, Женский ум лучше всяких дум.*

В паремиях часто противопоставляются добрая и плохая жена: *Добрая жена дом сбережёт, а плохая рукавом разнесёт (растрясёт), Добрая жена – веселье, а худая – злое зелье; добрая и злая: Добрая жена хозяйству научает, а злая от дому отлучает, Все девушки хороши, а отколь берутся злые жёны?*

К положительным характеристикам следует также отнести хозяйственность: *Не наряд жену красит – домостройство, Без мужа голова не покрыта; без жены дом не крыт, Холостому помогай боже, а женатому хозяйка поможет.*

Единичны поэтические сравнения, характеризующие «женщину/бабу»: *Жена, что лебедь-птица, вывела детей станицу (вереницу).* Сравнения с растениями, встречающиеся в паремиях, характеризующих невесту, девушку, здесь единичны и имеют, как привило, отрицательную коннотацию. Например: *Как худая трава, только ноги оплела.* Встречаем в паремиях объединяющие семантические антонимические сравнения: *Чужая жена – лебедушка, а своя – полынь горькая.* Свою жену сравнивают с земноводными: *Женское*

сердце, что ржа в железе – баба, что жаба. Таким образом, женщине приписывается непривлекательность не только внешняя, но и внутренняя: скользкость, надменность, напыщенность.

Концепт «женщина/баба» в большинстве случаев коннотирован отрицательно. Особенно это относится к словам «жена/баба» в первом значении по словарю С. И. Ожегова.

Наиболее частотны поговорки, связывающие жену со злом. Баба злая, т. е. от которой не жди добра. В поговорке *От нашего ребра нам не ждать добра* обыграно известная библейская притча о том, как была создана женщина. *Злая жена – та же змея, Злая жена – злее зла, Перед злою женою сатана – младенец непорочный, Лучше жить со змеёю, чем со злою женою, От злой жены не уйдешь, От злой жены одна смерть спасает да пострижение.*

В поговорках с концептом «женщина/баба» часто речь идёт об отсутствии ума у женщин: *Волос долг, а ум короток, Умную взять не даст слова сказать, Перекоти-поле – бабий ум, Добрая кума живёт и без ума, Собака умнее бабы: на хозяйна не лаает, Бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца.*

В ряде поговорок «женщину/бабу» соотносят с чёртом, бесом: *Баба да бес один у них вес, Где сатана не сможет, туда бабу пошлёт, Куда чёрт не успеет, туда бабу пошлёт.* Только в одном примере речь идёт о том, что жена ниспослана богом: *Смерть да жена богом суждена.*

В поговорках ярко отражены основные черты характера «женщины/бабы». Народное творчество характеризует их, как коварных, вздорных. Бабе присущи лукавость, упрямство, лесть: *Лукавой бабы и в ступе не истолчешь, Бабе хоть кол на голове теши, Женская лесть без зубов, а с костями сгложет;* непоследовательность: *У бабы семь пятниц на неделе, У бабы семьдесят две увертки в день;* вздорный, непредсказуемый нрав: *Женское свойство (норов) и на свинье не объедешь, На женский нрав не угодишь, Баба бредит, да*

*чёрт ей верит, Женских прихотей не перечтёшь, Пока баба с печи летит семьдесят семь дум передумает; болтливость: Лучше в утлой ладье по морю ездить, чем жене тайну поведа-
ть, Где баба, там рынок; где две – там базар, Три бабы – базар, а семь – ярмарка, Бабу не переговоришь, Вольна баба в языке, а чёрт в бабьем кадыке, Бабий кадык не заткнёшь не рукой, не рукавицей; медлительность: Бабьи сборы – гусиный век; желание поспорить, настоять на своем, в бабе живёт дух противоречия: Стели бабе вдоль, она меряет поперёк, Стрижено – нет брито, Мужик тянет в одну сторону, баба в другую. «Женщине/бабе» приписывается свойство всё решать слезами: Женский обычай – слезами беде помогать, Без плачу у бабы дело не спорится, Бабьи слезы чем больше унима-
ть, тем хуже.*

Довольно часто встречаем сравнение бабы с каким-либо предметом, то ли подчеркивающим полную покорность женщины, то ли характеризующим её эмоции, несдержанность: *Баба, что мешок: что положишь, то и несёт, Баба, что горшок: что не влей, всё кипит, Баба, что глиняный горшок: вынь из печи, он пуце шипит, Ветер пошумит да устанет, а баба расходится – не скоро уймёшь.*

Негативное отношение к женщине переносится на предметы, инструменты женского труда: *Семь топоров вместе лежат, а две прялки врознь, Знай, баба, свое кривое веретено! Смирнен топор, да веретено бодливо!*

Одна из многих отрицательных коннотаций: баба – не человек: *Курица не птица, а баба не человек, Кобыла не лошадь, а баба не человек.*

В паремиях о женщине само существительное «женщина» не употребляется, а представлено только прилагательными: *Женский обычай, что вперед забежать, Женское слово, что клеи пристаёт, Женских прихотей не перечтёшь, Женские умы, что татарские сумы.*

В паремиях баба – это и повитуха: *Бабка походит – всему делу пособит, Бабка на кашу зовёт.*

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова даёт следующее толкование слову «вдова» – женщина, у которой умер муж. В паремиях со словом вдова различаем человеческую жалость к вдове, сострадание к чужому горю, сопереживание: *Худо полю без изгороди, а вдове без обороны, В девках приторно, замужем натужно, а во вдовьей чередё, что по горло в воде, Вдовье дело горькое, Вдовье сиротское дело, Сирая вдова – круглая сирота, Не дай Бог вдоветь да гореть!* В небольшом количестве паремий встречаем заступничество Бога за вдову: *За вдовою сам Бог с калитою, Вдовицу Бог бережёт, а люди не берегут, На вдовый дом (двор) хоть щепку брось, и за то Бог помилует.* Но большая часть характеристик вдовы, как и женщины – с отрицательной коннотацией: *За чёрта отдай её, и того уходит (переживёт), Не видал беды, кто не сватал молодой вдовы, Она уже (другого, третьего) мужа донашивает.*

Положительно коннотированы баба-роженица и женщина, имеющая ребенка: *Класть роженице под подушку, На родильнице не должно быть ни одного узла, О роженице в муках никто не должен знать, Родильница должна мучиться за душу каждого человека, который знает, что она в родах, Бабёнка не без ребёнка (бабенка – молодая бойкая женщина).* Основное призвание женщины – иметь детей, так как рождение детей определено Богом: *Рыбку да утку встанью взять, а малых деток Бог даёт, Дай, Бог, деток, да дай и путных!*

Только положительные коннотации в паремиях характеризуют мать. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова находим: «Мать» – 1. Женщина по отношению к её детям. 2. Самка по отношению к её детёнышам. 3. Обращение к пожилой женщине или к жене (прост.).

В паремиях встречаем это слово только в первом значении. Мать – это, прежде всего, оберег: *Мать праведна – ограда каменная, Материнская молитва со дна моря вынимает (достаёт), Пчёлки без матки – пропащие детки.* Со словом

«мать» связывают материнскую любовь: *Мать и высоко подымет, да не больно опустит руку, доброту матери: Жена для совета, тёща для привета, а нет милей родной матери, Нет такого дружка, как родная матушка, При солнце тепло, а при матери добро; заботливость матери: Была кабы матка, была б и увятка (пища), Хозяйка, что лебедь-птица, вывела детей станицу (вереницу). Женщина, не родившая детей, грешница: У кого детей нет во грехе живёт, Не умела родить ребёнка, корми серого котенка.*

Мать (как и отец) занимается воспитанием детей: *Что мать в голову вобьёт, того и отец не выбьет, Детушек воспитать – не курочек пересчитать, Умел дитя родить, умей и научить.*

Слово «мать» не встречается с отрицательной коннотацией.

Таким образом, спектр составляющих частей концепта «женщина» весьма широк: от восхищения красотой, добротой, материнской любовью, заботой до уничижительных характеристик: глупость, злость, болтливость, упрямство, слезливость и т. п.

Проанализированные паремии с концептом «женщина» представляют собой национально-специфические единицы языка, передающие из поколения в поколение культурный опыт и традиции русского народа.

Перспективы изучения данной темы видим в сопоставлении с украинским языком, другими славянскими языками.

Литература

1. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : МГУ, 1997. – 245 с.
2. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Изв. АН СССР. Сер. «Лит. и яз.» – М. : Наука, 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : АСТ. Астрель, 2008. – 750 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Т. 3. – М. : Русский язык, 1982. – 555 с.

Глава II

МАРК ЛИСЯНСКИЙ: СУДЬБА И ТВОРЧЕСТВО

2.1 Субъективные заметки к столетию со дня рождения Марка Лисянского

В начале января будущего года в столице России обязательно будут отмечать столетие со дня рождения известного советского поэта, автора стихотворения, ставшего основой гимна Москвы, – Марка Самойловича Лисянского. 5 июля 1995-го года было принято решение, что именно песня Исаака Дунаевского на стихи Марка Лисянского, созданная в грозном и трагическом 1942-м году, будет гимном российской столицы.

К сожалению, автор слов, проживший долгую жизнь и скончавшийся 30-го августа 1993-го года, об этом – официальном – признании песни так и не узнал. Хотя при жизни Марка Самойловича многие говорили ему, что, как ни крути, слова самой лучшей песни о Москве были написаны им. Сыном одесского и – впоследствии – николаевского портового грузчика, о котором ставший известным поэтом сын скажет такие слова:

*Мой отец – простой портовый грузчик,
Двадцать девять лет таскал мешки.
Шириной плеч его могучих
Любовались даже рыбаки.*

Однако так уж получилось, что Марк Лисянский, родившийся в Одессе, своим родным городом считал не её, шумную, прославленную и многократно воспетую «жемчужину у моря», а гораздо более скромный и менее известный, бывший в СССР «закрытым городом» Николаев.

Кстати говоря, при обращении к судьбе Марка Лисянского нельзя не вспомнить и об удивительном факте, который можно, перефразируя известное выражение, назвать «ролью истории в жизни личности».

На самом-то деле Марк Самойлович Лисянский родился 31-го декабря 1912-го года! Соответственно, и столетие со дня его рождения следовало бы отмечать в последний день нынешнего года. Если бы не История: после событий 1917-го года в России стало «два времени». «Новое» и старое». Для людей, родившихся в конце декабря, этот исторический факт стал головной болью, потому как им ещё и год рождения пришлось переименовывать.

Например, Анна Андреевна Ахматова, которую тоже можно считать одесситкой по рождению («Я родилась под Одессой...»), в знаменитой автобиографии «Коротко о себе» (1965 г.) указала даты своего рождения по старому и по новому стилям. Но ведь это была Ахматова, которая в середине шестидесятых годов прошлого века олицетворяла поэзию «серебряного века»! А вот молодые люди, выросшие в живущей «по новому стилю» стране, на такие вещи до поры, до времени не обращали внимания.

Поэтому и отмечается юбилей поэта Лисянского в начале наступающего года, а не в конце года уходящего.

С Марком Лисянским лично у меня связаны воспоминания, возвращающие в далёкое-далёкое время обучения в школе, в пионерское детство. Наша 13-я школа, хоть и находится до сих пор в самом центре Николаева, на проспекте Ленина и в двух кварталах от Советской, центральной улицы города, не могла похвастаться в начале 70-х годов репутацией благополучного учебного заведения. «Кто мы были? Шпана – не шпана», – уместно, говоря о нашем детстве, вспомнить эти слова Юрия Визбора. Только вот о многих наших «художествах» можно только вспоминать, но не рекомендуется рассказывать... Во всяком случае, во дворе нашей школы был тир, в котором стреляли из «мелкашек», и

не только стреляли. Интересующимся советую почитать «Роман о девочках» Владимира Высоцкого, тогда многое станет понятно.

Однако каким-то удивительным образом несколько человек из моего класса оказались во Дворце пионеров, который располагался тогда на углу Большой Морской и Фалеевской улиц. Здание, конечно, осталось. Теперь в нём – при наличии отсутствия пионеров – тоже находится учреждение культуры, к которому, кажется, имеют отношение немногие нынешние представители профтехобразования. К слову, николаевцы должны помнить, этих самых «пэтэушников» (прошу прощения, если кто-то ощутил себя оскорблённым), которых раньше в «корабельной столице Украины» было огромное количество, «окультуривал» знаменитый на весь Николаев «Костёл» на Декабристов...

Учреждения культуры в бывших храмах (как тут не вспомнить находившийся в здании собора на Лягина гарнизонный Дом офицеров!), которые нынче стали храмами действующими, – случайность это или закономерность?

Теперь уже и не вспомню, как же назывался тот кружок, в который мы с одноклассниками «ходили». Возможно, это было что-то вроде театра художественного чтения, хотя с моей дикцией заниматься художественным чтением...

Вспоминается, как мы несколько месяцев готовили какую-то стихотворную композицию, посвящённую выдающемуся – так нам казалось тогда – событию – пятидесятилетию со дня основания Дворца пионеров в Николаеве. Стало быть, это происходило в 1973-м году, без малого 40 лет назад.

По случаю славного юбилея Дворца пионеров готовился большой концерт. Но «гвоздём программы», как сказал бы я сейчас, было то, что на этом концерте должен был присутствовать знаменитый на весь Союз (как нам объяснила с дрожью в голосе руководитель кружка) советский поэт Марк Лисянский.

Который специально ради этого выдающегося события должен был приехать из столицы СССР Москвы!

Разумеется, мы готовили выразительное чтение стихотворений московского гостя, некую, как я уже говорил, стихотворную композицию, составленную руководителем и утверждённую в обкоме партии. Стихотворения были всё больше такие... идеологически выдержанные, что ли? Правильные были стихотворения.

Кроме участия представителей нашего кружка в композиции, несколько человек под барабанный бой должны были торжественно пройти через весь зал, подняться на сцену и закрепить на верхней части организма московского гостя алую ленту с какой-то (текст забыл...) торжественной надписью. Для выполнения этой миссии были отобраны две девочки и столько же мальчиков, и я оказался в числе этих «счастливых».

Понимая ответственность возложенной на нас миссии, мы репетировали «возложение ленты» долго и тщательно. На ком только ни оказывалась пресловутая «лента» в процессе репетиций... Само же торжество запомнилось двумя вещами.

Первое: как показалось тогда, Марк Лисянский был маленького роста. Ожидали увидеть... такого себе великого поэта огромного роста, а укутали в ленту невысокого, подвижного и полноватого старика. Лисянскому тогда было 60 лет, для мальчишек – древность древняя!

И второе: весь зал скандировал «Дворец пионеров – тебе пятьдесят!», причём сам Лисянский делал это с большим удовольствием, глаза у него горели, когда он повторял эти незамысловатые слова.

Здесь же надо честно признаться, что в то время, когда я торжественно носил по сцене ярко-красную ленту, поэт Лисянский был для меня... чем-то далёким и малопонятным. И «открытие» его началось уже позже, в старших классах школы и в институте.

Подкупил он меня очень личной, как бы на меня самого «настроенной» поэтической интонацией, трепетным – а такое сразу чувствуется! – отношением к Николаеву. Хотя, что греха таить, в стихотворениях Лисянского о нашем городе немало и достаточно «проходных» строк, но не они «делают погоду».

По-моему, сказать: «Дышу я тобой, Николаев...» мог только человек, который по-настоящему любит ставший ему родным город «на стыке моря и лимана». И когда Лисянский говорил о Николаеве «незаменимый город», речь, конечно же, шла о том, что в душе каждого человека есть нечто сокровенное, связанное с «малой родиной» и всем тем, что она дала тебе в этой жизни. Вот почему, добившись немало признания читателей огромной страны и глубокого уважения в писательской среде, давно уже ставший москвичом Марк Лисянский обращается к городу, без которого, он убеждён в этом, поэт не сумел бы состояться как личность:

*Ты мне был родным порогом,
Первым городом любви.
И по всем морским дорогам
Корабли идут мои.*

«Родной порог» – очень ёмкий и многозначительный художественный образ, за которым стоят мудрость прожитой жизни и умение быть благодарным ей. Ведь именно жизнь, именно приобретения и потери на жизненном пути научили лирического героя стихотворения по-настоящему ценить «родной порог». И быть благодарным этому «порогу» за все – осознанные и неосознанные – жизненные уроки.

«Город над Ингулом и над Бугом, Окружённый с трёх сторон водой» стал для не с чужих слов понявшего суть нелёгкого труда корабелов Марка Лисянского родной гаванью. Скорее даже, гаванью-стапелем, местом, где он всегда чувствовал себя «своим». И Лисянский был бесконечно благодарен этой гавани за тот «запас прочности», который поэт на всю жизнь получил в Николаеве:

*Вовеки не забудется,
Что с этих ступеней
Сошёл – и не заблудится
Корабль судьбы моей.*

После знакомства со сборниками стихов Марка Лисянского складывается впечатление, что любимая улица его в Николаеве – это Адмиральская: она и упоминается часто, и ей же посвящено стихотворение, название которого просто повторяет название улицы. Лирический герой признаётся: «Здесь я дни коротал, В адмиралы играл...», и мы, читатели, понимаем, что это сокровенные воспоминания самого поэта.

Кроме того, Дворец пионеров, который в самом начале своего существования носил название Центральный детский клуб, в 20-е годы также располагался на Адмиральской. С этим клубом-дворцом связано, можно и так сказать, начало литературно-творческой деятельности Марка Лисянского. Сейчас на стареньком, с обновлённым фасадом, здании размещены барельеф поэта и мемориальная доска, рассказывающая о том, что здесь он начинал свой творческий путь в театральном кружке.

Из множества запомнившихся стихотворений и фрагментов стихотворений Марка Лисянского особое значение для меня имеют четыре строки, которые процитирую по памяти:

*Не навизжу спесивых
И ханжей не терплю.
Не люблю горделивых,
А гордых – люблю.*

В молодости меня – без преувеличения – поразило тончайшее чувство слова, понимание глубокого отличия гордости от горделивости. Слова-то однокоренные, очень похожие, но вот значение абсолютно разное! Что-то такое в отношениях между людьми ощущалось, но самому понять было не дано. Не хватало, видимо, жизненного опыта, ума. Ещё чего-то... И тут встречаешь строчки знакомого поэта, которые, что называется, «падают в десятку», объясняют тебе самого себя!

Согласитесь, такое дорогого стоит, после этого к словам поэта прислушиваешься с намного бóльшим вниманием?

Могут также сказать, что крупницы житейской мудрости, которые встречаются в стихотворениях Марка Лисянского, оказали большое влияние на понимание жизни, причём не только моё: многие мои ученики тоже нашли «своего Лисянского».

Отдельно нужно говорить о песнях на стихи Марка Самойловича. О самой знаменитой уже сказано, но кроме неё были такие известные и любимые народом песни, как «Осенние листья», «Зори московские», «Новая дорога», «В синем омуте», «Конаково», «Хорошо шагать пешком», «Годы», «Это было вчера», «Песня вечной юности», «Уходит теплоход».

Николаевцам особенно полюбилась песня о Николаеве «Над лиманом парус белый...», которую можно считать неофициальным гимном нашего города.

В последние годы доводилось слышать высказывания, что, дескать, поэтический талант Марка Лисянского был... небольшим, что он «поэт одного стихотворения». С этим можно и нужно поспорить. Безусловно, Лисянского даже самые преданные его читатели не могли бы назвать «звездой первой величины» в советской поэзии XX века. Однако недаром Евгений Евтушенко когда-то мудро заметил: «В поэзии, словно в землянке, Немыслимы ссоры за ранги».

Каждый поэт неповторим и необходим.

И стихотворения николаевского (именно николаевского!) поэта Марка Лисянского занимают своё место в истории русской поэзии.

Закончить же разговор о Марке Лисянском мне хочется удивительным стихотворением, впервые прочитанном мной в областной газете «Южная правда». Мгновенно выученное наизусть, оно всегда со мной.

Вообще-то, самое надёжное, когда имеешь дело со стихами, – учить стихи наизусть. Самые замечательные из стихотворений как бы запоминаются сами.

2.2 Эпитеты как выразительно-изобразительное средство в поэзии Марка Лисянского

Рассмотрена роль эпитетов в создании авторского стиля Марка Лисянского. Эпитеты проанализированы с точки зрения семантики и способов выражения. Цитаты взяты из сборников стихотворений Марка Лисянского «От имени Чёрного моря», «Моя земля», «Дивный город», «Одна мелодия».

Литераторы самых различных направлений не похожи друг на друга ни по тематике произведений, ни по образной системе, используемой в стихотворениях, что говорит о необходимости изучения индивидуального стиля каждого писателя и поэта в отдельности.

Антропоцентрический подход к изучению художественного текста, особенно актуальный в современной науке, поставившей в центре исследования человека, его богатый духовный мир, определяет понимание литературного текста не только как самостоятельной данности, организованной оригинальным смыслом и идеями, нашедшими свое выражение в авторских языковых и стилистических средствах, но в первую очередь как сложную систему, создаваемую языковой личностью, характеризующейся своим менталитетом, эмоциональными и психологическими особенностями восприятия действительности.

Исходя из вышеизложенного, особую значимость приобретает изучение тех или иных средств языка, использованных автором в его творчестве в целом или в отдельных произведениях, сквозь призму авторской языковой индивидуальности, определяемой происхождением, воспитанием, образом жизни конкретного человека.

Причина выбора автором определенного художественного средства из огромного многообразия имеющихся в языке ресурсов – удивительная загадка, решить которую

способен антропоцентрический взгляд на произведение как на отражение внутреннего мира, недоступных и поэтому интригующих нас чувств и мыслей создателя этого произведения.

Данная научная работа посвящена изучению и анализу поэзии нашего земляка Марка Лисянского. Тема актуальна, поскольку его творчество на сегодняшний день не исследовано ни с литературной, ни тем более с лингвистической точек зрения.

Марк Самойлович Лисянский (1913–1993) – русский советский поэт, имеющий богатое творческое наследие. Многие его стихи вследствие своей музыкальности стали песнями.

Первый сборник его стихов «Берег» вышел в 1940 году в Ярославле. В послевоенное время он автор книг стихов о Ленине «Всегда с нами», «Навсегда»; поэтических сборников «Моя земля», «Золотая моя Москва», «За весной весна», «Такое время», «За горами, за лесами», «Спасибо», поэмы «Петя Клыпа». В 1977 г. вышел сборник его стихов «Дорогая моя столица» о суровой и нежной любви к Москве. В 1992 году вышла в свет последняя глубоко лиричная, духовно богатая книга М. Лисянского «Одна мелодия» – разговор с вечностью, как назвали её читатели.

Поэзия Лисянского – не патетическая, а лирическая, простая и душевная, и в то же время верная, точная и ёмкая по своей образности. Поэтому основным изобразительно-выразительным средством его поэзии стали эпитеты [1].

Функции эпитета – образного поэтического определения – многообразны. В поэзии Лисянского они занимают особое место, в них ярко и самобытно отражаются своеобразие его лирики, особенности языка и стиля поэта. Практически в каждом стихотворении Лисянский использует эпитеты с целью создать неповторимый образ изображаемого предмета, вызвать определённые ассоциации. В этой

связи можно привести исчерпывающее высказывание А. Н. Веселовского: «Если я скажу, что история эпитета есть история поэтического стиля в сокращённом издании, то это не будет преувеличением. И не только стиля, но и поэтического сознания» [2, с. 29].

Эпитеты Лисянского весьма разнообразны по своему лексическому составу. Есть в его творчестве «постоянные эпитеты», характерные для устного народного творчества: *смертный час* («Однажды о войне»), *долг святой* («Новая песня»), относящиеся к песенным эпитетам, наиболее часто встречающимся в русских песнях.

Однако наиболее характерными для творчества Лисянского являются эпитеты, созданные на основе современного ему литературного языка. Их отличает самобытность, оригинальность, красочность. Многие его эпитеты являются метафорическими: *Луч коснулся зелёного дола, Тронул тёплой рукой тополя* («С добрым утром, любимая школа»), *Пьёт безоблачное небо Из бесценного ковша* («Бескорыстная душа»), *Мне город набросил на плечи Накидку из желтой парчи* («Мой город»).

Обращает на себя внимание особое пристрастие Лисянского к некоторым эпитетам. Так, излюбленными для него являются определения «синий», «зелёный», «белый», «красный», которые встречаются во всех сборниках стихов поэта: *синим* рекам («Ночью звезды вдаль плывут по синим рекам»), *парус белый* («Корабелы»), *зеленеющему* следу («Я приезжаю в город Николаев»), *На улице нашей зелёной* («Мой город»), *с красною* звездой («Борис Бутома»), *синие* глаза («Бескорыстная душа»), *красный* галстук на груди («Как же этим не гордится»), *зелёного дола* («С добрым утром, любимая школа»). Часто такие эпитеты являются метафорическими: *Без её невыплаканной сини* («Я себя не мыслю без России»).

Излюбленными у Лисянского являются также эпитеты «солнечный» и «осенний»: *Осенние* листья шумят и шумят в саду («Осенние листья»); Утро *солнечной* тропею... («Новая дорога»); И осень *прекрасна*, когда на душе весна («Осенние листья»); Пылают *осенние* краски («Мой город»); На самой *солнечной* земле в мире («С добрым утром любимая школа»).

Эпитетам М. Лисянского, как и всем образным средствам языка, свойственна, прежде всего, исключительная эмоциональность, характер которой зависит от содержания стихотворения и может быть то нежным, то гневным, то радостным, то грустным.

С нежностью и сердечной теплотой говорит поэт о городах, где он жил: *Дорогая* моя столица, *Золотая* моя Москва! («Моя Москва»); Город над Ингулом и над Бугом, Отраженный с трех сторон водой, Ты мне оставался *верным* другом («Город над Ингулом и над Бугом»). Два, казалось бы, обыкновенных эпитета. Связанные проникновенной интонацией, плавной ритмикой, они наиболее точно и полно выражают чувства поэта. Определения *дорогой*, *верный* сами по себе не имеют такого яркого эмоционального оттенка, но здесь они окрашены большим человеческим чувством.

Эпитеты (во всех их лексических разновидностях) выполняют в лирике Лисянского очень важные идейно-художественные функции. Они служат созданию яркой образности, эмоциональному выражению мыслей и настроения поэта. В связи с этим рассмотрим некоторые, наиболее часто встречающиеся в лирике Лисянского, темы и мотивы.

Важнейшими, красной нитью проходящими через все его творчество, являются темы любви к родному городу, к отечеству, к матери, тема войны.

Тема любви к родной стороне является одной из важных для всего поэтического творчества Марка Лисянского. Этот образ у Лисянского неразрывно связан с родным горо-

дом. Его творчество проникнуто светлым чувством любви к своей малой родине («Я приезжаю в город Николаев», «Город над Ингулом и над Бугом»). При описании города, своих чувств поэт использует цветочные эпитеты, помогая тем самым красочнее изобразить увиденное: по вечно *зеленеющему* следу («Я приезжаю в город Николаев»), на улице нашей *зеленой*, накидка из *желтой* парчи («Мой город»), луч коснулся *зелёного* дола («С добрым утром, любимая школа»), над речною *синевой* («Борис Бутома»), акации в *снегу* («Парус белый»), в *солнечном зелёном* городке, акаций *снежные* вершины («Город над Ингулом и над Бугом»).

Тема любви к матери пронизана неизбывной нежностью и трогательным отношением к ней, к родным местам, где прошло его детство. В стихотворении «Дума о матери» поэт с помощью эпитетов описывает внешность милого сердцу человека, родной дом, где мама жила, раскрывает свои чувства к матери: над берегом *кряжевым*, воздух *чистый, хмельной, невысокая, невесомая*, ты надела платье *заветное*, морщинки *бессонные*.

Высокая эмоциональность, напряженный психологизм стихов Лисянского о войне были обусловлены отраженным в них историческим периодом, полным драматизма, особенностями душевного склада поэта, событиями его личной жизни и в полной мере его творческим кредо: не щадя себя, говорить в своих стихах только то, что глубоко пережито и прочувствовано им самим:

Воспоминанья пишут о войне.

Пора, как видно, вспоминать и мне.

Я жил, я задыхался от огня,

Не так-то просто в гроб вознать меня!

Жаль, я не вел на фронте дневников,

Живым войну прошел – и был таков!

В стихотворениях о войне автор использует иные краски, чем при описании родного края. Здесь преобладают чёр-

ные, красные и серые тона: *сидят* матери, когда идет война; брови *черные* лежат; крыло *серебристое*; *синее* небытие, *серая* краска.

М. С. Лисянский использует в своей поэзии музыкальные эпитеты, которые озвучивают стихотворение, именно это свойство позволило многие стихи Лисянского положить на музыку, и теперь они стали общеизвестными песнями «Горит Черноморской солнце», «С добрым утром, родная земля!», «Моя Родина», «Когда поют солдаты», «Песня мира и дружбы», «Солдатское сердце», «Я себя не мыслю без России» и многие другие.

Есть в поэтических произведениях Марка Лисянского эпитеты, определяющие возраст, течение времени. В стихотворении «Мой старый товарищ» эпитет *старый* передает ощущение скоротечности времени:

*Старые солдаты!
Что нам годы, что уют,
Нас надолго хватит...
Молодые подпоют,
Юные подхватят!*

Эпитетом может быть любое значащее слово, если оно выступает как художественное, образное определение к другому. В поэзии Марка Лисянского чаще всего эпитеты представлены:

- качественным именем прилагательным в полной форме: *заснеженных полей, родной земли, парус белый, на высоком берегу, милое соседство, верным другом, под холодной звездой, боль живая, суровую осень, дорогая столица, с моря близкого, в просторном городе, ночью бессонной, на улице зеленой, из желтой парчи, знакомой тропю, верный, единственный друг, луч торжественный и строгий, гудок и тревожный, и печальный, басовитую трубой, над широкою рекою, с красною звездой, над прозрачною водой, к милым берегам, вечного огня, великая весна, голос чистый и самозабвенный про священную нашу войну, песня простая, старые солдаты, верное*

плечо, *зелёного* дола, *тёплой* рукой; в *беспощадной* тишине, в *солнечном зелёном* городке;

- относительным именем прилагательным в значении качественного:

пророческой души, без её *железных* комиссаров, узнаешь ли голос мой *солдатский*? Ты его *мальчишеским* знавал, *золотая* моя Москва, пылают *осенние* краски, *корабельная* земля! Я иду по этой *майской*, по земле цветущей, *райской*, во всей *стремительной* красе, стать *военная* в каждом видна, слышу голос *родниковый*;

- краткой формой имени прилагательного:

И *счастлив* лишь тот, в ком сердце поет; И осень *прекрасна*, когда на душе весна; Ах, судьба, судьба-злодейка, под тобой *тверда* земля; Наши души *святы*; Ты *красива*, ты *любима*, новая дорога; Всё в ней (в песне) *близко* и *знакомо*;

- именем прилагательным в форме сравнительной и превосходной степени:

сильнее разлук тепло твоих рук, С каждым годом просторы всё *шире*! С каждым годом *внимательней* взгляд!, *самой* солнечной в мире, *огромнейший* шум, *самых* храбрых твоих сынов;

- причастием:

Без её *невыплаканной* сини; Без её *неизмеримой* силы; Без её *распахнутых* морей... Ах, жизнь, твои пути *необратимы*; По вечно *зеленеющему* следу; Есть у всех *незаменимый* город, Есть *незаменимые* друзья; *Немеркнущая* молодость; Я шел по *взорванным* камням; Я *признанный* всеми поэт; К моим *уцелевшим* друзьям; В саду *опустевшем* тропа далеко видна; Я иду по этой *майской*, По земле *цветущей*, *райской*; *Нецелованные* губы; Мы в *грядущий* день глядим; Дни зарёй *объяты*; *дымящаяся* осень, в *заиндевевшую* Москву;

- именем существительным в разных падежных формах:

акация *в цвету*; город *корабелов*; Ты мне был... первым городом *любви*; Я приезжаю к другу-*побратиму*; Сквозь *сумрак* акаций; Озарился спуск пологий Над речною *синевой*; Он идет, *в зарю* одет... В тополях и в дымке *май-*

ской Адмиральская; Поднялась эта песня простая, *без прикрас, судьба-злодейка, душа из хрусталя*; скрежет танков и *отблеск* штыков; *сединою* на виске;

- качественным наречием:

И было мне *светло* идти; Вот идут они *лихо* и *браво*, идут они *стройно, красиво*;

- поэтическим глаголом:

Ингул *струится*; *озарился* спуск; пламя вечного огня *осеняет* сон солдата; *одолеет* все печали новая дорога; ветер *свищет* в парусах, Нам поёт и нам *сияет*; *цветёт* весна, *сedeют* юноши, *белеют* лебеди.

- деепричастием и деепричастным оборотом:

Целый город, *волнуясь*, затих. Он (рудовоз) стоит в начале дня, *Всеми рубками сверкая*, *Всеми трапами звеня*. Может, день остался, может, час, Чтобы ты, сквозь слезы *улыбаясь*, Встретил под акациями нас. Поднялась эта песня простая, *Без прикрас*, как судьба и приказ, Наши души навывлет *пронзая*, И слезу *вышибая* из глаз.

Очень редки у Лисянского случаи употребления эпитетов с отрицанием:

Есть у всех *незаменимый* город,
Есть *незаменимые* друзья,
на улице знакомой *незнакомый* дом.

Кран несет под небосвод
Груз, как будто *невесомый*.

Парень выкрикнул: – Батя, спасибо! –
Незнакомому фронтовику.

Флаг Победы над праздником поднят,
Над *нелегкою* ношей годов.

И стоят они
В светлой, прозрачной,
Нездешней печали.

Есть в творчестве М. Лисянского и индивидуально-авторские эпитеты, которые несут дополнительную экспрессивную нагрузку, передают особый смысл не просто слова, а часто целой группы слов, создают неповторимый образ: *невыплаканной сини, безвестных Золушек, распахнутых морей, накидку из желтой парчи, голос родниковый, в беспощадной тишине, во всей стремительной красе; немеркнущая молодость; дымящаяся осень, в заиндевшую Москву; натянутое до предела Волоколамское шоссе, сад белопенный.*

Т. о., эпитеты в поэтических произведениях М. Лисянского настраивают читателя на определенное восприятие стихотворения, передают переживания, чувства, мысли лирического героя, создают определённую музыкальную тональность, рисуют цветовые пристрастия поэта, являясь, таким образом, необходимым художественным средством в лирике поэта.

Цитаты взяты из сборников стихотворений М. Лисянского «От имени Чёрного моря», «Моя земля», «Дивный город», «Одна струна».

Литература

1. Аров Б. Л. Чуткие струны Марка Лисянского / Б. Л. Аров. – Николаев : Издательство Ирины Гудым, 2011. – 304 с.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М. : «Высшая школа», 1989. – 404 с.

2.3 Семантические и структурные особенности сравнительных конструкций в творчестве Марка Лисянского

Рассмотрена роль сравнений в создании авторского стиля Марка Лисянского. Дан анализ сравнительных конструкций, характерных творчеству М. Лисянского, с точки зрения семантики и структуры. Выявлены и проанализированы их разновидности: образования со сравнительными союзами, конструкции со сравнительной степенью прилагательного и сравнения с существительными в форме творительного падежа.

Сравнение – одно из самых ярких средств языка, устанавливающих связи и отношения между предметами и явлениями действительности. Одновременно сравнение – одна из форм художественного мышления (образное сравнение, метафорическое сравнение) [2, с. 291]. Сравнительные конструкции представляют собой одновременно одну из самых распространённых, явных для внешнего взгляда исследователя и в то же время структурно и семантически многообразную форму выражения семантики, имеющей большое значение как основной смысловой материал художественной ткани произведения. Именно поэтому изучение конструкций сравнительной семантики важно для понимания сущности лингвистической личности автора.

Материалом для исследования было выбрано творческое наследие сложной языковой личности М. Лисянского, который своей художественной манерой выделяется среди ярких и своеобразных литературных дарований города Николаева. Весьма актуальным представляется нам обращение именно к исследованию сравнений в поэтическом языке М. Лисянского, так как сравнительные конструкции особо выделяются из всего многообразия языковых средств, способных раскрыть автора как личность с оригинальным внутренним миром.

Целью научного сочинения являлось описание семантических и структурных особенностей сравнений в творчестве Марка Лисянского. Исследование проводилось на материале 500 контекстов, иллюстрирующих своеобразие семантики и функций сравнительных конструкций в поэзии Марка Лисянского.

В результате анализа творческого наследия М. Лисянского выявлены их следующие разновидности:

1. Образования с синтаксическими показателями – союзами *как, будто, как будто, словно, точно*.

В произведениях Марка Лисянского конструкции с союзом *как* демонстрируют семантическое отождествление сравниваемых сущностей по их качествам. В них сравниваются субъект и объект преимущественно по неопределенным качествам: *И двинская вода как лед; Годы, вы – как чуткие струны*. В подобных образованиях основанием сравнения является неопределенное качество, на основании которого становится возможным сравнение субъекта и объекта, о чем свидетельствуют следующие семантические экспликации: *Качество воды подобно качеству льда, *Качество годов подобно качеству струн.

В конструкциях с союзом *как* могут сравниваться также субъект и объект по их отношению к определенному качеству, представленному действиями, процессами: *И свежесть утренняя в легких, И воздух пьешь, как молоко; Стоит сосна, как монолит; Лишь только жизнь натянет нервы, Точь-в-точь как жилы в тетиве; Он (парень) с места равнулся, как демон; И вот наливаются осень, Как яблоко, летней зарей; Облака белопенной постелью Широко разлеглись, как снега; Много лет и много городов. Как пароль и отзвев Нам звучали: – Будь готов! – Всегда готов!; Хранили, как границу, Сменяясь на посту, Небесную царицу, Земную красоту...*

Основанием сравнения субъекта и объекта могут быть также признаки: *На гимназическом мундире Наши ты пуговицы в ряд... И он, как все ребята в мире, Блестящим пуговицам рад; Да, да, ребенок он большой, И, как отец, он непрактичен, К вещам Володя безразличен, А к людям он со всей душой; Путь воздушный невесом, как свет. Он какой-то облачно-бугристый, солнечным сиянием укрытый.*

Разнообразные по тематике стихотворения автора демонстрируют сравнения с союзом *как* без четко выраженного объекта: *И только мать в сторонке плачет, Как триста лет тому назад; И не на день, а на века. Они стоят, как перед немцем, Как перед танком в том году* *Стоят с моим притихшим сердцем В одном строю, В одном ряду; Мать коммуниста и солдата, Я погибала, как в бою; Вокзал сиял в стекле, в бетоне, Как прежде в памятные дни; Я кланяюсь милому краю, Встречаю, как в детстве, зарю.*

Таким образом, в стихотворениях М. Лисянского в конструкциях с союзом *как* преимущественно осуществляется семантическое отождествление сравниваемых сущностей по их качествам. В данных конструкциях могут сравниваться субъект и объект либо по их неопределенным качествам, либо по отношению к определенному качеству (представленному действиями, процессами, признаками). Частотны сравнения без четко выраженного объекта.

Союзы *словно, будто, ровно, точно* выражают уподобление ситуаций образам не настоящим, в действительности, а присутствующим в воображении, вымышленным ситуациям.

В произведениях М. Лисянского сопоставление с образами, не существующими в действительности, отражено в ряде конструкций с союзами *будто* и *как будто*: *Мой друг, мой Саша Кузнецов, Не знает одиночества. Как будто он вчера уснул; А вобла тощая и сухая, Как будто была на голодном пайке; Я парня увидел в окне На старом своем мотоцикле Он будто сидел на коне; Как будто из могилы, Из тьмы, где*

тлен и прах, В молчанье выносили Мадонну на руках; Озарилась ясным светом, Будто не было забот...; Неуклонно, будто часовые, На земле сменяются года; Вокруг незнакомые лица, Но люди как будто родня...; Такое безмолвие тут, Что звуки не властны другие, Как будто друзья берегут Минуты его дорогие; Где на глубине трех тысяч метров, Нужная стране, как хлеб и соль, Стынет нефть в краю снегов и ветров, Черная, густая, будто смоль; А глаза, как прежде, молодые, Будто снова по пятнадцать лет; Идут, идут работники завода, Как будто братья из одной семьи; Кран несет под небосвод Груз, как будто невесомый; Вот идут они этой весною, Будто в том, Сорок Пятом году; Построились, как будто на парад.

Конструкции с союзом *словно* занимают, на наш взгляд, промежуточное положение между конструкциями с союзами *как* и *будто*, что видно из следующих примеров: Он идет за трактором туда, Где лежат озера, *словно блюда*; Кроток взгляд из-под густых бровей, *Словно в самом деле сургутянка Красоты стесняется своей*; Рядом белая и синяя, *Словно день и ночь, сирень*; А верста – *словно сорок верст*; Турухтаны поют, *Словно соловьи...*; Руку, *словно в наступленья, Протянул вперед...*; Те ворота, *словно грот*; Вскрикивает Петька и рукою Рубит, *словно шашкою плеча*.

Таким образом, в конструкциях с союзами *будто*, *как будто*, *словно* в большинстве случаев осуществляется сравнение образное. В образованиях с этими союзами речь идет о возможности восприятия одной ситуации через образ другой.

Механизм языкового сравнения представляют, наряду с простыми, сложноподчиненные предложения со сравнительными союзами.

В творчестве М. Лисянского представлены сложные предложения с союзами *будто*, *как будто*, *будто бы*, *словно*, *как*. Предложения с этими союзами в подавляющем боль-

шинстве выражают достоверные сравнения, для которых характерна постпозиция передачи в придаточной части общеизвестного явления, реже реального события. Чаще всего такое сравнение передается сложноподчиненными предложениями, в которых придаточные присоединяются союзами *будто, как будто, будто бы*: *Озарилась ясным светом, будто не было забот*; *И мы молчали, будто Оглохли от кололов*; *И лицо светилось у него, Будто никогда не знало горя*; Такое безмолвие тут, что звуки не властны другие, *как будто друзья берегут минуты его дороги*.

Реже встречаются конструкции с союзами *как*: *Вот стоит он меж двумя волами, как масленок меж двумя стволами... и словно*: *Кроток взгляд из-под густых бровей, словно в самом деле сургутянка красоты стесняется своей*.

Как видно из представленных примеров, в кругу сложноподчиненных превалируют предложения с так называемыми ирреальными союзами: *будто, как будто, будто бы, словно*, среди которых доминирует союз *будто*, степень ирреальности которого выше, поэтому автор отдает ему предпочтение в условиях неточного сравнения.

2. Сравнительные конструкции со сравнительной степенью прилагательного *сильнее, тяжелее, вкуснее, дороже, короче, нежней, выше, горше, хуже, быстрее, светлей, больше, лучше, белее, острее, тише, слышнее* и др.

Семантической основой степеней сравнения прилагательного является количественная оценка меры признака.

Чаще других автор использует прилагательные *сильнее, тяжелее, вкуснее, дороже*: *И я не знал сильнее пытки, Страшнее каторги не знал, Чем путь, ведущий от калитки На Николаевский вокзал*; *Всего сильнее чувство это Живет в далеком далеке, В соседстве с детством, Рядом где-то, В провинциальном городке*; *Он хоронил друзей в бою – Нет испытанья тяжелее, – Клим Скуратов. Сапоги по бедра, Тяжелее*

стопудовых гирь; Друг нам *дороже* брата иногда. Да что там иногда! . *Дороже* брата; Ломтик ломтику – сосед, Горка луку посередке – И еды *вкуснее* нет!; Но нигде и никогда Уж *вкусней* еды не будет, Чем у матери еда.

Зафиксировано также использование М. Лисянским прилагательных *короче, нежней, выше, горше, хуже, быстрее, светлей, больше, лучше, белее, острее, тише, слышнее*: Мальчика история *Короче* письма; И взгляд материнский, Влюбленный, Сегодня *нежней*, чем вчера; Льетса улица. Она Кроною пирамидальной *Выше* звезд вознесена; Дни униженный *хуже* бедности, Года гонений *горше* горя; Рвалась вперед мечта мальчишки *Быстрее* ветра самого...; Он вымолвит Цанта – и сразу Глаза озарятся его Улыбкой ее черноглазой – И нету *светлей* ничего!; Но героев неизвестных *Больше*, чем известных, есть...; *Лучше* всех дворцов на свете Материнский дом!; На шипящей сковородке Она, в руках сжимая анонимку, *Белее*, чем письмо, была с лица; *Острее* кинжала был соседкин взор; Прощен был Еж. Воды стал *тише*. И даже в должности повышен; наконец мосток подкинет, чтобы была *слышнее* музыка колес.

Часто Марк Лисянский прибегает к нанизыванию прилагательных, создавая тем самым градацию явлений окружающего мира: Беды нет *горше* в свете, Чем матери беда. И радости нет *шире*, И к счастью – сто преград... *Нежней* нет взгляда в мире, Чем материнский взгляд!; Дни унижений *хуже* бедности, Года гонений *горше* горя.

3. Сравнительные конструкции с морфологическими показателями сравнительных отношений – существительными в форме Т. п. : Одинокой *чайкой* пищала купоросная маета; И за меня стоят *горой* в лесочке – пушки; В небе месяц лёг *подковой*. Утро солнечной *тропюю* Ляжет у порога.

Для М. Лисянского характерно введение таких форм в предложения, в которых уже есть сравнение. Это, как пра-

вило, конструкции с союзом *как*: *Облака белопенной постелью широко разлеглись, как снега; Кровь бушует, прибоем шумит, и забвения просит, как чуда!*; *Вот стоит он меж двумя волами, как масленок меж двумя стволами*, кнут плетеный на плечо заброшен, радуга свисает *полукругом*.

Так же, как и для конструкций с существительным в форме Т. п., можно отметить тенденцию соединения сравнений с компонентом *подобный* с союзными сравнениями: Впервые здесь почетный караул Был из солдат, матросов и рабочих. *Подобные граниту и железу*, построились, *как будто на парад*.

Примечательно, что в художественных текстах Лисянского названные выше разновидности сравнительных конструкций могут существенно видоизменяться: повторяться (Они стоят, *как перед немцем, Как перед танком в том году*, стоят с моим притихшим сердцем В одном строю, В одном ряду или Друг нам *дороже* брата иногда. Да что там иногда! *Дороже* брата), концентрироваться (Беды нет *горше* в свете, *Чем матери беда*. И радости нет *шире*, И к счастью – сто преград... *Нежней* нет взгляда в мире, *Чем материнский взгляд!* Или Пляж изогнулся *песчаной дугой* и под ногами пружинит *покрышкой тугой*), комбинироваться (Вот стоит он меж двумя волами, *как масленок меж двумя стволами*. Кнут плетеный на плечо заброшен, радуга свисает *полукругом*; или Путь воздушный невесом, *как свет*, он какой-то облачно-бугристый, солнечным сиянием укрытый... Легкий, *словно авиабилет...*; или Где на глубине трех тысяч метров, Нужная стране, *как хлеб и соль*, Стынет нефть в краю снегов и ветров, Черная, густая, *будто смоль*; или А глаза, *как прежде*, молодые, *Будто снова по пятнадцать лет*.

Таким образом, компаративные конструкции в творчестве М. Лисянского реализуется практически всеми сравнительными моделями, однако поэт, обладая полной языковой компетентностью, неодинаково использует их, отдавая

одним несомненное предпочтение и почти совсем игнорируя другие, при этом существенно видоизменяет и комбинирует сравнительные конструкции. В этом заключается своеобразие его авторского «Я».

Литература

1. Кононенко В. И. Синонимика синтаксических конструкций в современном русском языке / В. И. Кононенко. – К. : Наукова думка, 1970. – 143 с.
2. Левин Ю. А. Русская метафора: синтез, семантика, трансформации / Ю. А. Левин // Труды по знаковым системам. – Т. 4. – Тарту, 1969. – С. 290–305.
3. Лезметс Х. Д. Компаративность и метафоричность в языках разных систем / Х. Д. Лезметс // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 92–108.
4. Лисянский М. Произведения [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.lisyanskiy.net/>.

Глава III

ОСОБЕННОСТИ ПОЭЗИИ ЭМИЛЯ ЯНВАРЁВА

3.1 Особенности функционирования односоставных предложений в поэзии Эмиля Январёва

Изучается роль односоставных предложений в создании авторского стиля нашего земляка, известного современного поэта Эмиля Январёва.

Эмиль Израилевич Январёв (30 января 1931, Николаев – 2005) – русский поэт, член Союза писателей Украины, почётный гражданин Николаева, лауреат премии имени Н. Ушакова.

Наиболее ярко в поэзии Э. Январёва прослеживаются темы города («Городская баллада», «В общем вагоне»), послевоенной жизни («Уроки фотографии», «Субботник»), моря («У самого моря», «Кучугура бабы Домны»), Чернобыля («После Чернобыля (Июнь, 86)», «Здесь раньше дом стоял...»). Есть целые циклы, посвященные отцу («Об отце!»), дочери («О дочери»).

Время, в которое Эмиль Январёв жил и творил, наложило свой отпечаток на язык его художественных произведений, что, в частности, отразилось и на поэтическом синтаксисе автора.

Из известных видов односоставных предложений Э. Январёв в своем раннем творчестве использовал определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные, инфинитивные и номинативные предложения.

Определенно-личное предложение представляет собой членимое, односоставное предложение, в котором субъект реален, но не выражен традиционным подлежащим, актуализация предикативного признака семантического субъекта происходит за счет формы сказуемого, указывающей на говорящего или его собеседника [1, с. 24].

Формы сказуемого – личный глагол в 1-м и 2-м лице единственного и множественного числа настоящего и будущего времени изъявительного наклонения, личный глагол в повелительном наклонении в единственном и множественном числе: В эмпиреях *парю*, травкой землю весной *пробиваю*, но и с вами, друзья, *пребываю*, но и с вами, друзья, *говорю*.

Определённо-личные предложения (86 случаев употребления) Э. Январёвым используются как предложения, обозначающие действия или состояния непосредственных участников речи – говорящего или собеседника.

Итак, в зависимости от того, чем выражено глагольное сказуемое, различают такие структурно-семантические типы определённо-личных предложений, которые представлены в раннем творчестве поэта:

- 1) определённо-личные предложения со сказуемым, выраженным глаголом 1-го лица единственного числа настоящего и будущего времени изъявительного наклонения: В эмпиреях *парю*, травкой землю весной *пробиваю*, но и с вами, друзья, *пребываю*, но и с вами, друзья, *говорю*. *Пришептываю*, *бормочу*, *светлею* и *добрею*;
- 2) определённо-личные предложения со сказуемым-глаголом в форме 1-го лица множественного числа настоящего или будущего времени изъявительного наклонения: Последние метры *довертим*, последнего гада *добьем*, последний рывок *обессмертим*. Спустя миллионы лет *услышим*;
- 3) определённо-личные предложения со сказуемым-глаголом изъявительного наклонения в форме 2-го лица

единственного числа: Но *хочешь*, сомненья гоня, и *боишься* высокого слога и возвышенных чувств, как огня;

- 4) определенно-личные предложения со сказуемым-глаголом изъявительного наклонения в форме 2-го лица множественного числа: *Володеете* нами и *правите*, страсти, страсти...; *Увидишь* и *ахнешь*, ей-богу!
- 5) определенно-личные предложения со сказуемым, выраженным глаголом повелительного наклонения: *Поверни* разок, *отомкни* замок и *открой* книгу, и *полюбишь* Ригу – молодую, старую, с дайною и с тайною...

Неопределенно-личные предложения являются членимыми, односоставными предложениями, в которых семантический субъект действия реален, но не определен и не выражен, актуализация предикативного признака происходит за счет форм сказуемого [2, с. 239].

Анализ и классификация фактического материала показали, что в поэзии Э. И. Январёва из односоставных предложений глагольного типа эти предложения представлены больше остальных (89 случаев употребления): Меня *спрашивают...* *Поговорили* про дела литературные, но вкратце. Их не *изобрели*. *Слышали* музыку жизни земной. А *одеты* были как попало. Мне *говорят*.

Обобщенно-личные предложения. В раннем творчестве Э. Январёва выделяется только одно предложение обобщенно-личного типа: со сказуемым-глаголом 2-го лица единственного числа настоящего и будущего времени изъявительного наклонения: *Как голову бедную ни задирай, увидишь не крышу, а облачка край*. В таком предложении выражается совет, пожелания, поучения, долженствование, возможность / невозможность совершения действия.

Безличные предложения – членимые, односоставные предложения, в которых семантический субъект действия (состояния) реален или не реален, но всегда не выражен в виде подлежащего [2, с. 85].

Особенностью значения безличных предложений (36 случаев употребления) в ранней поэзии писателя является значение стихийности, произвольности выражаемого действия или состояния. Оно проявляется в самых различных случаях, когда выражается:

- состояние человека или животного: *Мне не спалось*;
- состояние окружающей среды: *Стало светло*;
- «состояние дел»: *Пора полярных смут*.

Инфинитивные предложения. Главный член инфинитивного предложения выражается инфинитивом, не зависящим ни от какого другого члена предложения и обозначающим действие или состояние как желательное, необходимое, возможное, неизбежное.

В творчестве Э. Январёва инфинитивные предложения (24 случая употребления) имеют различные модальные значения: долженствование, необходимость, возможность и невозможность, неизбежность действия и др. : *Дабы огрызаться и грызть*; *Так тому и быть*.

Номинативные (назывные) предложения – односоставные, членимые предложения, в которых семантический субъект и его предикативный признак выражают факт существования, наличия в объективной действительности.

В назывных предложениях главный член оформлен как подлежащее и обозначает предмет, характерный для передаваемой ситуации. Основная форма главного члена и минимальный состав предложения – именительный падеж существительного, реже местоимения или числительного.

Анализ номинативных предложений (45) на материале творчества Э. Январёва показал, что в этих предложениях утверждается наличие, существование явления или предмета, называемого главным членом:

- 1) бытийные: *Серьезный шаг. Медведиц триста штук... Радость и горе. Тополиных крон вскипанье, их серебряных пучин. Сединки меж прядями...*

- 2) оценочно-бытийные: *Погодные явления, отец!*
- 3) указательные: *Вот фигурный.*

Среди структурных типов простого предложения выделяются вокативные предложения – обращения, осложненные выражением нерасчлененной мысли, чувства, волеизъявления [1, с. 113].

У Э. Январёва мы можем выделить следующие функциональные типы вокативных предложений (12 случаев употребления):

- 1) побудительные: *Листочек какой-нибудь за день! Дочь!*
- 2) эмоциональные: *Современные эти сирены! Послевоенная таинственная Вселенная, гордыня моя и шик!*

Так как Эмиль Январёв воплощал в своих произведениях не выдуманные сюжеты, а писал о реальной жизни, о том, что всех нас окружает, синтаксис его поэзии прост, лаконичен, но в то же время экспрессивен, что делает стихотворения автора доступными для всех читателей.

Литература

1. Бабайцева В. В. Односоставные предложения в современном русском языке. – М. : Просвещение, 1968. – 243 с.
2. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском литературном языке (Учебное пособие для филологических специальностей университетов) / П. А. Лекант. – М. : Высшая школа, 2004. – 247 с.

3.2 Колоративная лексика в творчестве Эмиля Январёва

Исследуются различные способы номинации цветовых оттенков, которые использовал Э. Январёв в своих произведениях. Колоративная лексика описывается с точки зрения частеречной принадлежности. Анализируются предпочитаемые поэтом цвета спектра и ахроматические тона. Благодаря колоративам читатель может больше понять психологию, внутренний мир, эмоциональное состояние поэта, а также почувствовать, как именно он воспринимал окружающую действительность.

Цель данного научного сочинения – описать лексические особенности выражения цвета в произведениях Э. Январёва. Материалом для исследования стало около 400 контекстов, иллюстрирующих своеобразие семантики и функций колоронимов в его поэзии [2].

Авторские предпочтения, связанные с языковым выражением категории цвета в поэтических текстах, организуют понятие колористической системы данного поэта, относимой к его идиостилю. В связи с этим проблема исследования цветовых обозначений в произведениях конкретного автора становится все более актуальной.

Понятие «цветообозначение» понимается не как результат – конкретное слово или словосочетание, – а как процесс. «Это процесс обозначения цвета в языке, т. е. различные способы номинации цветовых оттенков» [1]. Термин «колороним» может быть применен для обозначений названий любых цветовых оттенков (в том числе и ахроматических) [1].

Как известно, колоративная лексика в художественном произведении является выражением мысли автора: она указывает не только на смысловые значения, но и позволяет проникнуть в психологию творца, понять его эмоциональное состояние в момент написания произведения.

У Э. Январёва слова-цветообозначения получают символическое и метафорическое прочтение, они не только помогают воссоздать в сознании читателя зрительный образ, но и показывают отношение поэта к описываемому.

Проанализировав колоримы в стихотворениях исследуемого автора [2], мы выявили большое количество лексем-цветообозначений (всего 150 фиксаций), употреблённых как в прямом, так и в переносном значении.

С точки зрения частеречной принадлежности наиболее распространённым и ёмким для передачи цвета являются прилагательные. Э. Январёв очень активно использует слова данной части речи для передачи цветовых признаков описываемого (142 употребления).

Выявлено, что поэт предпочтение отдавал цветам спектра (77 употреблений), а также ахроматическим тонам (65 употреблений).

Хроматические цвета представлены следующим образом. Наиболее значительной в качественном и количественном планах является группа слов, которая служит для обозначения красного цвета и многочисленных его оттенков (36 употреблений).

Прежде всего это прилагательное *красный* в полной форме, которое используется в основном в переносном значении: *Поднимается красная рыба, Красная княжит цена.*

Среди светлых оттенков красного частотным является розовый цвет, который представлен полными формами *розовый* и *розоватый*, как в прямом значении для описания природы: *Облаков розоватые перья, В тревожной, розоватой пелене*, так и в переносном для образной характеристики абстрактных понятий: *Гипнозом розовых статей не усыпить тревоги ноющей*. Зафиксировано также использование и краткой формы для подчеркивания внешности, состояния человека: *Наклонясь над котлетой, розоват «сам с усам»*. Среди оттенков розового встречается прилагательное *малиновый*: *...Малиновых туч на закате.*

Интересным в данной группе является авторское новообразование – сложное прилагательное *розовопёстрые*, описывающее птиц и вместе с тем состояние неба во время заката: *Крики слышны, а не видны, – розовопёстрые чайки*. Известно, что чайки белого цвета, но, благодаря данному окказионализму читатель может представить себе закатное солнце, освещающее все розовым цветом, и чаек, которые также кажутся пестрыми розовыми.

Как известно, красный цвет – амбивалентен: с одной стороны он символизирует радость, красоту, любовь и полноту жизни, а с другой – вражду, месть, войну. Поскольку розовый цвет образуется при смешивании красного и белого, в нем сочетается страстность, неистовость и порывистость красного цвета вместе с чистотой, таинственностью и трогательностью белого. Как видим, розовый цвет и его оттенки поэт использует часто, описывая природу: небо, тучи, облака, как в мирное время, так и в военное.

Среди темных оттенков красного выявлено также предпочтении автора таким, как *вишнёвый, багровый, побуревший, пунцовый, багряный*: *К полустанкам вишнёвым, Аж в небо побуревшее на выморочной зоне, От зари пунцовые доуженковские соловьи, И струилась багряная мантия*. В искусстве *багровый* часто ассоциируется с цветом *крови*. Как видно из представленных примеров, прилагательные, обозначающие оттенки красного, используются для описания различных проявлений природы, символизирующих приближающуюся опасность.

Зафиксированы также прилагательные *румяный* и *пурпурный*, которые автор использует для характеристики женских образов: *Румяным девчонкам, В полсотни шагов от вокзала В пурпуровой юбке смугла*. Данные примеры свидетельствуют, что оттенки красного цвета Э. Январёв использовал в основном для описания природы и ее обитателей (птиц, рыб, животных) и человека, его настроения, состоя-

ния и внешнего вида. Бесспорным является использование поэтом темных оттенков красного для подчеркивания женской красоты. Они встречаются в стихотворениях как о войне, так и о лете и любви.

Второй по численности группой (34 употребления) являются прилагательные, служащие для номинации синего цвета и его оттенков.

Прилагательное *синий* автор использует только в полной форме в основном для описания природы, ее спокойствия, умиротворения: *Звёзды синие скрипели, У рои ли сонной, у синей воды ли!, Для ширяния в бездне синей, либо – бытовых реалий окружающего мира: И в синей купели следит Бородин.* Синий цвет у Э. Январёва, как и у многих народов, символизирует небо и вечность. Он также может символизировать доброту, верность, постоянство, расположение. Однако встречается использование поэтом фразеологического сочетания с негативным значением *гореть синим пламенем*: *Да гори они пламенем синим.*

Характерной авторской чертой является употребление для обозначений синего цвета различных словообразовательных моделей: приставочных (*подсинённый*), суффиксальных (*синеватый*), сложения основ (*синий-синий*): *Сугробов синеватых за окнами полно, Когда в подсинённой косыночке, И синие-синие лужи?* Как видим, синий цвет употребляется в основном для описания природы, в стихотворениях о раздумьях и созерцании мира. Все прилагательные, передающие данный цвет, употреблены в полной форме.

Особый, светлый, оттенок тонов синего диапазона представлен такими прилагательными, как *голубой* и его вариациями в основном в полной форме *Раствор голубой в блокаде туч громоздких, Колодец голубой, Продлив голубые досуги, Дарит молодуха ему свои голубые косыночки, Грудь твоя свет голубой источала.* Встречаются и краткие формы: *Вспышки прозрачны и голубы.*

Среди оттенков выделяются также *бело-голубой, лазурный, бирюзовый*: *И вода вскипающая тало пеной бело-голубой, Лазурная высь вся уже глазу отверста, Ни оклика ни зова, оконце бирюзово*. Как видно из представленных примеров, голубой цвет Э. Январёв использует в привычном значении – для описания воды и неба. Исключением является применение этого цвета в описании внешности и тела женщины.

Синий цвет чаще встречается в воспоминаниях о детстве и путешествиях как символ мира и спокойной жизни, ассоциируется у писателя с любимым городом, душевным спокойствием, мудростью жизни. Голубой цвет успокаивает и утешает, отождествляется с постоянством, верностью, надежностью и честью.

Цветобозначения желтого цвета представлены в стихотворениях Э. Январёва прилагательным *желтый* и его оттенком *золотой, золотистый* (жёлто-оранжевый цвет) (7 употреблений). Прилагательное *желтый* автор использовал в своих произведениях для описания осенних пейзажей, природы: *Уж осень расставляет по холмам деревья желтые, И сыростью несет от грязно-желтых пожней*. Желтый – цвет золота, которое с древности воспринималось как застывший солнечный цвет. Отсюда и любовь поэта к золотому цвету: *И свет по квартире плыл золотой, О ней, о золотой, он пел, что не сдадим, Золотую фразу молвил, Золотистые спины детей, Золотистой пыли*. Данные оттенки встречаются в описании людей, окружающего мира, а также в устойчивых сочетаниях в переносном значении: *золотая фраза*.

Наряду с цветами спектра Э. Январёв очень активно использует в своем творчестве ахроматические цвета – оттенки серого в диапазоне от белого до чёрного.

В сборнике Э. Январёва группа слов, обозначающих наиболее яркий ахроматический белый цвет, одна из самых многочисленных (30 употреблений). Она представлена прежде всего прилагательными в полной форме, которые

автор использует в основном для описания природы и внешнего мира: *Грачиная возня над белыми садами, Текли сады вдоль белых улиц, Яхты белые обновы.*

Встречаются также прилагательные в краткой форме и в сравнительной степени. Как правило, такие прилагательные используются поэтом в составе устойчивых сочетаний и сравнений (*среди бела дня, белее мела*): *Среди бела дня, Так Августин говорил, с утра, и стоял белее мела.*

Наряду с прилагательным *белый* Э. Январёв использует оттеночные прилагательные *белёсый* (тусклый и светлый до белизны): *Той выси белёсой чуть-чуть, а также разговорный вариант белобрысый (с очень светлыми волосами, бровями и ресницами): Поэт белобрысый слепец.*

К данной группе можно также отнести прилагательное *бледнолицый* (с бледным лицом): *...девицы по правилам древней игры надменны, стройны, бледнолицы.*

Представленные примеры демонстрируют, что автор употреблял прилагательные со значением белого цвета в основном для описания природы и окружающего мира, а также для описания внешности (лица) человека. Поэт *белый* цвет использует традиционно как символ чистоты, красоты, правды, справедливости, радости, добра и света, жизни, развития и процветания.

Наиболее темный ахроматический оттенок у Э. Январёва представлен такими цветообозначающими словами: *черный, чернявый* (6 употреблений): *Я за черную трубку хватаюсь рывком, Но сегодня чернявый один таракан маму за руку дернул.* В прямом значении прилагательное *черный* (цвет сажи, угля) выполняет описательную функцию – обозначает, окраску предметов, насекомых, окружающих человека в быту. Встречается прилагательное *черный* и в устойчивых сочетаниях: *Пока еще слеза в запасе про черный день.*

Лексемы, обозначающие оттенки, промежуточные между черным и белым (6 употреблений) – *серый, сизый, тем-*

ный, грязный – используются в основном для описания человека, его внешности, черт лица: *А художник, задымленный серой щетиной, ни судьбой, ни месткомом родным не щадимый, Сизых щек, И тёмную милость во взгляде храня, с портрета кормилиц глядел сквозь меня*, либо подчеркивают состояние человека: *В глубине побарахтаюсь тёмной, Грязный надлом усталого снега*, либо описывают окружающую действительность: *И сизый дымок над квадратной трубой*.

Нами также зафиксировано использование прилагательного *седой* (1 употребление) с уменьшительно-ласкательным суффиксом: *Как же не рыдать ей, Седенькой голубке*. Седина – это символ прожитых лет, обретенного жизненного опыта, а не только возраста. В данном случае чувствуется нежное, трепетное отношение автора к женщине-матери.

Обнаружен интерес Э. Январёва к такому цвету, как серебряный, серебристый – металлический цвет, оттенок серого, которым описывается цвет металла серебро (10 употреблений). В своих стихотворениях поэт использует прилагательные *серебряный, серебристый, серебристо-сиреневый*: *Сквозь бесконечного дождя серебряные сети, Висит дождя серебристая пряжа, Серебряный ландыш, Серебряная лука булава, Серебристо-сиреневой дымкой своей*. Примеры свидетельствуют, что цвета серебряного оттенка поэт использует для описания природы, в основном – дождя.

Нами зафиксировано также единичное использование таких прилагательных, которые характеризуют яркость: *блескучий (Его оркестранты хвалёные, в литавры блескучие бьют), блёклый (Блёклых небес распаленные своды), прозрачный (Такой привычной и такой прозрачный, Вспышки прозрачны и голубы), светозарный (Но сиянья полна светозарного, перебитая бытом душа), смуглый (Здесь был я счастливей других, Смуглее, худее, забытей, В полсотни шагов от вокзала В пурпуровой юбке смугла), загорелый (Загорелое*

плечико кажет, неразумные шепчет слова), пасмурный (Между тем я приглядываюсь к пасмурному пейзажу за окном), а также разговорное цветастый (Цветастый сарафан ветром относило).

Интересными, на наш взгляд, являются сложные прилагательные, не встречающиеся в литературном языке и являющиеся авторскими: *плесенно-болотный, текуче-светлый, лазурно-дивный, прозрачно-свежий: Подвальный, плесенно-болотный дар – потайной нанести удар, Горчит текуче-светлая, эфирная маслина, Иному дар дается свыше, с небес, с лазурно-дивной крыши, Был воздух декабря прозрачно-свеж.*

Наряду с широким использованием прилагательных, наблюдается малочисленная группа существительных (3 употребления): *синь (Он выйдет в открытое море, туда, где чистая синь), лазурь (Эта полная влажного бреда, молодая в лазури листва), желтизна (И взялась уже Россия, самой ранней желтизной); наречий (3 употребления): золотисто (Как золотисто расцветен листочек), жемчужно (Жемчужно светился Ингул), медово (Светились медово листья); глаголов и глагольных форм, связанных с передачей цвета (2 употребления): синел (Синел борок), побуревшее (Аж в небо побуревшее на выморочном зное).*

Таким образом, с точки зрения частеречной принадлежности наиболее распространёнными и ёмкими для передачи цвета являются прилагательные, менее частотны существительные, наречия, глаголы.

Э. Январёв среди цветов спектра предпочтение отдавал красному, синему и желтому с многочисленными их оттенками, а также ахроматическим тонам с бесспорным преимуществом белого. Цветообозначения используются поэтом не только для точного определения цвета предмета, но и в переносном, метафорическом значении, являясь образным средством художественной выразительности.

Среди различных способов номинации цветовых оттенков превалирует сложение основ, но встречаются и аффиксальные образования.

Автор в своих произведениях использует как литературные цветообозначения, так и собственные новообразования и сочетания колоронимов с другими словами, создающие особую поэтику. Сложные колоративные прилагательные передают впечатления наиболее точно, не только называя цвет объекта окружающей действительности, но и характеризуюя предмет, сообщая ему новые качества.

Цветовая палитра напрямую зависит от происходящего вокруг поэта. В годы войны в его стихах преобладает красный и черный цвета и их оттенки; в путешествиях в молодости и стихах о Николаеве – желтый и голубой с различными оттенками. В стихах позднего периода – серый, синий. Частотность употребления цветов под конец творческого пути поэта становится меньше. В последних сборниках их совсем мало.

В произведениях явно видна большая роль цвета. Благодаря колоративам читатель может больше понять внутренний мир поэта, а также почувствовать, как именно он воспринимал окружающую действительность.

Литература

1. Борисова Д. Н. Проблема выбора термина для названия форм цветообозначения в языке [Электронный ресурс] / Д. Н. Борисова // Океан литературы : [сайт]. – Режим доступа: <http://www.litoccean.ru/liocs-628-1.html>.
2. Январёв Э. И. Жизнь и творчество [Электронный ресурс] / Э. И. Январёв // Сайт Эмиля Январёва. – Режим доступа: <http://www.yanvarev.com>.

3.3 **Функции просторечных единиц в творчестве Эмиля Январёва**

Анализируется семантика и функции просторечий, выявленных в творчестве Э. Январёва. Все просторечные единицы, обнаруженные в произведениях автора, разделены на семантические поля, которые в дальнейшем членятся на лексико-семантические группы и подгруппы. Своеобразное использование просторечного материала обусловлено жизненным опытом писателя, его речевой практикой, языковым сознанием и филологической интуицией.

Как известно, литературное просторечие – весьма продуктивный, активно развивающийся разряд стилистически маркированных средств, постоянно пополняемый из разных источников – в художественном языке служит средством речевой характеристики персонажей, а в авторском тексте – средством создания стиля, близкого к разговорному. Современные писатели достаточно часто и свободно употребляют просторечные слова в авторском тексте.

Целью данного исследования является анализ особенностей языка Э. И. Январёва на основе выявления семантического своеобразия и функциональной специфики 654 просторечных единиц, обнаруженных в его произведениях [2].

Эмиль Изралиевич Январёв – замечательный поэт, который жил и работал на рубеже веков, отражая в своем творчестве как воспоминания о прошедших временах, так и раздумья о новом веке, полном сложности и драматизма. Автор использует множество просторечных единиц, которые являются формами передачи его уникального личностного восприятия действительности. На выбор таких единиц могут воздействовать религиозные, социальные, политические, психологические и другие воззрения писателя. Подать художественную картину мира так, чтобы она была понятна и близка читателю и не была в отрыве от реальности, – одна из задач, стоящих перед автором и одна из важнейших целей творимого им произведения.

Речь интеллигентного человека в идеале должна быть совершенно свободна от просторечных элементов. Однако не является исключением то, что они все же встречаются. Это обусловлено разными причинами. В одних случаях – своеобразным маскарадом, когда говорящий сознательно переключается на чужой социолект, заимствуя, цитируя несвойственные его обычной речи черты с целью передразнивания, паясничания, шутовства.

Все просторечные единицы, обнаруженные в произведениях Э. И. Январёва, разделены нами на следующие семантические поля: «Человек», «Предметы», «Природа», «Абстрактные понятия», которые в дальнейшем членятся на лексико-семантические группы и подгруппы.

В самом многочисленном поле «Человек» (360 просторечных единиц) нами выделены следующие лексико-семантические группы: «Действия человека», «Качества человека», «Социальные характеристики», «Части тела».

Среди просторечий, объединенных в семантическое поле «Человек», самой обширной является лексико-семантическая группа «Действия». В данной группе представлены просторечия, посредством которых Э. И. Январёв воспроизводит динамику разнообразных действий человека: «*Рванула стремительно с места...*»; «*...ключ в замочную скважину тычешь...*»; «*...ты забыла на кухне авоську – Я смотаюсь, картошку куплю...*»; «*Я жить хочу, как все: вот я тащу картошку...*»; «*...надраил свои ордена и медали – Слепят на свету...*»; «*...даже по трибуне грохнуть кулаком. .*», «*...в Очаков двинула...*»; «*...ножницами клацая...*»; «*...как по жизни помотало...*» и др.

Просторечные единицы лексико-семантической группы «Действия» передают также физическое, моральное состояние, ощущения человека «*Он из госпиталя вышел, оклемался, в общем...*», «*Я хворал...*»; «*...выменяешь – буду жить, если нет – помру...*». Пристальное внимание автор уделяет

глазам человека, взгляду, следит за выражением, движениями глаз: «...из рядов глаза *таращат*...»; «...В застиранной гимнастерке, в начищенных сапогах. Надламывая «воздушку» он отчаянным взглядом *шарил* по стенду...»; «...взгляд невидящий солью *набряк*...», «...*гляди*, как оплоскала атмосфера...».

Ряд просторечий характеризует разнообразные поступки человека: «Я знаешь чего *сотворю*: махну я рукою – прощайте, кружитесь, а я *отвалю*...»; «...наконец, *дорвался* до этих мокрых трав...»; «...о возрасте на времечко забыть И все *свалить* на хлипкую погоду...»; «Так, значит, покуда я в дёбри *влезал*...»; «...Я читал. Я *упирал* на суть...», «...О, памятью все *заграбастать!* . . .», «...чудом о тайном желанье *пропнюхав*...», «... я *вызубрил* его лицо...»; «...но все ж *докумекал*...»; «... *напривирую* про жисть-жистянку...».

В семантическом поле «Человек» есть также отдельная группа «Качества человека»: «...и родили им, *доброглазым*, кто девчонок, а кто пацанят...», «...холостяк известный – *набрильянтиненный* человечек...»; «...здесь был я счастливей других, смуглее, худее, *забытей*...», «...о, кто не мечтал посвятить свою лиру и *маме-старушке*...». Благодаря обилию просторечных слов, обозначающих качества человека, читатель может подробнее представить не только характер героев, их привычки, но даже отчасти – внешний вид. Подобные просторечные единицы в авторских текстах наделены положительной коннотацией.

Так, например, частотным является использование просторечия *молодуха*: «...*молодухи-торговки* на рынке...»; «...рядом случилась как раз *молодуха-красавица*...»; «...дарит *молодуха* ему свои голубые косыночки...». Как видно из представленных примеров, в ткани произведения данное просторечие имеет не только фиксируемое в словарях значение «молодая замужняя женщина» [1, с. 355], но и репрезентирует образ красивой привлекательной дамы, наполненный глубокой авторской симпатией.

В семантическом поле «Человек» выделяется также лексико-семантическая группа «Социальные характеристики», единицы которой несут информацию о социальном статусе героев: «...киночей неисправимых...»; «...я – летописец, вы – фантазеры, я – *бытовик*...», «...вылитый парубок! Чистый *рыбалка*...». Для возрастных характеристик, передаваемых посредством просторечий, используются термины родства и наименования некоторых социальных ролей: «...В руках у *парубков* светились...»; «...взрослеют *шкеты*...»; «...ведь *сын*ок не в зыбке – в лодочке-скорлупке»; «...не надо, *кровинка*, не надо *сыночек*...».

Многочисленной является лексико-семантическая группа «Части тела»: «...но что-то шепчут на *ушко*...»; «...реснички, смежайтесь!»; «...и *головушки* послетифозные...»; «...что нет и *морщинки*?»; «...сидинка у виска...»; «...тут и *очи* отголубели...». Как видно из представленных примеров, Э. И. Январёв обращает внимание прежде всего на лицо человека, всматриваясь и наблюдая практически за каждой его частью.

Следующим по численности просторечий, входящих в него (144 единицы), является семантическое поле «Предметы», в котором мы выделили такие лексико-семантические группы: «Признак предмета», «Название предметов быта», «Название сооружений», «Название одежды и ее частей», «Название продуктов питания».

Среди просторечий, объединенных в семантическое поле «Предметы», самой многочисленной является лексико-семантическая группа «Признак предмета»: «...дыша дымком *столовского борща*...»; «...мимо сочных *духовитых* беляшей...»; «...посмотреть на *чуть жантильный* старый тенец...»; «...шел в казенной *старенькой* пижаме...»; «...тот стих, пускай *пустяшный*...»; «...И бока волов его прикрыли от *дурного* глаза, Да от кривды, от *дурного* слова, от гриба *дурного*...»; «...о возрасте на времечко забыть И все свалить

на хлипкую погоду...»; «...В *заправский* митинг у селян...»; «...уйдет от пирса завода *новехонький* рудовоз...»; «...ослабела родственная связь – это *горьковатая*, но правда...»; «...и разговор получился тоже *суховатым*...»; «... в *длиннющем* списке...»; «...не надо, *родимый*»; «В *школярской* тетради его...». Как видно из представленных примеров, для большинства прилагательных этой группы характерно использование слов с диминутивными суффиксами, что передает авторское отношение к описываемому.

Следующей по численности является лексико-семантическая группа «Название сооружений», среди которых превалирует просторечие *хата*, проникшее из украинского языка: «Над *хатой* рыбацкой висит...»; «...Здравствуйте в мире, осенние *хаты*...»; «...И струился по *хате* дымок...»; «Ах, как меркнут в золоте тополя у *хат*...»; «...Просыпался в беленой *хате*...», «...в Очаков двинула, *и хату*, и леваду кинула...». В данной группе представлены и другие просторечия, преимущественно с диминутивными суффиксами: «...*хибарка* – три на шесть...»; «...отчалила в ночь *терраска*...»; «...когда *театрик* наш провинциальный был...»; «Раздевается подросток на *закраинке мостка*...»; «...он стоит, растерян, под щебечущим *шатром*...».

В семантическом поле «Предметы» выявлена лексико-семантическая группа «Название предметов быта»: «...иль врубит похожий на наш, Все так же мерцающий *ящик?*...»; «хотя по *телеку* вчера...»; «...ты забыла на кухне *авоську* – Я смотаюсь, картошку куплю...»; «...и на тихой *лавочке* в печали помолчать...»; «...и сел на *скамеечку*...»; «...половина прочитана *томика*...»; «...оставались три стареньких фото, да пижама, да *склянка* чернил...»; «...у ней *ридикюльчик* с мужскую расческой...»; «...была бы нежесткой *постелька*...»; «...по *коврику* поздней травы...»; «...накрахмалены *простынки*...». Данные примеры демонстрируют, что просторечия этой группы используются автором для воссоздания бытовых реалий второй половины двадцатого столетия.

С этой же целью автор использует просторечия лексико-семантической группы «Название одежды и ее частей», с обязательным присоединением с уменьшительно-ласкательных суффиксов: «...и замечала, что день с *рукавчик...*»; «...тогда он встал, от выпивки светясь, Собрал *вещички*, становясь степенным...»; «...он так *пальтишко* бедное распаивает...»; «...беспечная муза *рукавичек...*»; «...дарит молодуха ему свои голубые *косыночки...*».

В семантическое поле «Предметы» входят также лексико-семантические группы «Название продуктов питания»: «Еще *кипяточком* кипит...»; «...другое время – и *харчи* другие...»; «... нам не хлеба единого надо и бокала *пивца...*» и «Название средств передвижения»: «*Дилижансик*, приседая на рессорах...»; «*Паравозик* одышливый «Ща» снова начал...».

Семантическое поле «Природа» (82 единицы) представлено лексико-семантическими группами «Животные», «Растения», «Местность», «Атмосферные явления».

Многочисленной является лексико-семантическая группа «Животные»: «...Шепну я о милом своей *синичке и пчелке...*»; «...то ли они сквозили *ласточками* над сквером...»; «...как же не рыдать ей, *седенькой голубке...*»; «...на Слободке *птахи* свищут...». Из представленных примеров видно, что Э. И. Январёв в своих произведениях представляет в основном образы птиц, в частности обитающих на его родине – юге Украины.

В данное семантическое поле входят также лексико-семантические группы «Местность»: «...мне подняться на этот *холмочек...*»; «Я знал: весна, и осень, и глохнувший *ставок...*»; «...сухую *земельку...*»; «...тенью рыскал *по стерне*, хлопчика высматривал...», «Атмосферные явления»: «...ну и *жарища!*...»; «...*Тучка* есть! Не хватает лишь *дымки...*» и «Растения»: «...на стол водружен *кавун...*»; «*Уже на деревьях* не держится листва...».

В семантическом поле «Абстрактные понятия» (16 единиц) представлены разнородные и разнообразные просторечные формы, так или иначе связанные с жизнью и взаимоотношениями людей: «О, наших мнений *стычки...*»; «...слова это извечные *козны твои...*»; «...она бежала дворовых *ругачек...*»; «верхом на моторе – лихая *житуха...*»; «...и бока воллов его прикрыли от дурного глаза да от *кривды...*»; «...Задор стариковский, ей-богу, *брехня...*»; «...нашлешь какие *хвори...*»; «...и на меня *хвороба* движется такая же...»; «...И вы кого не переупрямите, дескать, все это блажь, *ерунда...*»; «... гнилой зимы унылая *оттяжка...*»; «...посреди *толковица* людского...»; «...с природою *впритирку* иная душить новь...»; «...ладони держит *враспыр...*»; «...*пешедралом*, в трамвае, в такси...»; «Смотрит почти наивно, *тараняще...*». Просторечия данной группы могут также передавать обиходно-бытовые реалии: «...Ремонту нет конца: в душе и в доме хаос, два месяца *враспыл...*»; «...полет беспризорного духа: самоты, победы, *разруха...*»; «...сiju в солдатской шинели, купленной на *толкучке...*»; либо окружающий мир: «Опять у неба *не лады...*»; «... и лиманные воды встают на *дыбы...*»; «...Лужи – *вдрызг* на куски...».

Таким образом, частое и разнообразное использование просторечий в произведениях Э. И. Январёва обусловлено стремлением автора к повышению образности текста. По мотивам стилистической целесообразности, например, для речевой характеристики персонажей, мастер слова вводит в ткань литературного произведения просторечную лексику, создает неологизмы, оригинальные обороты речи. И именно благодаря обилию просторечных слов читатель может подробнее представить не только характер героя, но его возраст, социальный статус и т. д.

Исследуя работу поэта с народными единицами языка, мы убедились в том, что Э. И. Январёв виртуозно владеет просторечием своего времени, искусно влетает просто-

речное слово в контекст, выражает своё позитивное отношение к описываемым событиям, создаёт колорит местности. Как правило, во фразе просторечие окружено единицами литературного языка, но настолько органично в этом окружении, что не вызывает ощущения чужеродного элемента: нет «швов» между просторечным и другими словами фразы.

Анализ просторечий в текстах произведений Э. И. Январёва показывает, что их использование обусловлено сознательным употреблением, лишённым предвзятости и пренебрежения к ним. Своеобразное использование просторечного материала продиктовано жизненным опытом писателя, его речевой практикой, языковым сознанием и филологической интуицией.

В ходе исследования нами выявлена неравномерность номинирования отдельных участков семантических полей, «избыточное» число тождественных членов в некоторых лексико-семантических группах, что объясняется повышенным уровнем эмоциональности и экспрессивности, стремлением к мотивированности просторечной единицы и речевому самовыражению. Большинство компонентов просторечных семантических полей созданы автором на основе метафорического переноса.

Литература

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : АЗЪ, 1996. – 928 с.
2. Январёв Э. Поэзия [Электронный ресурс] / Э. И. Январёв // Сайт Эмиля Январёва. – Режим доступа: <http://www.yanvarev.com>.

Глава IV

АНАТОЛИЙ ПОПЕРЕЧНЫЙ И ЛЕОНИД ВЫШЕСЛАВСКИЙ

4.1 Особенности функционирования односоставных предложений в творчестве поэтов-земляков А. Поперечного и Э. Январёва

Проведен сопоставительный анализ функционирования односоставных предложений в творчестве николаевских поэтов А. Поперечного и Э. Январёва.

Суть поэтического творчества Анатолия Поперечного, как утверждает он сам, «составляет мышление образами». Его стихотворения яркие и красочные, полны метафоричности, «удесятеренным» чувством жизни, бытием в «прекрасном, яростном мире»... Он считал, что песня приблизила его к некрасовскому пониманию поэзии и народности, ее гражданственной сути. «Я понял, что стихи, выстраданные, созданные о людях и для людей, да еще положенные на музыку, очень нужны». А потому, и поэтический синтаксис у него особенный. Это, в частности, проявляется в употреблении односоставных предложений.

Функционирование рассматриваемых предложений в поэзии не изучено, нет монографических исследований, посвященных поэтическому синтаксису творчества А. Поперечного и Э. Январёва. Следовательно, тема нашей работы актуальна.

Предметом исследования является специфика функционирования односоставных предложений в раннем и позднем творчестве поэтов А. Поперечного и Э. Январёва.

Из известных видов односоставных предложений А. Поперечный и Э. Январёв в анализируемых стихотворениях использовали определенно-личные, неопределенно-личные, безличные, инфинитивные и номинативные предложения.

Так, главный член определенно-личных предложений выражается личной формой глагола первого и второго лица единственного и множественного числа, указывающей на определенное лицо. Употребление таких предложений сообщает повествованию большую динамичность, делает его более лаконичным и помогает избежать словесного повторения.

Этот тип односоставных предложений достаточно регулярен как в раннем (133 – у Поперечного, 66 – у Январёва), так и в позднем (158 – у Поперечного, 30 – у Январёва) периодах творчества поэтов. На 200 стихотворений А. Поперечного приходится 261 определенно-личное предложение, у Э. Январёва – на 276 стихотворений 116.

Например:

В окуневую прохладу Окуну перо твоё.

(А. Поперечный. Ранний период)

Хочу и желаю вам доли Немного моей поладней.

(А. Поперечный. Поздний период)

Замри, река, земля! (Э. Январёв. Ранний период)

Запах трав увядающих помню.

(Э. Январёв. Поздний период)

В неопределенно-личных предложениях главный член выражен глаголом в форме множественного числа третьего лица или в форме множественного числа прошедшего времени и обозначает действие, совершаемое неопределенными или необозначенными лицами. В них внимание сосредотачивается на факте, событии, действии. Действующее лицо остается неопределенным. Сведения о нем обычно черпаются из контекста или подсказываются ситуацией. Например:

К тебе, как прежде, до ухода

Не заглянули рыбаки. (А. Поперечный)

Везли его далеко. (Э. Январёв)

Этот тип односоставных предложений редко встречается в творчестве А. Поперечного – 40, из которых 24 – в ранней лирике и 16 – в поздней, у Э. Январёва – 74, из которых 69 – в ранней лирике и 5 – в поздней. Как отмечают исследователи, данный тип предложений распространен в разговорном стиле и менее употребителен или почти не употребителен в стилях книжных, особенно в научном и деловом, необходимым качеством которых является предельная ясность и определенность изложения. Исследуемый материал только подтверждает эту мысль. Тем не менее неопределенно-личные предложения сыграли большую роль в создании необходимого колорита и передачи основного смысла стихотворений.

Семантической основой безличных предложений является отсутствие именно активного деятеля (или носителя признака), так как указание на деятеля в предложении все-таки может быть, однако в такой форме, которая не допускает грамматического подлежащего. Чаще их используют для передачи состояния природы окружающей среды, психического или физического состояния живого существа, долженствования, наличия или отсутствия чего-либо и т. д.

По частоте употребления этот тип находится на втором месте в творчестве А. Поперечного после определенно-личных предложений – 102 (47 безличных предложений встречаем в 100 стихотворениях раннего периода и 55 безличных предложений встречаем в 100 стихотворениях позднего). Но далеко не первое место в творчестве Э. Январёва занимает использование данного типа предложений (всего 51 случай употребления). Например:

Уже рассветает.

И жутко-диковато мне.

Так звучит, что можно зарыдать.

(А. Поперечный)

Не было б тебя.

Плохо.

Хватит о них. (Э. Январёв)

Инфинитивные предложения А. Поперечный использовал в разные периоды своего творчества, чтобы придать своим стихотворениям большую экспрессию, лаконичность, напряженность. Главный член таких односоставных предложений может быть выражен инфинитивом и передавать различные значения:

необходимости:

*Ночью у скирды
Ждать звезды падучей,
Ждать своей звезды.* (А. Поперечный)

вопроса:

*И какой на свете мерой
Нам измерить эту боль?* (А. Поперечный)

желания:

*И жить бы dedu,
Жить еще сто лет!* (А. Поперечный)

В приведенных примерах четко прослеживается несоотнесенность действия с деятелем. Весь смысл вкладывается в глагол (в действие), демонстрируется важность именно совершаемого процесса.

В количественном соотношении инфинитивные предложения чаще встречаются в позднем периодетворчества у А. Поперечного – 46, и значительно реже в раннем – 11, что в сумме составляет 57 предложений.

У Э. Январёва же инфинитивные предложения встречаются только в раннем творчестве – 24:

Так тому и быть. Дабы огрызаться и грызть.

Среди односоставных предложений номинативные занимают особое место: они относятся к именному типу и имеют четко выраженную форму – именительный падеж существительного (реже – личного местоимения или числительного). Это слова, называющие явления и предметы, поддающиеся наглядно-чувственному восприятию. Этот тип предложений часто встречаем у А. Поперечного – 99 (40 –

в ранней лирике и 59 – в поздней). Среди них находим следующие семантико-функциональные типы:

бытийные:

(собственно-бытийные и предметно-бытийные):

Сорок первый стремительный год.

предметно-бытийные:

Варваровский мост. Бомбежка. Переправа.

В творчестве Э. Январёва мы выделили всего 75 номинативных предложений, из них 57 в ранней лирике и только 12 – в поздней. Они разделены на такие семантико-функциональные типы:

бытийные: *Серьезный шаг. Пустяк.*

оценочно-бытийные: *Погодные явления, отец!*

указательные: *Вот фигурный.*

Таким образом, в творчестве А. Поперечного и Э. Январёва наиболее часто встречаются определённо-личные, безличные и номинативные предложения. С помощью их поэты передают свое мироощущение, мировосприятие. Другие типы односоставных предложений они практически не используют.

Литература

1. Белошাপкова В. В. Современный русский язык: Синтаксис: Учебное пособие для филологических специальностей университетов / В. В. Белошاپкова. – М. : Высшая школа, 1977. – 248 с.
2. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского литературного языка : Учебник для студентов, обучающихся по специализации «Журналистика» / Н. С. Валгина. – М. : Высшая школа, 1991. – 432 с.
3. Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке / Е. М. Галкина-Федорук. – М. : МГУ, 1958. – 415 с.
4. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – Т. 3. – М. : Просвещение, 1968. – 551 с.
5. Поперечный А. Избранное : Стихотворения и поэмы / А. Поперечный. – М. : Худож. лит., 1991. – 511 с.
6. Январёв Э. И. Избранное / Э. И. Январёв. – Николаев : Возможности Киммерии, 2009. – 527 с.

4.2 Изобразительно-выразительные средства в поэзии Леонида Вышеславского

Дан общий обзор творчества Леонида Вышеславского, отдельно отмечена связь поэзии Вышеславского с Николаевом, проанализированы основные тропы и фигуры, характерные его творчеству.

Признанным лидером русскоязычных поэтов Украины по праву считается лауреат Национальной премии Украины имени Тараса Шевченко и международной премии «Дружба», прославленный переводчик и литературовед последнего времени, наш земляк Л. Н. Вышеславский. Его творчество, отличающееся разнообразием и неповторимостью, стало неотъемлемой частью литературного процесса в Украине во второй половине XX ст., углубило философичность современной лирики. Его вклад в украинскую поэзию, несомненно, весьма значителен и богат. В поэтических книгах автора легко обнаруживаются все признаки классического стихотворения, а также приметная особенность его таланта – соединение точно выраженного, изысканного слова со свободным настроением стихотворения. Философски осмысливая вечность, Л. Вышеславский выражает своё представление о ней в ярких, поражающих своей глубиной образах. Автобиографический характер многих стихотворений Леонида Вышеславского также зачастую наполняется философским смыслом, индивидуальные переживания, психологический опыт конкретного человека сливаются с философскими рефлексиями о жизни и её сущности. Творчество поэта отличает философская углубленность в осмыслении жизни, тонкое чувство природы. Человек и Космос, Человек – разумный хозяин богатств земли, человек в своем духовном развитии и совершенствовании, человек в единстве научного и поэтического познания мира – таково основное содержание поэзии Л. Вышеславского [5, с. 70].

Элементы художественной программы писателя, реализованной в дальнейшем творчестве, определились уже в его первом сборнике «Здравствуй, солнце» (1938). Сборник «Чайка» (1946) содержит лучшие стихи фронтовых лет. В стихах послевоенного времени (в сборниках «Подвиг мечтателей» (1949); «Молодость мира» (195); «Песня с Днепра» (1951); «Родство» (1955; 1956); «Единство земли» (1958); «Щедрость» (1960) прославляется трудовой энтузиазм людей, дружба между народами. В книгах «Звёздные сонеты» (1962), «Моя планета» (1972), «Садовник», «Грунт» (1973), двухтомнике стихов «Основа» и сборник «Стихотворения» (1974); «Сковородинский круг» (1980), «Снежная весна» (1981), «Близкая звезда» (1983) и других основное внимание сосредоточено на свершениях людей, философских проблемах их существования. Большое место в творчестве поэта занимал родной город Николаев. В 2000-м году вышла книга стихов «Николаевская колыбель».

В стихах Л. Вышеславского нет застойности, действительность, даже в малом, предстаёт как непрерывное творчество. Поэт так обобщает свои наблюдения и мысли, что мы невольно воспринимаем жизнь объёмнее, красочнее, мудрее, нежели прежде. Слово поэта помогает разрозненное соединять воедино, находить этому место в нашем «духовном обиходе». Лирика Л. Вышеславского обращена к лучшему в человеке, поэтому его стихи не просто так называемое «чтиво» – их хочется перечитать ещё и ещё раз, над ними хочется подумать.

Л. Вышеславский занял в современной русской поэзии свое место. Это – поэт-философ, наследующий традиции русской философской лирики, но вобравший в себя и достижения украинской поэтической мысли, прежде всего Г. Сковороды, Т. Шевченко, М. Рыльского. Переключка с украинскими поэтами была у Л. Вышеславского постоянной. И совершенно очевидно, что характер творческой, поэтической

личности Вышеславского сформировался и мог сформироваться только в Украине.

Постоянное проживание в Украине во многом определило тематику, образное строение и стиль поэзии Л. Вышеславского. В его произведениях сочетаются традиции украинского песенного фольклора и поэтической классики с высокой культурой русского классического стиха. Поэзии Л. Вышеславского присущи умение перевести научный факт в художественный образ, внимание к скупой и точно выбранной детали, особая ассоциативность, изысканная ритмика.

Кроме многих сборников оригинальной поэзии, Леониду Вышеславскому принадлежат многочисленные переводы стихов украинских поэтов Т. Шевченко, И. Франко, Л. Украинки, П. Тычины, М. Рыльского, М. Доленго. Л. Вышеславский был также хорошо знаком с французской литературой, владел французским языком. Он перевел стихи таких французских поэтов, как А. Рембо, Ш. Бодлер, П. Верлен, Ж. Превьер, Ж. Одиберти.

Л. Вышеславский прошёл вместе с XX веком весь путь от первого аэроплана до межпланетных кораблей и Интернета. Он был свидетелем этого удивительного прорыва человечества и осмысливал его в своём творчестве. Но он не забывал и то, что уходит. Провожал с грустью старое. Любить старое и восхищаться новым – в этом проявлялась великая гармония натуры Л. Вышеславского

В честь Вышеславского названа малая планета – астероид 2953. Она носит имя «Вышеславия» (1986).

Актуальность темы научной работы связана с неизученностью лингвистического аспекта творчества Л. Н. Вышеславского. Материалом для исследования послужили стихотворения из сборников «Николаевская колыбель», «Завязь», «Чайка», «Звёздные сонеты», «Земные строфы», «Садовник», «Лоно».

Л. Вышеславского называют самым «космическим поэтом» украинской поэзии XX века. Он писал не только о по-

лѣтах человека в Космос. У него была своя поэтическая философия: мир огромен и высок, и человек приобщѣн к этому огромному и высокому миру. Он писал о пространстве, в котором происходят удивительные события, превращения, игра; о пространстве, в котором возможно всё. Об этом свидетельствуют строки из «Звѣздных сонетов»:

*Нигде на свете нет замкнувшегося круга.
Предела небу нет. Предела нет Земле.
Ты где-то далеко, но мы вдвоём средь луга,
лишь птичьи голоса отдельно друг от друга
переливаются, как звѣзды в полумгле.*

Л. Вышеславский через свои стихотворения пытался донести до читателей, что связь человека с Вселенной непрерывна, она многолика и многозвучна. Традиционно лирический поэт живѣт в мире своей души и каждое движение своего внутреннего мира выражает лирической поэзией. Но в лирике Л. Вышеславского мир души открыт, распахнут в просторы Вселенной [6, с. 99].

Л. Н. Вышеславский родился 18 марта 1914 года в Николаеве, на Ингульской Слободке. Отсюда и следует его преданная любовь к этому городу и множество стихотворений, посвящённых родному Николаеву. Например, в стихотворении «Мой Николаев» он описывает дом, в котором родился, из которого вышел на дорогу жизни:

*Дом старинный стоит и в вечную глядит синеву,
где бы жить ни пришлось – я всегда в этом доме живу.
Через окна его я впервые на землю взглянул,
через двери его я впервые на землю шагнул
и увидел Слободку в горячей дорожной пыли, –
всю Слободку из глины слепили и солнцем степным обожгли.*

Именно здесь, в стенах дома на окраине Николаева, бабушка привила внуку любовь к украинскому слову, дедушка раскрыл красоту русского языка, мать познакомила его с украинской и русской поэзией, обучила рисованию и игре на рояле, а отец познакомил сына с заводской жизнью

(позже это нашло отражение в таких стихотворениях, как «Юность», «Горячий цех», «Былая идиллия».)

Но гражданская война, которую Л. Н. Вышеславский стал пятилетним ребёнком, и послевоенная разруха круто изменили жизнь будущего поэта. Его семью постиг упадок, они голодали. Об этом поэт позже напишет в стихотворении «Ингульская слободка»:

*Но сжимала глотку голодуха цепкою
старушечьей рукой.
День крошился, жёсткий, как макуха,
и земля крошилась над рекой.*

Осенью 1921 его семья, спасаясь от голода, переехала на Харьковщину. Леонид тяжело перенёс расставание с любимым городом. Позже он напишет о первом постижении своей малой родины в стихотворении «Колыбель»:

*Я в детстве жил на берегу Ингула,
И, как солнцем мокрое весло,
моё там детство вспыхнуло, сверкнуло
И золотой байдаркой уплыло.*

В годы войны, будучи воином Красной армии, он проходил через родной город и в стихотворении «Дорога через Николаев» спрашивал:

*Разве здесь я рождён для того, чтоб глухим,
затемнённым оставить его?*

И с уверенностью заявлял о неизбежности возвращения к родным берегам: *Нам было дано возвратиться! Такими уж бы рождены!*

После войны Л. Н. Вышеславский неоднократно посещал Николаев. Он часто вспоминал своё детство, и в стихотворении «Черешни», навеянном воспоминаниями о детстве, проведённом в Николаеве, он пишет, как долго любовался Ингулом и его живописными берегами, о долгих часах, проведённых в саду, среди старых вишен:

*Я же, с них глаз не сводя, запрокинув голову, долго стою...
То заглянула сама Украина В детскую душу мою.*

всю любовь и память о родном крае. Поэт постоянно одушевляет природные явления, воссоединяет человека и природу. У Вышеславского метафора часто обусловлена философичностью, например, стремлением в одном образе соединить пространство и время и «поэтически» овладеть ими: *а время поспешно сгребает минуты, как в дни сенокоса сгребают траву.*

Соединение точности воплощения замысла с неожиданным блеском вроде бы неконтролируемой, спонтанной метафоры – именно в этом и состоит своеобразие творческой личности поэта:

*И кажется: ликуют свечи, и села голубем звезда
на покосившиеся плечи всё ж не упавшего креста.
Когда о поэте и друге заплакал кладбищенский день.
Не год, не два, а долгие года он плыл
в своих космических доспехах
Перед тобою стынет гряда ещё горячих слов и дел.
Трепещет ночи чуткая душа.*

Для поэзии Вышеславского в большей степени характерны так называемые живые («очеловеченные») метафоры (**олицетворения**), т. е. такие, в которых есть элемент антропоцентричности, когда человеческими свойствами наделяются изначально неживые предметы или явления. Таким образом, «живая» метафора одновременно и уводит от реальности, и сближается с самой жизнью.

Вопрос о том, насколько олицетворение соответствует действительному взгляду поэта на вещи, выходит за пределы стилистики и относится к области мирозерцания вообще. Там, где поэт верит сам в одушевленность предмета, им изображаемого, не следовало бы даже говорить об олицетворении как о явлении стиля, так как оно связано тогда не с приемами изображения, а с определенным, анимистическим мирозерцанием и мироощущением. Предмет уже воспринимается как одушевленный и таким и изображается [8, с. 73]:

Реже – существительными в творительном падеже:
Села *голубем* звезда на покосившиеся плечи.
Звездой окна бревенчатая хата передо мной
встаёт из-за угла.

В стихотворениях Леонида Вышеславского одной из ведущих стилистических фигур является **антитеза**. Поэт любил совмещать противопоставленные, контрастирующие между собою понятия в одной строке как средство усиления выразительности:

В такую ветреную пору *удач* людских и *неудач*.
Не год, не два, а долгие года плыл человек
в космических доспехах.
Из края в край всё небо в поздний час
не звёздами сверкает, а *глазами*
людей, туда стремившихся до нас.
Бывает так: *на сердце – лёд*,
и подступает боль зловеще,
а мир вокруг цветёт, поёт, переливается, трепещет.

Немаловажную роль с созданием авторского стиля Вышеславского играет такая стилистическая фигура, как **инверсия**, придающая строкам поэта красочность и глубину смысла. Инверсированное слово на необычном месте приобретает более выразительное значение благодаря интонационному выделению и общей перестановке смысловых акцентов, заостряющей фразу:

Трепещет ночи чуткая душа.
Река такой широкою казалась,
Такой безбрежной чудилась она.
Встают виденья давние, живые,
и я смотрю так пристально на них.
Лучами света в новой роговице врождённая
прошита темнота.

Важным средством создания образности в поэзии Л. Н. Вышеславского является **бессоюзие**, придающее стихам поэта

особую динамичность и насыщенность, ёмкость содержания:

*Пулемёт стрекочет. Острый месяц светит.
Раздольные ночи.*

Черноморский ветер.

Порт Николаев. Город заводской.

Неутомимый мастер корабельный.

Дорога в лужах. Ветер. Тьма глухая.

Колечко. Брошка золотая. Монета. Чара для вина.

Не банка это, а обманка. Виденье. Призрак. Забытье.

Ни звука. Ни огня. Ни ветра. Ни растений.

Стихотворениям поэта свойственна такая стилистическая фигура, как **параллелизм**, благодаря которой проекция порядка слов одного синтаксического отрезка на другой создаёт законченность и развитость единого поэтического образа:

Так и есть! Та же дверь, та же комната,

Тот же старый диван у окна.

Здесь нива не цветёт и птица не поёт,

не блещет летний день, не меркнет день осенний.

Но просторы земли бороздит борона,

но засеяна солнцем степная страна,

но река пересыпана зёрнами света!

Пред ней ничто радар на крыше,

пред ней ничто и слух совы.

Прекрасен лев. Прекрасна львица.

Т. о., анализ творчества Л. Вышеславского показал, что излюбленными тропами его поэзии являются метафоры, не только усиливающие зримость и наглядность изображаемого, но и передающие неповторимость, индивидуальность предметов или явлений, заставляющие работать воображение читателя; олицетворения, оживляющие явления природы и окружающие предметы, наделяющие неживое свойствами живых существ (даром речи, способностью мыслить, чувствовать, переживать, действовать) и новые, неожиданные, необычные художественные сравнения. Среди стили-

стических фигур в поэзии Леонида Вышеславского выделяются антитеза, служащая для усиления выразительности речи благодаря резкому противопоставлению понятий, мыслей, образов; инверсия, придающая поэтическим строкам автора особую стилистическую окрашенность: торжественность и высокое звучание; бессоюзие, придающее стихам стремительность, динамичность, передающее быструю смену картин, впечатлений, действий, и синтаксический параллелизм, способствующий созданию единого образа.

Литература

1. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры / Ф. Р. Анкерсмит. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
2. Вышеславский Л. Н. Николаевская колыбель: стихи о родном городе / Л. Н. Вышеславский. – К. : Гол. спец. ред. літ. мовами націон. меншин України, 2000. – 94 с.
3. Вышеславский Л. Н. Звёздные сонеты / Л. Н. Вышеславский. – М. : Сов. писатель, 1962. – 103 с.
4. Вышеславский Л. Н. Стихотворения / Л. Н. Вышеславский. – М. : Худож. лит., 1974. – 288 с.
5. Кузьменко М. Родной город поэта: к 90-летию со дня рождения Леонида Вышеславского / М. Кузьменко // Слов'янський альманах. – 2004. – № 10. – С. 78–80.
6. Куприянов И. О. Леонид Вышеславский: очерк жизни и творчества / И. Куприянов. – К. : Рад. письменник, 1984. – 199 с.
7. Куприянов И. О. Строки сыновей любви. Николаевская колыбель / И. Куприянов // Николаевская колыбель. – К., 2000. – С. 3–9.
8. Москвин В. П. Тропы и фигуры: параметры общей и частных классификаций / В. П. Москвин // Филологические науки : Научные доклады высшей школы. – 2002, 07. – № 4. – С. 75–85.

Глава V

ЛИТЕРАТУРНАЯ НИКОЛАЕВЩИНА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

5.1 Письма Евгения Замятина из Николаева

Сделана попытка показать Николаев начала XX века, увиденный «глазами писателя» Евгения Замятина, инженера-кораблестроителя, прожившего и проработавшего после высылки из Петербурга в «корабельной столице Украины» полгода.

Евгений Иванович Замятин вошёл в русскую литературу триумфально. Его повесть «Уездное» вызвала большой интерес к личности автора и его творчеству. Если же говорить о месте писателя в мировой литературе XX века, то оно определяется тем, что Замятин является автором первого в истории мировой литературы романа-антиутопии: в романе «Мы», созданном в 1920-м году, русский писатель с огромной, устрашающей читателя, художественной убедительностью показал, чем может закончиться стремление государства регламентировать все жизненные проявления человека, к чему (в нравственном плане) приводит превращение человека в послушного исполнителя Высшей воли, какой «счастливой» будет жизнь человека, из души которого вытравлено всё человеческое. Человека, лишённого способности любить и быть любимым.

Замятин был первым автором, создавшим роман-антиутопию, но позднее этот жанр стал одним из самых распространённых жанров в литературе XX века: жизнь людей в условиях тоталитарных государств подтвердила

окончательный приговор тоталитаризму, внесенный уже в первом произведении этого жанра, созданном русским писателем Евгением Замятиным.

Для понимания писателем Николаева исключительно важным является тот факт, что Замятин пребывал в нашем городе довольно длительное время. Пребывание в Николаеве нашло отражение в «Автобиографии» писателя: «Теперь из Петербурга выслали врачи. Уехал в Николаев, построил там несколько землечерпалок, несколько рассказов и повесть «На Куличках».

Много интересного о жизни Замятина в нашем городе могут рассказать письма писателя к жене, написанные им в Николаеве. Письма Замятина были опубликованы в 1997-м году, и необходимо отметить, что из общего количества опубликованных писем «николаевские» письма составляют весьма значительную часть. Это даёт основания утверждать, что, проживая в Николаеве, Замятин вёл интенсивную переписку с женой. Очень похоже, что переписка эта много значила для Замятина-человека и Замятина-писателя.

В целом можно сказать, что в этих письмах большое внимание уделяется литературным планам писателя, его работе над художественными произведениями. Огромное место занимает также и осмысление писателем своих отношений с женой: Замятин откровенно рассказывает Людмиле Николаевне о своих чувствах к ней, оценивает роль жены и любви к ней в своей жизни. Рассмотрение этих моментов – тема самостоятельного исследования, которое уже начато нами и работа над которым в настоящий момент продолжается. Сейчас же хотелось бы остановиться на том, каким увидел Николаев уроженец российской глубинки («малая родина» Замятина – Лебедянь на Тамбовщине) и петербуржец по образу жизни Евгений Иванович Замятин. Что привлекло его в наших местах, чем они, может быть, стали ему

дороги – и что не нравилось ему в «недурном в общем городке» Николаеве?..

Первое письмо датируется 1-м июля 1913-го года. Оно очень короткое, писатель сообщает о своём прибытии в Николаев и указывает свой здешний адрес: «Николаев... Лондонская гостиница, № 8». Как следует из письма, Замятин «Приехал в Николаев в ½ 7-го утра». Здесь же встречаем замечание о том, что «Гостиница оч. хорошая...».

В следующем письме, от 3-го июля, Замятин даёт беглую характеристику города, в которой выражается его первое впечатление о нём и которую, на наш взгляд, целесообразно привести полностью: «Николаев – в общ(ем) недурной городок. Много зелени на улицах – акации, которые цветут во второй раз. По вечерам – очень оживлён. Недурные магазины, конка, электричество, газетные киоски, итальянская опера, театр миниатюр. За городом недурной лесок или парк».

Нетрудно заметить, что первое впечатление о городе у Замятина было вполне благоприятным. Если же учесть, что к моменту приезда в Николаев он уже сформировался как человек с достаточно высокими культурными запросами, то такая его характеристика Николаева может считаться для города весьма лестной. Очевидно, уровень культурной жизни нашего города в то время был таким, что он позволял удовлетворять культурные запросы Замятина – в первую очередь речь идёт о газетах, журналах, библиотеке, в которую он со временем записался и о которой отзывался очень хорошо.

Весьма любопытна характеристика, как позднее назовёт это Булгаков, «квартирного вопроса», который всегда был для писателя очень важным. Эта проблема приобретала для Замятина особое значение потому, что он рассчитывал на приезд жены и старался приготовить к этому приезду хорошую, комфортабельную квартиру. Однако решение

«квартирного вопроса» было делом нелёгким, потому что большая квартира одинокому человеку была ни к чему, а «маленьких нет». Поэтому писателю приходится поселиться в гостинице, но этот выход из положения трудно назвать оптимальным: «гостиница хорошая, но дорогая тоже».

Беспокоивший писателя «квартирный вопрос» разрешился только в середине месяца, о чём мы читаем в письме от 18-го июля: «Я приобрёл, наконец, оседлость... Нашёл благодетельную старушку, у к(оторо)й можно иметь помещение и стол. И что меня сейчас особенно привлекает – так это то, что можно месяца на два поселиться у неё на даче». Эта «благодетельная старушка» – О. А. Вимут, своё мнение о ней и её «благодетельных» писатель позднее изменит самым решительным образом, а проживание на даче даст Замятину возможность познакомиться с природой юга России, почувствовать её таинственную прелесть. Пока же он сообщает жене свой новый адрес для почтовой корреспонденции: «Николаев, Глазенаповская, 12, ЕВР, О. А. Вимут для меня».

Интересно, что именно пребывание на даче вызывает у Замятина острое чувство одиночества, которое, если судить по письму от 21–22-го июля, весьма заметно перекликается со знаменитым стихотворением И. А. Бунина «Одиночество», в первой строфе которого есть следующие строки:

*Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно.*

Письмо же Замятина к жене начинается так: «Я один – наверху, в трёх комнатах, на даче – один».

Разумеется, в данном случае нельзя говорить о том, что Замятин «использует» стихотворение Бунина для передачи собственных переживаний. Здесь очевидна общность переживаемого лирическим героем стихотворения и писателем чувства, вызванного невозможностью быть вместе с любимой женщиной, хотя, разумеется, причины этого одиночества глубоко индивидуальны для героя Бунина и для писателя.

Чувство одиночества, по-видимому, было для Замятина не случайным, мимолётным, поскольку в последующих письмах ему будет уделено большое внимание. Писатель будет пытаться осмыслить его причины, отыскать истоки своего одиночества в особенностях своего же характера.

В этом же, уже цитированном нами письме, нельзя не обратить внимание на фразу, которая характеризует и самого писателя, и тот нравственный, духовный мир, в котором ему пришлось жить. Сообщая жене о том, что сегодня он ездил обедать к хозяйке, Замятин замечает: «Ну, уж и публика у неё (сегодня обедало 3 посторонних гостей). Два инженера и товарищ прокурора (полезное для меня знакомство!). Черносотенцы – horreur. Только и слышишь – жид, жид, жид... Раз, другой любопытно послушать, – но чтоб часто – не-ет». Вероятно, комментарии к этому фрагменту письма в настоящее время просто излишни...

В письмах Замятина можно заметить одно любопытное противоречие, которое может быть объяснено только особенностями мировосприятия писателя. Противоречие это – между чувством и разумом, между способностью **видеть** и способностью **ощущать**.

Неоднократно отмечает Замятин несомненную красоту и поэтичность окружающего его мира: «Видел – луна сквозь деревья, и деревья кажутся совсем чёрными, и на воде – серебро, и воздух – а я только **вижу** (здесь и далее выделено нами – В. Г.) это, а не **чувствую**». В другом письме читаем: «О, господи – так всё хорошо здесь. И так **мне** всё тошно».

Наверное, для человека, который только **видит** красоту летней ночи, природы, мира в целом – и не ощущает при этом ничего, кроме внутренней неудовлетворённости и чувство собственного несовершенства, эта окружающая красота становится мучительным напоминанием о собственной неспособности преодолеть внутренний разлад, о какой-то, если её можно так назвать, внутренней, духовной

ущербности? Ведь на фоне совершенства мира природы, его гармоничности такие вещи ощущаются особенно болезненно...

Склонность к рефлексии, самоанализу, доходившему иногда до самобичевания, была одной из основных черт личности Замятина, и пребывание в Николаеве, вдали от жены, «обеспечивало» возможность её реализации в поведении, что и находило выражение в письмах. Однако даже самый, казалось бы, далёкий от восторженности человек, живущий по преимуществу рассудком, оказавшись летней ночью в одиночестве на берегу реки, не может не откликнуться на красоту мира, частью которого является он сам: «До чего же очаровательна ночь здесь – вот сейчас. Луна, деревья резные, чёрные – не шелохнутся».

Письма, написанные Замятиным в сентябре, проникнуты ожиданием приезда жены, и это ожидание тревожно, потому что автор писем не уверен, что этот, столь им ожидаемый, приезд может стать реальностью. Нервозность, тревога писателя находят своё выражение и в том, как он относится к обыденным вроде бы вещам, которые только раздражают его. Такое душевное состояние Замятина накладывает свой отпечаток и на его отношение к самому городу, который воспринимается им несколько по-иному, чем раньше: «Пошёл по Соборной (одна из центральных улиц города – В. Г.), зашёл купить новых нот, чтобы **в одиночестве** себя утешить. Пообедал в Лондонской – довольно-таки незамечательно. Вернулся домой. Тоскища такая...».

Письма, которые писались в октябре, с большой полнотой выражают особенность мировосприятия Замятина, характеризующуюся восприятием окружающего сквозь призму своего внутреннего состояния. Мир в восприятии писателя оказывается не таким, каков он есть. Восприятие действительности искажает её, ибо для Замятина она «окрашена» тем душевным состоянием, которое он в данный момент переживает.

В ожидании приезда жены писателем овладевает, как он сам это называет, «состояние буйного помешательства», в другом месте он так оценивает то, что переживает: «буйное сумасшествие прошло, теперь – тихое помешательство...». При этом восприятие Замятиным города, как и в первые дни его пребывания в нём, снова окрашено предвкушением возможности быть вместе с любимым человеком. Поэтому он как бы по-новому, с обострённым чувством, воспринимает достаточно хорошо к этому времени ему знакомые и даже слегка приевшиеся городские виды. Реальное училище, мимо которого он проходит, театр, театральный репертуар – всё это воспринимается им, можно сказать, «одушевлённо», как особого рода подарок, который он с нетерпением готовится вручить любимому человеку. Город становится нужным и интересным писателю потому, что он может «подарить» этот город женщине, которая для него дороже всех людей на свете: «Вот, ходил сейчас гулять мимо Реального училища – и думал: с Милой Николаевной (женой – В. Г.) однажды пойдём сюда ко всеобщей. Как-нибудь нагрешим – и пойдём грехи замаливать. Доходил до театра: там сегодня «премьера» (horreur) Арцыбашевская «Ревность» – вот как **у нас**. Нет, право, репертуар терпимый – и играют иногда прилично».

В момент написания этих слов Замятин уже, можно сказать, «сидел на чемоданах», собираясь уезжать из Николаева, пока, правда, ненадолго, но перспектива его расставания с нашим городом была весьма определённой. Если судить по письмам, то писатель уезжал в родные места: в Елец, возможно, в Лебедянь. А в начале ноября он пишет жене о своём намерении посетить спектакль по пьесе Леонида Андреева «Каинова печать» (письмо от 5-го ноября). Интересно, что Замятин иронизирует над своим «желанием» идти в театр: «веду себя нынче»... В этом же письме он пеняет жене на то, что она, вопреки обещаниям, не приезжает: «10 дней» всё растут».

Последнее письмо Евгения Замятина из Николаева датировано 28-м декабря 1913-го года, и в нём сообщается о том, что «Завтра еду – беспременно». Далее – очень кратко: «Ничего здесь не сделал: лень обуяла страшная». Такое вот «предновогоднее настроение»...

Можно, очевидно, сделать вывод о том, что писатель воспринимал Николаев как достаточно развитой культурный центр, отдавал должное его обустроенности, южной природе, условиям для духовного развития личности, которые в то время существовали в городе.

Вместе с тем, его отношение к городу, местным жителям, окружающей действительности подчинено тем внутренним переживаниям, которые оказывали самое существенное влияние на восприятие Замятиным всего того, что его окружало. Глубокие душевные переживания, напряжённая творческая деятельность, рефлексия, вызванная, как об этом можно судить на основании писем, обострившимися отношениями с женой, – всё это не могло не наложить свой, достаточно негативный, отпечаток на восприятие Замятиным Николаева и николаевцев (которых, разумеется, вовсе не следует идеализировать!..). Поэтому, на наш взгляд, было бы необычайно интересно проследить за тем, как опыт этих нравственных переживаний писателя отразился в его главном произведении, принесшем ему всемирную славу, – в романе «Мы».

Связь эта очевидна, но, нужно повториться, это тема для отдельного обстоятельного исследования.

5.2 Автобиографичность изображения любви в романе Евгения Замятина «Мы»

Роман Е. И. Замятина «Мы» относится к произведениям, значение которых в истории литературы со временем возрастает. Каждое новое поколение читателей открывает в них то, что современники либо не замечали, либо просто не могли увидеть. Объективно это первый роман-антиутопия прошлого века, и последующие авторы антиутопий в той или иной мере учитывали его при создании своих произведений.

Так уж получилось, что роман «Мы» воспринимается читателями и критикой как произведение социальное, в котором с редкой художественной убедительностью показаны бесчеловечность и антиличностная сущность тоталитарного общества.

Однако такое понимание романа Замятина представляется несколько односторонним, так как произведение это, на наш взгляд, является, в первую очередь, романом о любви. О любви и ее судьбе в тоталитарном обществе.

Изображая «общество всеобщего счастья», Замятин показывает и ту цену, которую за это «счастье» приходится платить. Показывая жизнь людей, превращенных в «нумера», писатель находит наиболее убедительные аргументы для подтверждения неестественности казарменного «массового счастья». И оказывается, что именно унификация любви как самого интимного из человеческих чувств, чувства избирательного, зависящего только от самого человека, является самым страшным произволом тоталитарного общества по отношению к личности.

Таким образом, любовь и ее судьба, мотив любви – это организующее начало романа «Мы», и связано это не только с объективным значением этого чувства в жизни человека и общества, но и с тем, что значила любовь в жизни само-

го писателя, какое место занимало это чувство в системе нравственных ценностей Замятина-человека.

В настоящих заметках будет сделана попытка сопоставить изображение любви в романе «Мы» и понимание этого чувства писателем в его собственной жизни. Для этого используется сопоставительный анализ текста романа-антиутопии и писем Замятина к жене, Людмиле Николаевне, которые впервые изданы полностью в 1997 году Российской национальной библиотекой.

Заметим, что, будучи явлением литературы, письма писателя, как никакая другая форма литературной деятельности, выражают и отражают внутренний мир художника, показывая в нем «сокровенного человека», иногда тщательно скрываемого в жизни. Вот почему письма Замятина к жене столь важны для понимания отношения писателя к тому, что принято называть любовью.

Долгие годы Людмила Николаевна была самым близким для Замятина человеком. Не случайно в письмах звучат признания: «...кроме тебя – меня настоящего, непритворного, пожалуй, никто не знает, не видал»; «...вероятно, единственный человек, чью боль я чувствую, как свою, – это ты». Предельная откровенность, глубокие, искренние чувства, честные – иногда до самоистязания – попытки понять себя и свое чувство к самому дорогому на свете человеку – вот что отличает письма А. Замятина к жене и... сближает их с исповедью героя романа «Мы».

Интересен тот факт, что первые читатели романа, люди, хорошо знавшие Замятина, отмечали определенное сходство между автором и его героем: «...был Разумник-Иванов, завтракал, сидел долго. Читал он мой роман, очень ему понравился. Основное его возражение, что Д-503 мыслит так же, как я... слишком современно-импрессионистски и образно». Детальное знакомство с письмами Замятина к жене дает основания продолжить эту мысль и говорить о том, что

герой романа в значительной мере и чувствует так же, как автор. Разумеется, ставить знак равенства между Замятиным и его героем было бы значительным преувеличением, однако не отметить их несомненное сходство, в том числе и в понимании «философии любви», переживаниях, связанных с этим чувством и отношением к любимой женщине, невозможно.

Таким образом, при анализе романа «Мы» и писем Замятина к жене нами будут рассмотрены следующие основные моменты: как понимают автор и его герой сущность любви, как это чувство соотносится с их жизненной позицией, какое выражение находит любовь в их жизни; что значат для них любимые и как они к ним относятся. При этом нами делается попытка проследить за тем, как духовный мир и нравственный опыт Замятина-человека воплотились в его произведении. Особое внимание будет обращено на художественную деталь – основное в поэтике Замятина средство создания художественного образа.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что и автор, и его герой – это люди рассудка, причем именно рассудком проверяется все то, что посылает им жизнь. Однако для Д-503 рассудок – это единственная доступная ему (до появления «души») форма осознания действительности: «Закрывши, глаза, я мечтаю (разрядка наша – В. Г.) формулами...» (Здесь и далее цитируется по изданию: Замятин Е. И. Избранные произведения. Повести, рассказы, сказки, роман, пьесы. – М., 1989). Противоречия между чувством и разумом героем вначале не осознаются, он мучительно пытается понять, что же с ним происходит. Ответ дает ему врач, сообщающий, что все дело в том, что «по-видимому, у вас образовалась душа». Таким образом, любовь, которая, собственно, и привела к «образованию души», изначально воспринимается героем как некая болезнь, разрушающая нормальную жизнь и устоявшийся порядок вещей, причем болезнь

эта, похоже, относится (как это кажется и самому герою) к разряду неизлечимых...

В одном из писем к Людмиле Николаевне, тогда еще даже и не невесте, а «дорогому моему другу», Замятин, находящийся в Лебедяни, проникновенно описывает апрельский дождь, который видится ему торжеством жизни и счастья. После пронзительного по чистоте и глубине переживаний описания он как бы спохватывается: «Ну, а теперь, когда я написал это и прочитал, – мне смешно, мне почти стыдно! Ну скажите мне Вы, смешно ведь это, глупо? Или нет?

Так всегда со мной. Расколотый я человек, расколотый надвое. Одно «я» хочет верить, другое – не позволяет ему, одно – хочет чувствовать, хочет красивого, другое – смеется над ним, показывает на него пальцами... Одно – мягкое, теплое, другое – холодное, острое, беспощадное, как сталь...

И оно побеждает, холодное, оно побеждало всегда – с тех пор, как я стал думать...»

«Расколотость», по-видимому, не исчезала никогда, однако в начале отношений с будущей женой Замятин, находясь под впечатлением новых для него чувств, казалось, преодолевает свою потребность неперменного анализа всего переживаемого, в значительной мере отдаваясь самому чувству: «Странно, потому что ново и совершенно непривычно для меня мое чувство, странно для меня, что я над ним не властен, странно для меня видеть в себе эту искренность...»

Как и для героя романа, для самого Замятина любовь представляется чем-то вроде болезни. Она подразумевает возможность либо излечения, либо летального исхода, и эти судьбоносные варианты одинаково присутствуют в романе и в жизни. Однако здесь позиции автора романа и его героя расходятся.

Из писем Замятина совершенно однозначно следует, что писатель принимал любовь и все то, что она несет с со-

бой, – от всеохватывающего счастья до глубокого горя. Мысль об «исцелении» посредством отказа от самого чувства любви для него неприемлема, какие бы душевные и физические страдания оно ни несло с собой. «Совсем – я уже никогда не буду в состоянии вылечиться от тебя. Разве когда-нибудь на время и немного». Любовь для Замятина, очевидно, представляла собой сильное, большое чувство, захватывающее человека целиком, открывающее ему в нем самом нечто такое, что ранее ему не было известно в себе, но без чего жизнь теряет смысл. Радости и горести любви одинаково дороги автору романа «Мы», поскольку они связаны с любимым человеком. В этом плане весьма показателен фрагмент из письма Замятина от 6 августа 1930 года, когда их отношения с женой перешагнули четвертьвековой юбилей: «По несколько раз в день вспоминаю о Вас и жалею, что Вас здесь нет: гриб в лесу – вот бы Вам сорвать! – цветы – вот бы Вам! Жарюсь на солнце – что я! Вот Вы бы – это так!»

Д-503, как и сам автор романа, также страшится любви-болезни. Чувство, которое он испытывает к I, пугает именно тем, что поглощает его полностью, вызывает неведомые до сих пор желания, уводит в глубины чувственности и растворяет в другом человеке. Не случайно, что именно после такого сближения-самоотречения («Не было розового талона, не было счета, не было Единого Государства, не было меня»), герой, пытаясь понять свое состояние, признается: «В сущности, это была правда: я, конечно, болен. Все это болезнь».

Но отношение героя к любви-болезни не однозначно. Отдаваясь своему чувству, он начинает по-иному – по-человечески – оценивать себя и все то, что с ним происходит. И поэтому наступает момент, когда позиции автора и героя вроде бы становятся полностью схожими: «потому что я знаю, что это (фантазия. – В. Г.) у меня есть – что я бо-

лен. И знаю еще – не хочется выздороветь. Вот не хочется – и все». Однако трагедия героя в том, что в его природе и фантазия, и душа, и любовь существуют, выражаясь словами Д. Оруэлла, в форме «плена атавистических желаний». Строго говоря, это не сами чувства, а скорее, их рудименты, они вызваны к жизни внешними по отношению к герою обстоятельствами, поэтому они не могут до конца мотивировать поведение человека. Исходя из этого и не является неожиданным признание героя в конце романа: «Мне кажется, я всегда ее ненавидел, с самого начала». Действительно, двойственность отношения к любимой женщине была присуща герою изначально. Это роднит его с автором романа, который в одном из писем, рассказывая о периоде ухаживания за будущей женой, передавая свои ощущения от любовной игры, пишет: «Мне хочется делать ей больно, неприятно...» Но если для писателя эти чувства фрагментарны и они впоследствии уступают место глубочайшей благодарности любимой женщине за все то светлое и доброе, что она принесла в его жизнь, то герой романа изначально видит в любимой женщине человека, несущего ему гибель, и это не дает ему возможности до конца отдаться своему чувству. Поэтому и операция по удалению фантазии – а вместе с ней и души – воспринимается Д-503 как некое воплощение его коренных стремлений, возвращение к тому состоянию, которое всего более отвечает его природе.

Интересно, что операция по удалению фантазии, которой «добровольно» подвергаются все «нумера» и которая окончательно примиряет героя с действительностью, имеет применительно к Д-503 еще и особый смысл. Замятин в первых письмах к Людмиле Николаевне, когда их отношения – во всяком случае, если судить по переписке, – были еще не вполне определенными, неоднократно говорит о своей любви, заменяя при этом само слово «любовь» словом... «фантазия»: «Сижу один с своими книгами, с своими...

фантазиями. Мои фантазии? Вы думаете, они пройдут?», «...эти фантазии, эти красивые болезни рассудка...» Можно предположить, что понимание любви как фантазии, уносящей человека в некий абсолютно счастливый мир, – сохранилось у Замятина и в дальнейшем, поэтому, говоря об удалении фантазии у Д-503, писатель еще раз подчеркивает, что цель этой операции в первую очередь – «вырезание» любви, настоящего чувства. А у человека, потерявшего способность любить, отнят последний шанс вырваться из мира «номеров»...

Таким образом, «философия любви» автора романа «Мы» и его героя во многом схожи, однако отношение их ко всему тому, что приносит любовь в их жизнь, различно. Думается, основное отличие заключается в том, что автор, оставаясь человеком, старается сохранить не только само чувство, которое не может не изменяться, но и память о нем; пылкая страсть уступает место ровной и благодарной привязанности к любимому человеку, своего рода служению ему, что, оказывается, тоже может дарить радость. Герой же, попав в жесткие (или, скорее, жестокие) рамки тоталитарного государства, порождением которого он является, испытывая любовью не выдерживает. Его любовь – это побег от власти Единого Государства, поэтому и избавление от этого чужеродного для него чувства осознается Д-503 с облегчением... Возможно, трагизм самой любви героя романа потому и воспринимается читателем столь убедительно, что писатель сообщил этому чувству очень много личного, им выстраданного и осмысленного.

Интересно проследить за тем, как личный опыт Замятина находит отражение в художественных деталях, с помощью которых изображается любовь героя романа. Иногда такие совпадения носят едва ли не буквальный характер, когда, кажется, явление действительности вроде бы почти без изменений «попадает» в художественную ткань романа.

Так, в письме от 14 июня 1909 года Замятин называет Людмилу Николаевну «милый мой ландыш». Запах ландышей, оставленных любимой женщиной, которая сама уже ушла, вызывает в душе писателя нежность и умиление, выливающиеся в гимн любви: «Мой милый, мой любимый ландыш – свежий, только что росую окропленный ландыш, – настоящий ландыш, лесной, пугливый чуть-чуть и боящийся солнца...» В романе «Мы» тоже появляется веточка ландыша, которую приносит Д-503 влюбленная в него О. Однако запах ландыша вызывает раздражение героя, потому что воздействие этого запаха на человека, – на человека, а не «нумера»! – логически объяснить невозможно, а именно так Д-503 пытается объяснить, почему ландыш – это опасно. Когда он утверждает, что «там шпион – это белена, тут шпион – ландыш. Да, ландыш, да!», он не так уж и далек от истины. Потому что в мире «нумеров» любое человеческое чувство, которое не может быть подчинено нормам и проконтролировано, – это подрыв основ государственного устройства, своего рода диверсия. Оригинальная интерпретация жизненных впечатлений писателя позволяет создать очень убедительную художественную деталь, рельефно представляющую внутренний мир героя.

При описании внешности любимой женщины героя Замятин также использует детали, встречающиеся в его письмах к Людмиле Николаевне. Так, автор неоднократно подчеркивает «улыбку-укус» героини, «уголки губ» ее, которые каждый раз вызывают глубокий эмоциональный отклик в душе героя. Письма Замятина дают основания утверждать, что эта деталь писателем не придумана, она в определенной мере взята из собственной жизни и связана с его отношением к Людмиле Николаевне: «Достаточно мне вспомнить ту одну твою улыбку, которой нельзя забыть»; «Живи в улыбках, не опускай уголков твоих чудесных, таких нежно-женских губ... Уголки губ, чуть видные зубки...» Как знать, может

быть, переживая еще раз истоки своего чувства к Людмиле Николаевне, Замятин и задумал создание романа о любви, которая оказалась «съедена» рассудком, а события 1917 года и все, что за ними последовало, только дали «благодатный» материал для воплощения этого замысла?

Последняя гипотеза вызвана опять же обращением к письмам писателя. Как известно, потеря человеком собственного имени, превращение его в «номер» рассматриваются (и совершенно справедливо) как высшая степень произвола тоталитарного государства, как полная унификация человеческой личности. Принято считать, что эта идея «подсказана» Замятину практикой строительства «новой жизни» и идеологами этого строительства. Однако выбор конкретных номеров для «номеров» вряд ли был произвольным. Здесь, вероятно, играли роль некие личностные соображения. Так, любимая женщина героя романа носит «номер» I-330. В письме же Замятина от 19–20 июня 1911 года есть такие строки: «Но, Мирлинька, прости меня, ради Бога: видел сегодня во сне девушку (– «И...?» – «И!») (выделено нами. – В. Г.). Какую-то девушку с луны...» Разумеется, смысловой план этого диалога с женой лежит в значительной степени вне рамок романа, но чисто внешне, похоже, формула уже найдена, остается только подождать, пока «практика социалистического строительства» вызовет ее из глубин памяти...

Хотелось бы остановиться еще на двух моментах содержания романа, которые обнаруживают ярко выраженные параллели с эпистолярным наследием Замятина. Первый момент связан с тем, как Д-503 относится к своей любимой в плане физической близости. Как уже отмечалось, вначале любовь героя, им еще не осознаваемая, вызывает у него в отношении любимой раздражение и едва ли не ненависть. Однако затем эти чувства сменяются безграничной нежностью: «В широко раскрытой чашечке кресла I. Я на полу, об-

нял ее ноги, моя голова у нее на коленях, мы молчим. Тишина, пульс... и так: я – кристалл, я растворяюсь в ней, в I». Это описание едва ли не дословно повторяет строки из письма от 22 июля 1910 года: «Кроме того, если бы вы сидели в кресле – я охотно посидел бы на полу около вас, обнявши ваши милые ноги, и целовал сквозь платье милые колени, клал бы на них голову – с горячими щеками. Больше я ничего не хотел бы (а может быть, и вру?)». Естественно, речь в данном случае не может идти о простом «переписывании», скорее, можно говорить о «вторичном проживании», когда «память сердца» подсказывает автору наиболее убедительные слова, детали и поступки, позволяя еще раз вернуться в неповторимый мир собственных чувств. И таких деталей, восходящих к личным переживаниям Замятина, отражающих его чувства к жене и запечатленных в письмах к ней, деталей вроде бы и чисто внешних, но отражающих глубинные переживания автора и героя, в романе достаточно много. Пожалуй, можно даже сказать о том, что взгляд Д на I – это в значительной мере взгляд самого писателя на Людмилу Николаевну, во всяком случае, тот взгляд, который нашел отражение в письмах к ней.

Второй момент связан с мотивом матери и материнства, его значением в жизни Замятина и Людмилы Николаевны, его ролью в романе. Общих детей у супругов не было, в известной мере – насколько, разумеется, это возможно, – их заменяли кукла Ростислав («Растопырка») и плюшевый Мишка. Однако мотив материнства, детства, отношения к любимой женщине как к матери – один из сквозных в переписке Замятиных. В письме от 29 апреля 1909 года Замятин обращается к жене так: «Моя возлюбленная, мой маленький слабый ребенок, моя дорогая нежная мать». Два года спустя это же в принципе обращение звучит уже несколько по-иному: «Мой ребенок, моя мать, моя возлюбленная. Сейчас я больше всего нуждаюсь в тебе, как в матери...». И наконец,

находясь в Лебедяни, у гроба матери, в ночь с 20 на 21 декабря 1925 года Замятин пишет жене: «Что посоветуете Вы – единственная мать, которая у меня осталась?» Обращение к письмам подтверждает, что в отношениях Замятина и его жены мотив матери и материнства был важным связующим звеном со временем – едва ли не более значительным, чем любовь.

В романе «Мы» мотив матери и материнства также играет чрезвычайно важную роль. Здесь он персонифицирован в образе О, которая, согласно законам Единого Государства, никогда не должна стать матерью, потому что она «...сантиметров на 10 ниже Материнской Нормы». Однако О выступает против самих законов, более того, она оказывается преступницей вдвойне, поскольку, покидая Единое Государство, она уносит в себе новую жизнь, которая зародилась от любимого человека, а не согласно «разнарядке» на «воспроизводство себе подобных»... И, может быть, именно такой поступок О – сохранение новой, освященной любовью жизни, которая войдет в мир не под совершенным присмотром безликих воспитателей типа Ю, а при сиянии и свете материнской любви, – это и есть самое страшное для Единого Государства посягательство на его всемогущество? Ведь мать-то воспитывает не «нумера», для нее каждое дитя – единственное создание в мире, и любовь матери направлена только на ребенка – на это средоточие прошлого, настоящего и обязательно будущего... Ведь не случайно же в один из самых страшных моментов своей жизни Д-503 вспоминает о матери, которой у него никогда не было и не могло быть, и это воспоминание-мечта – одно из самых убедительных доказательств невечности любого Государства – хоть Единого, хоть какого, – если это государство губит человека в человеке.

Таким образом, даже самый общий анализ показывает, что мотив любви в романе «Мы» является мотивом веду-

щим, сюжетообразующим, а отношение к любому персонажу романа определяется его отношением к любви. Сопоставление писем писателя и текста романа дает основания утверждать, что в изображении любви, понимании «философии любви», места этого чувства в жизни человека и общества нашла завершённое воплощение нравственно-эстетическая позиция Замятина-человека, а роман «Мы» – произведение очень личностное, возможно, даже исповедальное, что в герое романа и его отношении к любви очень много от самого писателя.

Разумеется, такой вывод всего лишь подтверждает давно признанную мысль о том, что жизнь и творчество писателя теснейшим образом взаимосвязаны. Нами сделан пока первый шаг: выявлены основные направления, в которых проявляется взаимосвязь между письмами Замятина к жене и его романом «Мы», определены основные точки соприкосновения. Интерпретация выявленного текстуального материала – это тема особого исследования, которое, несомненно, может быть очень продуктивным в плане постижения творческой индивидуальности Евгения Замятина, особенностей его творческой манеры.

Однако и уже освоенный в данной статье материал может быть использован учителем на уроках литературы как при изучении творчества писателя, так и при обсуждении вопросов, выходящих на постижение сути художественного творчества, взаимоотношений фактической основы литературного произведения и ее воплощения в нем, для подтверждения того, что художественное творчество – это всегда создание особого мира художественных образов, в котором даже самый, казалось бы, точно прорисованный факт действительности всегда значит больше, чем простая его констатация. Ибо художественный образ, созданный подлинным художником слова, практически неисчерпаем в возможностях его постижения.

5.3 Границы «Пограничья» (Первая книга стихов Павла Ткача)

Если я правильно понял известного николаевского книгоиздателя Ирину Гудым, издание книги живущего в Киеве николаевского поэта Павла Ткача не входило в её планы? Рассказывая на презентации книги «Границы и пограничники» о том, как эта книга появилась на свет, Ирина Гудым вспомнила: поздно вечером она уже собиралась уходить с работы домой, но получила по электронной почте рукопись. Начала читать... и не остановилась, пока не дочитала до конца. После чего сразу же стала читать заново...

Назвав Павла Ткача живущим в Киеве николаевским поэтом, я сознательно заострил внимание на том, без чего, как он сам признаётся, его поэзия невозможна. На Николаеве в его судьбе и творчестве. Он наш, николаевский, хотя уже лет двадцать живёт в столице.

В Николаеве Павел окончил школу, из Николаева ушёл служить в армию, в Николаев же и вернулся после армии. В Николаеве он окончил филфак тогдашнего пединститута. Мы с ним ровесники, но он поступил учиться в тот год, когда я окончил институт. Благодаря Олегу Афанасьеву мы познакомились. Какое-то время, после моего возвращения из армии, жили в соседних домах. Потом... перестройка, распад СССР, «лихие 90-е», когда он уехал в Киев... Снова мы увиделись на презентации его книги в Научно-педагогической библиотеке.

В своё время Паша давал мне читать свои стихи. Было это больше тридцати лет назад. Стихи были..., ну, скажем так, обычные для молодых людей нашего поколения стихи! Ругаться из-за них мы с автором не ругались, но и точек поэтического соприкосновения было очень мало. Да кто из нас, филфаковских мальчишек, не писал стихов?!

Внешне Павел изменился мало: крупный мужик с большими руками, чуть поседевшая большая лобастая голова...

Но, пожалуй, взгляд, хоть и остался по-прежнему пристальным, стал иным. Зато узнали мы друг друга сразу же. А вот стихи... Это уже совсем другие стихи. Не мальчика, но мужа. Зрелая поэзия зрелого человека. Который, многое узнав в жизни и о жизни, остался в душе мальчишкой, восторженно воспринимающим всё то, что она, жизнь, несёт каждому из нас.

Стихи Павла Ткача – родом из детства. Из Николаева, где он жил, и из Очакова, куда каждое лето он ездил к бабушке. Не в гости ездил, а домой. Это места, где «нет ни радости ни горя только степь и только море», и взрослый уже человек вспоминает об этом рае тогда, когда жизнь становится слишком трудной... Какой бы жестокой ни была иногда жизнь по отношению к человеку, поэт уверен, что в ней намного больше доброты и света, чем зла и подлости. Потому что «время чудотворно лечит раны», и каждому из нас:

*Всё сострадает: суслики и волки,
и жаворонок в небе.
И Господь.*

В книге Павла Ткача нет пограничников в зелёных фуражках, хотя она названа так, как названа. Когда автор размышляет о границах и пограничниках, он, складывается такое впечатление, старается найти грань между явью и вымыслом, между Жизнью, которая становится Творчеством, и Творчеством, которое немислимо без Жизни.

Найденная в далёком детстве немецкая каска не исчезает во времени, а приобретает характер художественного образа – и вот уже мы читаем замечательное стихотворение «Каска Г. Бёлля», в котором степь под Очаковым и мировая культура сплетаются в нечто целое, без чего мир оказывается неполным... И мальчишка, пускающий бумажный кораблик, странным образом соотносится с «маленьким Ноем» из одноимённого стихотворения. Не будем забывать, что тот, кто, как утверждает Священное Писание, сумел по-

строить ковчег и сохранить жизнь на Земле, тоже когда-то был маленьким мальчиком! И за всё это «посильная плата – две горсти черешен», а много ли надо тому, кто живёт будущим?

С возрастом человек начинает по-иному воспринимать не только само детство, но и сам факт детства в собственной жизни. Потому что детские впечатления – самые яркие и глубокие, даже если осмысление их откладывается «на потом» или никогда не наступает... Так тоже бывает в жизни людей.

По счастью, Павел Ткач сумел сделать так, что самые обычные, всем хорошо знакомые детали из прошлого, приобретают эпическое значение. Например, воздушные змеи, которые в нашем детстве запускали чуть ли не в центре Советской, возле Аркасовских львов. Чтобы змей не улетел навсегда, нужна была бечева. Или толстая нитка. Вот и появляется стихотворение «Нитка № 60», начинающееся удивительными строками:

*На нитке № 60 воздушный змей,
собака на цепи,
душа на белом свете.*

Прочитав это, понимаешь, что, в общем-то, наше понимание всего того, что происходит с нами, запрограммировано детством. И мы сами – это повзрослевшие дети. Кое-кто так и не может окончательно смириться с этим, и тогда на помощь приходит Поэзия...

На презентации книги Павла Ткача известный николаевский литературовед Евгений Гордеевич Мирошниченко, который был одним из преподавателей в то время, когда мы учились на филфаке, очень правильно говорил о том, что составившие книгу стихотворения демонстрируют поэтическую зрелость автора. Это правда. Павел Ткач – поэт состоявшийся. И, хочется верить, его первая книга недолго будет его единственной книгой.

5.4 «В толпе себя не замечаю...» (Книга-дебют Геннадия Борисова)

Первая книга стихов для любого автора – это своеобразное рождение. Это уникальная форма представления на суд других людей самого себя. Человека, духовная работа которого материализовалась в книгу, живущую своей жизнью. Сознательно не говорю о рождении поэта или писателя, потому как далеко не всегда появление книги даёт основания для этого. Но, например, в жизни Анны Ахматовой рождение единственного сына и выход первого сборника стихов «Вечер» связаны одной датой...

Первая книга коренного николаевца Геннадия Борисова получилась внушительной, она, скажем прямо, впечатляет. И формой, и содержанием. По форме это почти 350-ти страничная книга, прекрасно изданная издательством «Илион». Иллюстрациями к ней стали работы известного николаевского художника Алексея Маркитана, с которым Геннадия связывают дружеские отношения. Как в искусстве, так и в жизни.

По содержанию же «Малое собрание сочинений» Геннадия Борисова (вот ведь название придумал человек для первой книги!) отражает практически все стороны поэтического и прозаического дарования автора. Здесь и, называю их так, «серьёзные» стихотворения, каковых немало. Здесь и шуточные, иронические тексты, местами – откровенный интеллектуальный стёб, который получается у автора легко и непринуждённо. Особо скажу о стихах и прозе для детей – на мой взгляд, они удаются Геннадию Борисову просто замечательно, а ведь давно известно, что самое трудное в литературе – это писать для детей. Заметно, что в этом «самом трудном» литературном деле автор, да простят мне уважаемые читатели тавтологию, не испытывает никаких трудностей, легко и непринуждённо рассказывая о самых обычных и о самых необычных вещах, которые интересны детям. И не только детям.

У меня складывается впечатление, что лирика Геннадия Борисова – это лирика горожанина, который одновременно ощущает себя частью всего мира. Мира, в котором определяющим звуком для него является негромкий голос природы. Порой едва слышный голос, являющийся для автора камертоном всего того, что происходит во Вселенной. Пейзажные зарисовки Геннадия Борисова точны и глубоки, а парадоксальность мировосприятия сообщает обыденным вроде бы вещам философскую глубину:

*Я ждал луну. От запахов сирени
Свирели голосили хором в тьму.
И дряхлопокосившиеся двери
Скрипели у седых петель в плену.*

Картинка, которая, вероятно, знакома любому – но вот надо же так её увидеть, услышать, прочувствовать, зарифмовать! Вот и получается, что рассказывает нам автор о том, о чём мы как бы и сами знаем, но делает это так, что невольное удивление мне, например, сдержать не удаётся...

Образная система подавляющего большинства стихотворений Геннадия Борисова не может быть названа усложнённой, равно как и простой её назвать не получается. Она, снова нужно это подчеркнуть, отражает мировосприятие автора, для которого состояние его собственной души, переживания, тона и полутона этих переживаний намного важнее всего того, что многие люди всего более ценят в жизни. Нет, автор не старается специально противопоставить духовное материальному, но лично для него приоритет духовного очевиден. Для каждого из своих произведений Геннадий Борисов находит ключевой образ, вокруг него выстраивается образная система, и он задаёт тональность, сообщает эмоциональную направленность переживаний лирического героя.

Если говорить об общекультурных истоках творчества Геннадия Борисова, нельзя не выделить цикл стихотворе-

ний под общим названием «Душа Иисуса Христа», в котором обращение к образу Спасителя носит глубоко личный и одновременно общечеловеческий характер. Казалось бы, что нового, своего можно сказать о Христе, ведь кто только ни обращался к этому вечному образу? Достаточно великого Пастернака вспомнить, его «Стихотворения Юрия Живаго», практически в каждом из которых в той или иной степени присутствует образ Христа... Но уже само название первого стихотворения цикла – «Тридцатилетним» – заставляет задуматься, а утверждение автора, с которого оно начинается, доказывает, что этот человек воспринимает Христа по-своему:

*Ему было бы тридцать четыре,
Если б родился в роскоши.
Если б наутро в постели жрал
Какао со сладкими пирожными.
Если боль людскую послал бы в задницу,
Упиваясь вином и шлюхами.
Когда б не любил родниковой любовью
И младенца, и самого горького пьяницу.*

Читателя не должны обманывать нарочитая грубость и откровенная полемичность этих строк. Во-первых, как мы сами можем в том убедиться, вся история человечества – это по преимуществу ложь, грубость, грязь и кровь. В этой смеси рождались светлые люди, которые оставили нам пример того, насколько важны в жизни каждого человека простые истины, на которых она, жизнь, держится. И насколько страшно их отсутствие... Тот, кто сделал правильный выбор, может рано уйти из жизни, но именно из Жизни! Уйти, а не навсегда «застрять» в полуживотном существовании... Потому-то Христос навсегда остался тридцатитрёхлетним.

...Особый раздел книги – это стихотворения, которые автор назвал «Эра Неоренессанса». Обращение Геннадия Борисова к творчеству и личности Владимира Маяковского представляется мне в чём-то «запрограммированным»:

«большие» люди, которые вынуждены смотреть на мир с высоты своего роста, невольно тянутся к таким же «большим», которые видны им издали... Почти два метра роста – это вам не просто так! Предрасположенность к футуризму, но уже в новых исторических условиях, очевидна, поэтому естественными для Геннадия Борисова становятся самые невероятные поэтические предположения. Например, такие:

*Владимир Ульянов скорей сменил бы пол,
Чем стал бы на танцах играть рок-н-ролл.
Он лучше бы буги играл на «бис»,
Чем добывал российский капитализм.*

В этом же стихотворении автор обращается к Сталину, Брежневу, Михаилу Горбачёву и Леониду Кучме, рассказывая о... вкладе каждого из них в развитие рок-н-ролла! Такие вот эксперименты с формой и содержанием, вполне в футуристическом духе... Для общей характеристики современной поэзии, в которой форма обычно доминирует в ущерб содержанию, поэтические эксперименты Геннадия Борисова весьма интересны и необычны, потому что они-то как раз и отличаются единством формы и содержания.

Как уже писал выше, наиболее удачным разделом книги мне представляются стихи и проза Геннадия Борисова, созданные им для детей. «В стране Билибии» – так называется этот раздел, и название страны выдуманно автором специально для детей. Почему именно Билибия? Да просто потому, полагает автор, что в детстве мы наиболее близки к Богу... Искромётный юмора автора, виртуозное владение формой, умение найти «детскую» интонацию для рассказа о сложных вещах, неожиданные повороты сюжета – вот далеко не полный перечень главных достоинств стихотворений для детей.

Как выяснилось на презентации книги, ранее Геннадий издавал известную в Корабельном районе Николаева (где он проживает) газету для детей, которая так и называлась:

«В стране Билибии». В этой газете он рассказывал детям о вещах, о которых обычно взрослые не очень охотно вспоминают, но ведь детям так интересно всё! «Рассказики про животных», «Стал большим-большим», «О чём умалчивают взрослые?» – в каждом из этих подразделов есть много интересного для подрастающих человечков, причём самое главное заключается в том, что рассказано это на ИХ языке! И рассказы о профессиях, и рассказы о животных, и рассказы о ...мёде, в котором Геннадий Борисов прекрасно разбирается, увлекают не только детей. Вот одно из стихотворений, которое называется «Про сны»:

*Это вовсе не игрушки:
На подушках спят макушки,
Носики и ушки.
Щёчки, глазки, ручки...
Снятся плечикам зонты,
Зубкам – с розочкой торты.
Пяткам – травка и лужок.
Попкам – папин ремешок.*

Завершается книга поэтической пьесой, созданной по мотивам истории Манон Леско и кавалера де Грие. Это не просто пересказ того, о чём некогда поведал миру аббат Прево, это поэтическая интерпретация одной из самых известных историй любви. И рассказывает о ней наш современник, который одновременно живёт в как минимум двух мирах, воспринимаемых им в гармонии и единстве.

...Первая книга Геннадия Борисова представляет николаевцам самобытного автора, который знает, что он хочет сказать читателю, и умеет это сделать таким образом, чтобы читателю было интересно его слушать. Уверен, что она будет интересна читателям. Уверен также и в том, что автор, по-настоящему творческая личность, будет продолжать писать стихи и прозу.

Будет создавать произведения, не заметить которые читатель не сможет.

5.5 Когда слово объединяет (Украиноязычные переводы новелл Ильи Старикова)

Николаевцам, студентам (и не только студентам), читателям газет и Internet, хорошо известно творчество профессора Николаевского национального университета имени В. А. Сухомлинского Ильи Моисеевича Старикова. Известный не только в нашем городе учёный-психолог, он является одним из немногих авторов, кто одинаково «достоверно» пишет, так сказать, и «по специальности» (книги профессора Старикова студенты и практические психологи приобретают с большим удовольствием, сам неоднократно слышал восторженные отзывы о его работах), и «для души».

Практически не сомневаюсь в том, что и специальные работы профессора тоже пишутся им «для души» и написаны от души, иначе они не были бы так востребованы специалистами. Но художественная и документально-художественная проза учёного – это уж точно: для Души.

Благодаря николаевским газетам, местным издателям и всепроникающему монстру под названием Internet произведения Ильи Моисеевича в последнее десятилетия стали одними из наиболее важных явлений литературной жизни нашего города. Недаром его книги были отмечены в числе лучших на традиционных ежегодных форумах николаевских книгоиздателей. Но вот последняя книга уважаемого автора, которую он недавно презентовал мне, уже своим названием ошарашила-озадачила. Ибо называется этот прекрасно изданный и отлично иллюстрированный том «Птахи злітаються на свято»...

Будучи русскоязычным человеком, свои литературные произведения Илья Моисеевич пишет на родном для него языке, который прекрасно знает и любит, отчего и умеет

использовать во всём его богатстве. Язык его произведений точен и выразителен, созданные им художественные образы убедительны и психологически достоверны во многом благодаря высочайшей языковой культуре автора. И вдруг – украинский язык, да ещё книга на украинском языке!

Нет, поймите меня правильно: написать на украинском языке научную статью, конспект лекции, пособие или даже монографию я и сам могу. Случалось. Но чтобы русскоязычный писатель, немолодой уже человек, стал писать на украинском языке?..

Дабы уважаемый читатель долго не ломал голову, сразу же сообщу, что новая книга Ильи Моисеевича представляет собой сборник новелл, которые хорошо известны нам, читателям и почитателям профессора Старикова. Но произведения эти, давно и недавно опубликованные, были переведены на украинский язык Дмитрием Креминым и Александром Кузьменко. После чего переводы прошли через руки литературного редактора Семёна Тупайло, одного из самых тонких и глубоких знатоков украинского языка в Николаеве и его окрестностях. И только после всего этого «обукраинивания» книга была издана. В... русскоязычном Донецке, в издательстве «Каштан»!

Такая вот история у этой книги. Любая книга талантливого человека необычна, но эта необычна вдвойне. Потому что перевод литературного произведения – это всегда взаимодействие двух культур, к которым принадлежат текст оригинала и переводной текст. Соответственно, и следствием этого взаимодействия становятся неизбежные потери и обретения.

В прошлом, когда советская школа литературного перевода считалась одной из лучших в мире благодаря таким титанам Слова, как Маршак, Ахматова, Пастернак, Микола Лукаш, благодаря множеству других талантливых писателей-переводчиков, обретений было значительно больше,

нежели потерь. Сейчас же, когда «порвалась связь времён», когда почти всем в мире литературы и культуры правят деньги, приходится всё чаще и чаще говорить о потерях. Иногда – о потерях невосполнимых.

К счастью, творчество Ильи Старикова нашло СВОИХ переводчиков. Или, возможно, это переводчики нашли СВОЕГО автора? Для нас, читателей, это не так важно. Важно другое: один из классиков современной украинской поэзии, наш земляк Дмитрий Креминь и житель города Торез Донецкой области, учитель, поэт и прозаик Александр Кузьменко помогли нам понять, что Слово – если оно исходит от сердца – объединяет и авторов, и читателей!

Даже если это очень разные авторы, пишущие на разных языках.

И разные читатели, каждый из которых с большим уважением относится к родной для него культуре и поэтому с не меньшим уважением – к культуре, представленной произведениями, созданными на других языках.

О Кремине-переводчике можно рассказывать долго, потому что переводит он давно и успешно. Его переводы с русского языка, переводы с других языков отличаются тонким проникновением в «творческую мастерскую» переводимого автора, пониманием его творческой индивидуальности и умением найти точные слова для воплощения этого понимания. Вот почему лично для меня не было удивительным, что именно Креминь перевёл новеллу Ильи Старикова о Васыле Стусе, причём этот авторизированный перевод приобрёл ещё больший трагизм – и одновременно стал настоящей Поэзией! Поэт всегда чувствует и понимает другого поэта, даже если о них пишет прозаик. В прозе которого тоже очень сильно выражено поэтическое начало.

Александра Кузьменко и Илью Старикова связывают долгие десятилетия настоящей человеческой и творческой дружбы, которая, как и подобает всему настоящему, под-

линному, выдержала испытания и временем, и обстоятельствами.

Талантливейший учитель украинского языка и литературы, который, творчески развивая идеи великого педагога-гуманиста Василия Александровича Сухомлинского, очень давно, когда об этом никто и не задумывался, объединял в своих уроках литературу и музыку, Александр Кузьменко руководил литературной студией, в которой учился некогда влюблённый в литературу мальчик Володя Гальцов.

Повзрослев и «дойдя до степеней известных», генерал-полковник, Государственный советник юстиции I класса Владимир Иванович Гальцов, бывший не так давно прокурором Николаевской области, по-прежнему не мыслит своей жизни без литературы. Взрослый, серьёзный человек, можно сказать, государственный деятель, он остаётся благодарным учеником... Который по-прежнему уважает и любит своего школьного учителя. Поэтому он – как умеет – помогает этому мужественному человеку, которого тяжёлый недуг давно уже приковал к инвалидной коляске.

На мой взгляд, интервью профессора Старикова с прокурором Гальцовым можно считать одним из самых важных фрагментов этой книги. Хотя мудрый Александр Кузьменко сразу же предупреждает читателя: «этот рассказ, возможно, и не имеет исторической ценности». Но мы-то понимаем, что его появление не может быть продиктовано только «меркантильным интересом» или необходимостью «создать позитивный имидж» прокурорского работника в высоких чинах! В нём «удачно и неожиданно объединены судьбы трёх, разных по характеру и социальному статусу, мужчин: автора эссе, переводчика и спонсора, благодаря которому и вышла из печати эта необычная книга». Сдаётся мне, что переводчик лукавит, потому как «спонсорство» в нынешнем его понимании всего меньше озабочено поддержкой духовности, тут забота «о себе, любимых», на первом месте.

Об обретениях и потерях переводов новелл Ильи Старикова на украинский язык хочется сказать на примере произведений, посвящённых выдающимся деятелям украинской литературы и культуры. Частично эта тема уже была затронута, когда вспоминался перевод Дмитрием Креминым новеллы о Стусе. Возьмём переводы новелл о Тарасе Шевченко, Лесе Украинке, Ольге Кобылянской, Владимире Короленко, которого тоже можно и нужно считать украинским писателем. Складывается впечатление, что в этих произведениях, написанных на русском языке, автором (сознательно или бессознательно – это уже не так важно) был заложен некий скрытый, но отчётливо выраженный, назовём это так, «украинский потенциал», который и проявился в переводах! Возможно, причина этого кроется в глубочайшем проникновении психолога Старикова в душу людей, о которых он пишет и которые становятся героями его произведений? Не берусь судить. Но почему-то именно эти новеллы в украинских переводах «заиграли новыми красками»...

Если же говорить о потерях... На мой субъективный взгляд, переводить стихотворения русских поэтов на украинский язык, как и украинских поэтов на русский, не следует. Вообще – не следует. Слишком уж родственными являются эти языки, слишком глубокие оттенки значений слов создают поэтическую ткань стихотворения.

Кстати, это прекрасно понимает и сам Александр Кузьменко! Вот только рассматривает сложившуюся ситуацию исключительно под углом зрения «выхолощения и уничтожения украинского привкуса, того, что зовётся изюминкой слова, его ароматом» в переводах. Тема для спора? Переписка переводчика и автора, размещённая в конце книги, доказывает, что полемика может и должна быть, но – опять же – Слово объединяет. Поэтому события новейшей украинской истории, которые автор и переводчик воспринимают

совершенно по-разному, их точки зрения диаметрально противоположны, не становятся для мудрых людей яблоком раздора – ибо за каждым из них стоит боль за свою страну, за свой народ, тревога за будущее детей и взрослых этой страны.

В самом начале книги Илья Моисеевич убедительно доказывает, что писатель способен рассказать о герое всё, если поймёт его человеческую сущность. Исторические деятели, о которых пишет Стариков, предстают иногда в необычном ракурсе, читатель даже заявляет, что «этого не может быть». Учёный-психолог приводит факты, подтверждающие, что художественные детали его новелл – не вымысел, а психологическая реконструкция характеров. Чрезвычайно, должен заметить, убедительная «реконструкция».

Социальный психолог Стариков исследует самые острые проблемы современности как писатель. И этот научно-художественный анализ действительности и человека в этой действительности помогает читателю понять себя и других людей, становится иногда особого рода откровением – в первую очередь при понимании себя самого. Одна из общественных функций литературы заключается в том, что она является особой формой сохранения и передачи нравственного опыта человечества, поэтому обращение автора к гениям разных эпох и народов помогает расставить приоритеты в нравственных ориентирах нашей жизни.

...Подводя итоги, хочу высказать следующее убеждение: новая книга профессора Ильи Моисеевича Старикова – заметное явление в культурной жизни Николаева и, не побоюсь этого, всей Украины. Потому что мудрый и талантливый автор, талантливые переводчики и литературный редактор делом доказали: Слово, идущее от сердца, объединяет!

5.6 Последний из Львов... (К юбилею Д. Кременя)

По гороскопу он, родившийся 21-го августа, Лев. Последний Лев в году, после чего наступает время Девы. Но он – Лев!

Не обижая никого из современных украинских поэтов, возьму на себя смелость утверждать, что – как это ни печально для украинской литературы – он последний из Львов классической украинской поэзии...

Для себя я давным-давно решил так: если когда-нибудь у меня появится возможность рассказать об одном из самых уважаемых в мире современных украинских поэтов, лауреате Государственной премии Украины имени Тараса Шевченко Дмитрии Кремине, я сделаю это на русском языке. Очень хочется рассказать не о Кремине-поэте, а о необыкновенном человеке, которого весь Николаев зовёт Дмытром Дмытровычем. О человеке, который, будучи уроженцем Закарпатья, большую часть своей жизни прожил на Николаевщине.

Возникает вопрос: почему рассказывать о Кремине хочется на русском языке? Ведь Дмитрий Креминь известен как тонкий знаток украинского Слова? Как поэт, творчество которого является весомым вкладом в сокровищницу украинского языка? Кроме того, в жизни он практически всегда говорит на украинском языке. И так, заметьте себе это, было во все времена. Во всяком случае, знакомы мы с ним больше тридцати пяти лет, и все эти годы Креминь для меня и моих земляков остаётся настоящим апостолом украинского Слова в нашем «русскоязычном», как принято говорить, крае...

Почему? Да просто так получилось, что с возрастом, а также в связи с новыми условиями «языковой жизни» в Украине, у меня появился своеобразный «тест», с помощью которого – хотите верьте, хотите нет – всегда удаётся очень точно определить «подлинность» человека. Его человеческую сущность.

Немного личного. С консультантом моей докторской диссертации, замечательным учёным и человеком огромной души, академиком Нилой Иосифовной Волошиной мы всю жизнь говорили, если можно так выразиться, «на двух языках»: она говорила по-украински, я по-русски. Началось такое «двуязычие» в 1992-м году, во время нашего знакомства, и продолжалось до кончины Нилы Иосифовны в 2010-м... Однако оно не мешало нам, смею на это надеяться, прекрасно понимать друг друга. За удивительное понимание, за душевность я всегда был и буду благодарен Ниле Иосифовне.

Точно так же всю жизнь получается и с не менее уважаемым мной ДД (так мы, студенты филфака, называли между собой молодого преподавателя Креминя): он всегда говорит по-украински, я – практически всегда по-русски. Но, несмотря на это, друг друга мы очень хорошо понимали и понимаем.

Язык обмануть невозможно: человек, который по-настоящему любит и ценит родной язык, с большим уважением относится к другим языкам и людям, которые на них говорят. Потому что он душой понимает, что именно значат эти языки для тех, с кем он общается...

Помню, что в нашем, считавшемся провинциальным, Николаевском пединституте имени В. Г. Белинского преподаватель кафедры украинской литературы Дмитрий Дмитриевич Креминь появился как-то неожиданно... Появления его мы не заметили, зато сам он сразу стал заметной фигурой на факультете, в институте, в Николаеве.

Невысокого роста, в хорошо отутюженном тёмном костюме, белой рубашке и галстукe, тонкий и изящный, с огромными горящими глазами и... великанскими чёрными усищами, этот молодой человек не ходил, а буквально носился, летал по тесным и низким для него институтским коридорам! Таких преподавателей мы до сих пор не видели... Как и не видели до появления Креминя людей, которые были бы столь беззаветно влюблены в Поэзию. В Слово.

Полагаю, стоит напомнить нынешнему поколению читателей: конец семидесятых годов прошлого века был не самым лучшим и благоприятным для украинского Слова временем. Можно долго рассказывать об украинских поэтах, писателях, критиках, которые в это время оказались в трагической для многих «ситуации выбора». Каждый делал свой выбор, и не всегда этот выбор был в пользу украинского Слова...

И многие из тех «словотворителей» (ну не писателями же их называть!), которые сейчас преуспевают как политики, которые бьют себя коленками в грудь, доказывая свой «патриотизм», в то далёкое время думали не о судьбе украинского Слова, а о себе, любимых. О своей судьбе. О своей «карьере». Они, будучи людьми худо-бедно образованными, неглупыми и не совсем уж бесталанными, всё понимали, однако... Прямо как в стихотворении «Карьера» Евгения Евтушенко:

*Учёный, сверстник Галилея,
Был Галилея не глупее.
Он знал, что вертится Земля,
Но у него была семья...
И он, садясь с женой в карету,
Верша предательство своё,
Считал, что делает карьеру.
А между тем – губил её.*

Дмитрий Креминь же, настоящий украинский поэт, молодой тогда человек, каретой не обзавёлся и не делал карьеру. Он писал стихи. И очень быстро сумел сделать так, что многие из студентов увлеклись «стихотворчеством» (назвать наши опусы «поэзией» было бы преувеличением...) Поэтическая студия, которой руководил Креминь, сначала стала известна в институте, а потом и в городе.

Вспоминается, как мы, студенты второго курса, принимали участие в каком-то областном семинаре молодых поэтов, посвящённом очередной годовщине со дня не то основания, не то какого-то подвига ВЛКСМ... Сам, по сути, ещё

мальчишка, только что переехавший из Казанки в Николаев, ещё чужой для большинства местных «мэтров» от литературы, ДД, который в свои 26 был в СП СССР, с открытым забралом бросался в бой, защищая нас, студийцев, от несправедливых – по его мнению – нападок «идеологически правильно мыслящих» старших товарищей. Для всех нас это был Урок: жизни, Поэзии, добра, гуманизма.

Урок, который запомнился на всю жизнь.

К сожалению, довольно быстро, и причины этого были нам тогда неизвестны, ДД ушёл из пединститута, после чего стал работать в областной молодёжной газете, которая называлась «Ленинское племя». Кем он там трудился, что делал – не знаю. Но областная литературная студия «Джерела» при газете организовалась быстро. И мы, уже студенты-старшекурсники, учившиеся во вторую смену, приходили к нему на занятия.

Замечательное было время! Энтузиазм руководителя передавался нам, поэтические споры были жаркими, но все мы были одной семьёй. Благодаря, конечно, ДД, его Личности.

В этой же газете ДД при первой возможности печатал и наши стихотворные опусы. А также очерки, заметки... Помню, все очень смеялись, когда я, проведя в селе Кринички вечер памяти Владимира Высоцкого, написал об этом событии заметку, а ДД её опубликовал. Машинки у меня тогда не было, написал от руки, почерк у меня – «как курка лапой»... Поэтому фамилии тех, кто помогал мне проводить вечер, были страшно искажены. По-доброму смеялся и Витя Аксёнов, ставший Акаловым...

Жарким николаевским летом встретил я довольного и счастливого ДД в приказавшем в годы независимости долго жить книжном магазине «Молодая гвардия» на Советской, центральной улице Николаева. Только что в Киеве вышла его новая книга «Південне сяйво», и автор радостно подписал мне эту небольшую, но очень «густую», если говорить о Поэзии, книжку, совершенно незаслуженно подписав: «поэту»...

Нельзя не вспомнить, как однажды мы, николаевцы, очень волновались, когда решался вопрос о присуждении Шевченковской премии в области литературы. Происходило это в 1999 году, когда на соискание главной литературной премии страны была выдвинута книга ДД «Пектораль». Конец «лихих девяностых», страна буквально «лежит» после печально знаменитого «чёрного вторника», зарплаты не выплачивают, в стране и в мире жесточайший экономический кризис... Нелишне также напомнить, что «Пектораль» была издана в Николаеве мизерным тиражом 600 экземпляров, тогда как «конкуренты» у нашего земляка были ого-го! Надеялись, верили – и дождались! Случился огромный праздник на нашей, николаевской улице. И подарил нам этот праздник поэт Дмитрий Креминь.

К слову сказать, для меня лично это событие было памятным ещё и потому, что в этом же году, вместе с ДД, премии в области литературоведения был удостоен ещё один рыцарь украинского Слова. Дмитрий Сергеевич Наливайко – академик-филолог, бывший первым оппонентом при защите мной кандидатской диссертации...

Как ни старался, но не смог обнаружить особых отличий между, так сказать, Креминем до-премии и после-премии. Каким он был, таким и остался. Как человек. Конечно, официальное признание не бывает лишним для поэта, но оно ничего не меняет в Поэте. Креминь не «забронзовел», и его отношение к поэзии, людям, Николаеву ничуть не изменилось.

Любопытно, что лет через шесть после выхода «Пекторали» обнаружил: эта книга у меня... без автографа автора... Отправился в редакцию областной газеты «Рідне Прибужжя», где заместитель главного редактора с видимым удовольствием написал на титульном листе книги, ставшей к тому времени библиографической редкостью, искренне тёплые слова...

Личность каждого по-настоящему творческого человека неповторима, но такие люди всегда тянутся друг к другу. Дмитрий Креминь дружит с людьми, которых можно – без преувеличений и натяжек – отнести к культурной и интеллектуальной элите нашей страны. Недавно ушедший из жизни Народный художник Украины, Шевченковский лауреат Андрей Антонюк известен далеко за пределами Украины, его выставки, в последнее время посвященные его другу-земляку Н. Винграновскому, становятся событием в культурной жизни страны и мира. Но для Креминя Антонюк был и остаётся прежде всего другом, соратником по искусству, их совместная книга «Лампада над Синюхою» (стихотворения ДД и картины Андрея Даниловича) на международных форумах книгоиздателей получила немало знаков отличия.

Креминь много и талантливо переводит. В этом году, во время празднования Всемирного Дня поэзии, я с удивлением узнал, что один из последних опальных президентов Чеченской республики Зелимхан Яндарбиев был известным поэтом, стихи которого его друг, украинский поэт Дмитрий Креминь, переводил на свой родной язык... Кстати, о Кремине-переводчике пишут мало, однако благодаря ему по-украински заговорили Гете, Гейне, Рильке, Галчиньски, Есенин, Пастернак, Вознесенский, Евтушенко, Мандельштам, Кублановский, а недавно отдельными книгами вышли его переводы словацких поэтов: Костры, Фелдека, Лукача. Может, потому, что его Слово действительно безгранично, в контексте международной программы НСПУ «Слово без кордонів» опубликована книга-трилингва (совместно с В. Пучковым): стихи ДД в оригинале, на русском и английском языках.

Со временем ко мне пришло понимание, что о стихотворениях Дмитрия Дмитриевича Креминя следует писать как о явлении литературы и общественной жизни, без которых и литература, и общественная жизнь нашей страны не мо-

гут считаться полноценными. Одно из таких стихотворений, как мне представляется, должно занять достойное место в школьной программе по украинской литературе. Написанное в 1992-м году, оно воспринимается сейчас как трагическое пророчество-предостережение. Которое, к несчастью для Украины и её народа, оправдалось в нашей жизни:

*Гадяцький полковник, а чи з Умані
Сотник – то історія сама.
Літописи наші непридумані,
Але інших – Господи! – нема.
І не в нас П'ємонти і Вермонти.
Захлиснула нас кривава твань
Од часів Залізняка і Гонти,
Од часів лихих четвертувань.
Меншиков. Батурин. Чорні жерла
Тих гармат, що п'яні без вина...
І співати мало: «Ще не вмерла...»
І радіти мало, що не вмерла.
Треба жити, щоб жила – вона.*

Для того, чтобы как можно больше людей узнали это замечательное стихотворение, я написал специальную статью [1]. Стараюсь сделать так, чтобы об этом произведении поэта-патриота узнали в «дальнем зарубежье», в Германии и Польше. Статьи подготовлены, они должны быть скоро напечатаны.

21-го августа Дмитрию Креминю – 60 лет. Долгий жизненный путь, многое сделано и многое ещё, уверен в этом, будет сделано. Этот мудрец с по-детски чистым восприятием мира своим «портом приписки» называет Николаев, чему мы, его земляки, очень рады.

Но Креминь-поэт – это человек Мира. И творчество его относится в подлинным вершинам Поэзии.

Литература

1. Гладишев В. В. «Треба жити, щоб жила – вона...» // Методичні діалоги. – 2011. – № 9–10. – С. 37–43.

5.7 «Треба жити, щоб жила – вона...» (Видатний вірш Д. Кременя)

Пригадую, що початок березня 1999-го року був для мене емоційно піднесеним, якщо не казати святковим. Причиною цього виявилася хоча й знаменна, але офіційна щорічна подія: до дня народження Кобзаря назвали імена Шевченківських лауреатів у галузях літератури й літературознавства. Чому тоді я ледь не святкував цю подію? Удостоєним Державної премії України імені Тараса Шевченка за наукове монографічне дослідження «Очима Заходу. Україна в рецепції Західної Європи XI–XVIII ст.» став видатний український літературознавець Дмитро Наливайко [2], за збірку поезій «Пектораль», видану в Миколаєві накладом 600 примірників, – видатний український поет Дмитро Кремень [1]. Так склалася доля, що Д. С. Наливайко був першим офіційним опонентом під час захисту моєї кандидатської дисертації, а Д. Д. Кремень викладав українську літературу в Миколаївському педагогічному інституті за часів мого навчання. І не лише викладав українську літературу. Збіг обставин? Життя. Адже в житті буває таке, що вигадати неможливо.

Постать Дмитра Кременя в сучасній українській літературі є досить поважною. Немає сенсу подавати посилання на численні джерела, тому що миколаївський поет давно вже сприймається як людина, творчість якої презентує сучасну українську літературу в світі. Але я пам'ятаю його ще молодим, струнким, дотепним, вишукано ввічливим до студентів викладачем. Пам'ятаю також його і як керівника літературної студії «Джерела», що існувала при обласній молодіжці десь на початку 1980-х: палаючі очі на півобличчя, велетенські вуса, бурхливий голос, захоплення від обговорення віршів... Нетривалий час поет викладав у нас українську літературу, але запам'ятався, можна так сказати, наза-

вжди. Тому всеукраїнське визнання його як поета, удостоєного Державної премії, було для нас, його вихованців, непересічною подією. Хоча на той час ми, хто залишився в «лихі дев'яності» в освіті, вже самі давно стали шанованими серед учнів учителями.

Поетична творчість Дмитра Кременя завжди приваблювала тим, що він міг, розповідаючи про звичайні речі, відкрити щось несподіване. Як на перший погляд – легко, невимушено, іноді, складалося таке враження, наївно – але це був саме той погляд на життя, про який говорить Біблія.

Мабуть, справжній поет відрізняється від інших якраз тим, що не завжди усвідомлює те, про що розповідає, але завжди чує і хвилюється, адже його образне мислення інколи захоплює настільки, що складається відчуття про наявність цілком органічного паралельного світу, створеного автором. Дивосвіт Дмитра Кременя – щира та відверта розповідь про себе, але вона дивним чином відкриває для читача його власну душу, якщо, звичайно, читач прагне зрозуміти поезії цього дивовижного митця.

Серед багатьох чудових віршів зі збірки «Пектораль» для мене завжди найголовнішим був невеличкий вірш без назви, в якому, на мій погляд, Кремень постає ще і як історик, громадянин, тонкий лірик. Як постать, для якої доля рідної країни – це її доля, пам'ять, історія, біль:

*Гадяцький полковник, а чи з Умані
Сотник – то історія сама.
Літописи наші непридумані,
Але інших – Господи! – нема.*

*І не в нас П'ємонти і Вермонти.
Захлинула нас кривава твань
Од часів Залізняка і Гонти,
Од часів лихих четвертувань.*

*Меншиков. Батурын. Чорні жерла
Тих гармат, що п'яні без вина...*

*І співати мало: «Ще не вмерла...»
І радіти мало, що не вмерла.*

Треба жити, щоб жила – вона... [1, с. 91].

Коли я готував цю статтю, зателефонував Дмитрові Дмитровичу, щоб дізнатися, коли було написано вірш, оскільки згадувалося мені, що бачив його в одній із місцевих газет десь на початку дев'яностих. Автор відповів, що вірш написано на початку 1992-го року, але за певних обставин надруковано дещо пізніше.

Отже, розглядаючи його текст, маємо унікальну можливість зрозуміти, як «живуть» ці поетичні рядки протягом майже усієї історії незалежної України. Що змінилося за ці роки, чи виправдалося своєрідне поетичне «пророцтво» людини, яка, за будь-яких умов, завжди залишалася українським патріотом? Насамперед – патріотом рідної мови, історії, поетичних традицій. Для мене особисто українська мова мого шкільного вчителя української літератури Іллі Єрофєєва та Дмитра Кременія завжди була взірцевою. На моє переконання, поет володіє мовою всеохоплююче – від давнини до майбутнього. Власно кажучи, так воно й є, тому що поетична творчість Дмитра Кременія – це його неповторний внесок і в розвиток української літературної мови.

Нині, безумовно, зовсім нескладно дізнатися, про якого такого «гадяцького полковника» йдеться у вірші Дмитра Кременія. Для цього достатньо лише набрати це словосполучення в Internet... «Григорій Грабянка, що написав «Козацький літопис» [3] – ось одне з численних посилань. Так само легко дізнатися про «сотника з Умані» Івана Гонту, про Максима Залізняка, трагічної долі людину, що очолювала Коліївщину... Тож сучасний читач, людина, вихована за часів незалежності, добре орієнтується в історії України, в історичній основі образної системи вірша. Тому будь-хто зараз може зрозуміти, що автор свідомо звертається до найбільш

суперечливих і важливих (якщо оцінювати їхню діяльність з погляду набуття Україною незалежності) героїв української історії.

Але тоді, коли було вперше надруковано цей вірш, навіть добре підготовленому читачеві потрібно було докласти багато зусиль, щоб зрозуміти справжнє історичне підґрунтя цього невеличкого твору. Дмитро Кремінь розповідає про історичні постаті, оцінка діяльності яких історичною наукою на той час була, скажімо так, помітно відмінною від самої діяльності. Але ж для ліричного героя твору саме ці історичні постаті постають уособленням трагічної історії його країни! Образна система вірша спирається саме на ці поста-ті, що задає трагедійне звучання роздумам ліричного героя про єдність минулого й майбутнього його батьківщини.

Ліричний герой наполягає на тому, що історія його народу – справжня, невигадана історія. «Літописи наші не придумані», – ось це визнання, і не випадково він звертається до Господа, коли стверджує про невигаданість історії власного народу. Таке звернення – це християнське світовідчуття. Йдеться про визнання того, що доля окремої людини, як і народу, – це воля Творця, яку не можна «оскаржувати», а потрібно відчутти, осмислити, виконати. Потрібно дякувати Богам, оскільки важкі випробування дають і людині, і наро-дові можливість прозирнути у сенс життя, знайти свій шлях і своє місце у Всесвіті.

Водночас поява вже в першій строфі трагічних постатей української історії, діяльність яких пов'язана з трагічними, але доленосними історичними подіями, налаштовує читача на серйозну розмову про найбільш важливі, визначальні для кожного народу речі. Перш за все – на розмову про не-обхідність, обов'язковість самовідданої боротьби за свободу батьківщини, народу, кожної людини.

«Історія сама», на думку ліричного героя, складається з багатьох історій багатьох людей, кожен з яких міг або зро-

бити все, що було в його силах, для звільнення свого народу, або відмовитися від цього шляху – і тоді своєю бездіяльністю, цим власним самоприниженням, сприяв приниженню власного народу.

Тож, перша строфа вірша вимальовує постать ліричного героя як справжнього патріота, християнське світосприйняття якого не заважає йому бути критично налаштованим до історії власного народу, виділити історичні постаті, які, на його думку, найбільш повно, всебічно висвітлюють питання справжнього патріотизму. Можна припустити, що саме ці діячі для ліричного героя постають моральними авторитетами, тому вони сприймаються ним взірцевими на сучасному історичному етапі життя його країни.

Перший рядок другої строфи можна розцінити як опосередковане проголошення ліричним героєм свого погляду на те, яким на сучасному етапі життя його народу має бути справжній патріотизм. «П'ємонт» і «Вермонт», безумовно, з'являються в цьому рядку не випадково. Зараз добре відомо, який регіон нашої країни, на жаль, має неофіційну назву «український П'ємонт», але за часів створення вірша це також було відомо. Щодо «Вермонта» – саме тут, у цьому американському штаті, тривалий час мешкав позбавлений радянського громадянства лауреат Нобелівської премії в галузі літератури Олександр Солженіцин. На рівні художніх образів «П'ємонт», мабуть, може сприйматися як узагальнене визначення культурного середовища, «Вермонт» – як таке саме визначення свободи, вільної творчості.

На перший погляд здається, що ліричний герой сумує через те, що культура, свобода, вільна творчість відсутні як в історії його народу, так і в сьогоденні, оскільки немає відповідних осередків. У той же час, він добре розуміє, що в кожній нації – своя історія, як і шлях до неї. Тому осередки культури, свободи й творчості в Україні мають бути осеред-

ками нашого народу. Без жодних запозичень, що руйнують, іноді назавжди, національну самобутність!

Якщо хтось пишається тим, що існують «український П'ємонт», «український Вермонт», «український Париж», він таким ставлення до України підписує визнання власної меншовартості, тому що кожен народ є неповторним! Кожен народ має пишатися не подібністю (навіть – до найвищих світових зразків!), а унікальністю, саме своїм внеском у скарбницю світової культури! Людина або народ, що пишаються (у думках, у голос чи тихенько – не має жодного значення!) «утішним порівнянням», зізнаються цим у власній меншовартості – які б дотепні речі вони при цьому не проголошували.

На жаль, як визнає це ліричний герой вірша, доля українського народу склалася так, що багато століть замість власної історії українці мали лише «криваву твань» на тлі історії інших країн і народів. Ця «кривава твань» – дійсно – прямо чи опосередковано «захлиснула» кожного. Кривава історія власного народу в цій строфі відтворюється за допомогою звернення до особистостей, про які вже йшлося на рівні «прихованих», побудованих шляхом використання асоціацій художніх образів. Появу в цій строфі образів Максима Залізняка та Івана Гонти, можна, знову потрібно звернути на це увагу, розглядати як поширення асоціативних зв'язків, шляхом використання яких ліричний герой підкреслює неповторність особистісної історії власного народу.

Звернемо також увагу на те, що «четвертування» як жорстока страта є образом надзвичайно багатозначним, оскільки, якщо продовжувати асоціативні зв'язки цього образу, йдеться не лише про люту страту окремої людини. Ймовірно, можна припустити, що в цьому образі ліричному герою також бачиться доля рідної країни, яку багато разів «шматували»? Батьківщина втрачала цілісність, але врешті-решт здобула незалежність, поновила себе у вигляді історичного, цілісного державного утворення. За цих умов саме

власні, національні надбання (від міст, сіл і навіть маєтків до особистостей) мають складати незалежну державу. Тому, у цьому потрібно погодитися з ліричним героєм, жодних «П'ємонтів-Вермонтів» на цій землі не має бути! Тож потрібно цінувати зберігати, відтворювати й будувати своє.

Можна зробити висновок, що друга строфа вірша поперше, продовжує особисту інтерпретацію історії батьківщини ліричного героя, зміщуючи зображення в особистісну площину; по-друге, розпочинає тему захисту національної самобутності, необхідності обстоювати власні національні інтереси.

Третя строфа розпочинається з двох трагічних рядків, за допомогою яких автор і ліричний герой знову повертають нас до найтрагічніших подій вітчизняної історії. Сумно (як для української незалежності, для українців) відомий помітний історичний діяч Олександр Меншиков – і поруч з цим прізвищем назва містечка Батурин... Називні речення, нічого зайвого, майже графічне зображення.

Знову ж, зараз ці образи домислюються читачами досить легко й поширено, але ж на початку 1990-х років їхнє тлумачення не було таким однозначним. Втім, трагічний настрій образної системи (особливо образів «страта» й «четвертування») попередніх двох строф «передається» на початок цієї строфи, тому, використаємо таку назву, «протокольний» перелік прізвища та містечка справляють (на емоційному рівні) велике враження.

Наступний образ цієї строфи – «жерла гармат, що п'яні без вина» – у контексті трагічної долі містечка Батурин сприймається як своєрідна кульмінація знищення корінців народу, як наслідок руйнівного впливу зовнішніх сил (опосередковано вони названі в особі Меншикова) на прагнення народу до власного життя, волі, незалежності. Ймовірно, «п'яні» ці жерла гармат від козацької крові, але ліричний герой не розповідає про це, він дає можливість читачеві

самому домислити, відчути, домалювати картину знищення символу народної волі.

Концентрація почуттів автора та ліричного героя, яких об'єднує справжній патріотизм, досягає апогею у трьох останніх рядках твору. Автор віртуозно володіє віршуванням, тому єдність форми та змісту цих рядків бездоганна.

Перший рядок пісні, що стала Гімном незалежної України, з'являється у вірші в дуже цікавому формально-змістовому контексті. Як відомо, виконання Державного Гімну визначено спеціальними офіційними документами, воно є обов'язковим для багатьох офіційних заходів. Проте, йдеться саме про «виконання»! Коли Гімн «співають», за значенням додається багато змістових відтінків, тому що суттєво «розмивають» його офіційне призначення, його державотворчу функцію. Саме через це ліричний герой наполягає на тому, що «співати мало: «Ще не вмерла...» «Мало» в цьому контексті – це лише зовнішні прояви патріотизму. Вони ніколи не можуть бути визнані справжнім патріотизмом, оскільки, на жаль, не передбачають активної дії, активного відстоювання інтересів власного народу. Люди, які показово «добре співають» Гімн, можуть бути справжніми ворогами свого народу – за роки незалежності прикладів таких, на жаль, безліч... Але поет Дмитро Кремень написав цього рядка більше двадцяти років тому!

Також недостатньою для справжнього патріота автор твору та ліричний герой вважають життєву позицію, що висловлена в цьому рядку: «І радіти мало, що не вмерла». Повертаючись до форми вірша, необхідно звернути увагу на те, як за допомогою зміни лише однієї літери («ще» змінено на «що») повністю змінено зміст відомого рядку з Гімну. Люди, які – навіть щиро! – лише «радіють» тому, що Україна «ще не вмерла», також лишаються пасивними спостерігачами, тому їхнє ставлення до батьківщини є аморальним. Відповідно, таке аморальне ставлення до батьківщини викли-

кає осуд ліричного героя. Така життєва позиція дуже схожа на життєву позицію героїв відомого радянського кінофільму: «Мы не пашем, не сеем, не строим, Мы гордимся общественным строем» [4]. На тлі героїчної історії українського народу, у порівнянні з великими діями минулого, що покладали життя заради визволення країни й народу, така життєва позиція не може бути підтримана ані автором, ані ліричним героєм вірша.

Останній рядок твору – це квінтесенція його морально-громадянського змісту, оскільки він «формулює» морально-естетичну позицію письменника. Цим рядком підкреслюється єдність життя людини і батьківщини, якщо, звісно, йдеться про справжній патріотизм. Сенс життя кожного, хто хоче вважати себе гідним нащадком, спадкоємцем традицій найкращих постатей свого народу, полягає в тому, щоб «жити». Але це має бути насправді повноцінне життя, тому що воно має бути присвячене не фізичному «виживати», а служінню батьківщині: «жити, щоб жила – вона...» Коли кожна людина зрозуміє, чим має бути її життя для батьківщини, і, що є найважливішим, буде жити саме так, майбутнє країни дійсно буде безхмарним, а такий народ буде непереможним.

На жаль, за часів незалежності з'явилося, зросло й набуло значної «політичної ваги» покоління таких собі «професійних патріотів», доволі розумних людей, які нічого не роблять для країни, але кваліфіковано експлуатують поняття «патріотизм» з метою влаштування особистих справ... Яскравий, але сумний приклад, – це деякі хлопчики, які колись щиро (?) боролися за незалежність, навіть, відчайдушно голодували за відставку уряду Віталія Масола. Зараз у суспільстві багато хто з них вважається (чи це вони самі вважають себе?) «поважним» політиком або журналістом. Що ці «патріоти» за часи незалежності України зробили

для себе – бачать усі, але що вони зробили для того, «щоб жила – вона»?

Останній рядок природно підготовлений усією образною системою вірша. Стверджуємо, що його поява стає природним завершенням осмислення ліричним героєм минулого своєї країни, своєрідним поетичним поєднанням минулого й майбутнього в долі кожної людини.

На жаль, останні події нашого життя засвідчили, що де-хто намагається поставити особисті інтереси вище за народні. Дивовижно, але формула поета «щоб жила – вона» якійсь час була використана для політичної реклами, коли безглузді «політтехнологи» ототожнювали особистість та Україну. Сподіваюся, що це відбулося на підсвідомому рівні людей, які давно вже втратили моральні орієнтири. Адже «вона» у контексті твору Дмитра Кременя – це сама Україна. Батьківщина.

Єдина, оскільки ми не можемо її обирати. «Місце проживання» – так, але Батьківщину – ні... Ніхто і ніколи не може її обирати, її дає кожній людині Бог. Для того, щоб людина берегла її, шанувала, жила заради неї.

Література

1. Кремень Д. Д. Пектораль : Нова книга / Д. Д. Кремень. – Николаев : Возможности Киммерии, 1997. – 120 с.
2. Наливайко Дмитро Сергійович [Електронний ресурс] // Сайт Інституту літератури НАН України. – Режим доступу: <http://www.ilnan.gov.ua/komparatyvist/nalyvayko.htm>. Назва з екрана (дата звернення 16.10.2011 р.).
3. http://uahistory.info/2011/06/06/ltopis_gadjackogo_polkovnika_grigorja_grabjanki_chastina_9.html – режим доступу на 16.10.2011 р.
4. Рязанов Э. Мы не пашем, не сеем, не строим : текст песни [Электронный ресурс] / Э. Рязанов // [karaoke.ru](http://www.karaoke.ru) : [сайт]. – Режим доступа: <http://www.karaoke.ru/song/3834.htm>. – Заголовок с экрана (дата обращения 16.10.2011 г.).

Р. С. Користуючись нагодою, автор зустрівся з Дмитром Дмитровичем, щоб поставити йому деякі питання. Зустріч відбулася у приміщенні Миколаївського відділення Національної спілки письменників України після повернення Дмитра Кременя, який очолює це відділення, зі з'їзду письменників.

В. Г.: Дмитре Дмитровичу, після написання Вами віршу було більше 20 років незалежності України. На мій погляд, вірш Ваш – це своєрідна пересторога, яка, на жаль, виправдалася. Чи ні?

Д. К.: На жаль, застереження було пророчим. І справа не в моєму пориві до апостольської ризи, а в тому, що сама Україна не вирвала із серця українофобію. І це дуже співпадає із імперською максимою: розділяй і володарюй. От і влаштовують на суверенній українській території карту поляка, карту румуна та ін. Так що порох треба тримати сухим...

В. Г.: Чому «не так сталося, яка гадалося»?

Д. К.: Вся справа у поліетнічності нашої країни. Там, де населення моноетнічне, подібні проблеми виникають рідше. У Польщі теж не одні поляки живуть, але там не сміються, як в Україні, над поняттям «титульна нація», а найбільша польська партія – «Костел». І в часи радянської окупації та комуністичної номенклатури серце поляка було серцем поляка.

В. Г.: Складається враження, що сучасні письменники, скажімо так, пишуть набагато гірше (маю на увазі «майстерність»), аніж такий собі «посередній радянський письменник». І ще одне дивує: за радянських часів був «державно-партійний» тиск на письменників, але з'являлися чудові твори. Нині – повна свобода, але й творів, справжніх художніх творів, майже немає...

Д. К.: Є таке поняття: літературна епоха. І «золотий вік» російської поезії, російської літератури почався за Миколи I, а закінчився «срібним віком» за Миколи II. Царі, великі князі були меценатами письменників.

Зрештою, Тараса Шевченка викупили з кріпацтва на царські гроші. Тоді була «таємна свобода», душа літератури, а наявність цензури примушувала шукати таку езопову мову, яка і породжує тайнопис і грацію художнього письма.

Я думаю, що прямо писання – це не свідчення великої свободи в Україні: книга в Україні не стала джерелом достатку письменника. А причиною занепаду художності стало те, що суспільство втратило інтерес до тієї ж езопової мови. Для чого таємні словесні фіоритури, як у комедії Шевченка «Сон», коли в «цитаделі демократії» в українському парламенті «генеральне мордобитіє» проходить мало не щодня. А від українських книжок українські депутати тікають, як чорт від ладану. В радянські часи влада піднімала на щит ідеологічно близькі владі книги. Порівняйте, як жили Фадєєв і граф Толстой, і як жив Андрій Платонов, зламані владою Тичина і Рильський, а поряд – усе Розстріляне Відродження.

На мою думку, українські письменники, як і російські, стануть совістю нації тоді, коли відмовляться від сервілізму. Це вже було: і Маяковський кликав більшовизм, і був поетом-глашатаєм СРСР, а закінчив із кулею в серці.

Але краще куля в серце, аніж у потилицю...

В. Г.: Щиро дякую Вам, Дмитре Дмитровичу, за вірш і розмову. Хай Вам щастить долю, творчих Вам успіхів, наснаги, здоров'я!

5.8 «Я – Суков, я – поэт!»

По улицам почти что потерявшей себя «корабельной столицы» Украины – города Николаева – зимой и летом расхаживает странный человек. Высокого роста, с длинными полуседыми волосами, на любопытном носу – большие очки, за которыми прячутся насмешливые глаза. На голове – когда капитанская фуражка, когда расшитая золотом тубейка... И вообще:

*Вот иду я, ем кукурузу,
В полосатых штанах, а у пуза
Полосатый несу арбуз...*

Этот человек, эпатажно-экзотический вид которого невольно привлекает внимание прохожих, – Аркадий Суков. Поэт. Горожане, собственно говоря, и знают его именно как Поэта! Интересно, что по некоторым из районов города, которые смело можно назвать небезопасными, Суков разгуливает совершенно спокойно. Днем и ночью. Тамошняя шпана «Поэта» не трогает. Хотя, конечно, стихов его не знает... Имунитет, который дает человеку Искусство?

В Николаеве о поэзии Аркадия Сувов и о нём самом весьма активно заговорили после того, как этот странный человек сподобился стать не то лауреатом, не то даже победителем какого-то международного Internet-фестиваля (или конкурса?) поэзии. Благо, новейшие средства коммуникации позволяют творческой личности жить, где душе угодно, и одновременно «присутствовать» в самых разных уголках земного шара. Кстати сказать, недавно изданная в Санкт-Петербурге книга стихотворений четырех поэтов из четырёх стран, среди которых Украину представлял наш земляк, в очередной раз подтвердила условность границ. Как в жизни, так и в поэзии: авторы, повторяю, живут в разных странах, «в реале», так сказать, никогда не общались – но их стихи собраны под одной обложкой. И, что интересно, книга получилась цельной, интересной, запоминающейся...

Принято считать, что каждый настоящий поэт обязательно привносит в поэзию нечто своё, что благодаря этому «своему» он и остаётся в поэзии... О чем же «своём» пишет Аркадий Суворов? О чем его стихи? Что необычного в них, почему они привлекают внимание не только николаевцев, но и многочисленных читателей из «ближнего» и «дального» зарубежья?

Тематика и проблематика его поэзии, как сказали бы литературоведы, чрезвычайно разнообразна. В то же время, как и подобает любому поэту, Аркадий Суворов пишет единственно о самом себе! О себе, любимом, если вспомнить классика... А вот для того, чтобы понять себя (или попытаться понять?), он может рассказывать о средневековых рыцарях, о грустно-ироничной любви мифических для большинства из нас, но абсолютно реальных для Сурова рыбачки Сони и Кости-моряка, о Винни-Пухе и Пятачке, о безымянных бешабашных мореходах, которым никогда не удастся «вернуться в Портленд»! Да мало ли о чем может рассказать миру поэт, когда на душе у него неспокойно? Поэт Суворов не ищет пресловутую «тему», он просто живет, и в этой – как бы простой – жизни «прямо с неба валяются под ноги Слова и звуки, звуки и стихи». Типичная для поэзии ситуация...

И все же, как убеждает «проницательных читателей» поэзии знакомство со стихотворениями Аркадия Сурова, в его творчестве есть одна всамделишная «тема». С которой начинался Суворов-поэт, которая навсегда останется для него неисчерпаемой. Этот человек, похоже, никогда уже не перестанет писать о Николаеве.

«Я родился на каторжном Урале», – так говорит о себе Аркадий Суворов в одном из стихотворений, и это правда чистой воды: поэт не может считаться коренным николаевцем. Он и в самом деле «пермяк, солёные уши»! Однако жизнь сложилась так, что по-настоящему родным городом для Сурова стал Николаев. Странно получается, не правда ли: че-

ловеку не дано выбирать себе родину, но он волен отыскать в огромном мире родные для души места?

В последние годы слово «патриотизм» в нашей мало-вразумительной стране стало, увы, едва ли не ругательством: как только люди начинают говорить о патриотизме, сразу становится понятно, что добра от них не жди! Самозванные «профессиональные патриоты» при первом же удобном случае с радостью продадут всех и вся, поэтому их громогласные дежурные речи вызывают у нормальных людей естественное неприятие. Если не сказать отвращение. Такова се ля ви – в ее нью-украинском варианте!

Можно ли назвать Аркадия Сурова патриотом Николаева, ставшего его «малой родиной»? Думаю, что сам поэт отнесется к такой постановке вопроса с изрядной долей иронии. Вряд ли этот человек будет когда-нибудь всерьез рассуждать о патриотизме. Но – будучи поэтом – Аркадий Суров обостренно воспринимает все то, что происходит на родной для него земле. Наверное, именно поэтому и рождаются такие горькие строки:

*И есть у нас море, но нету у нас кораблей.
Наш берег изрезан, и наша вода холодна.
И грязь ядовитая в реки стекает с полей,
И реки гниют. И чужие у нас имена.*

*И наши источники горше полыни-травы,
И в наших домах поселились болезни и страх,
И женщины наши печальны, и дети мертвы,
И только усталость мы носим в тяжелых руках.*

*И все же, пойми, это наша с тобою земля.
И в поисках лучшей, увы, не послать корабля.*

Нам, своим друзьям, большинство из которых коренные николаевцы, приехавший с Урала Аркадий Суров легко и просто открывает наш родной город. Нет, конечно, мы с детства любим Николаев (иначе давно бы поужезжали чёрт его знает куда!), мы знаем его прекрасно, потому что исхо-

дили вдоль и поперек все его укромные уголки, но, прочитав или услышав стихотворения Аркадия, по-новому видим эти «Старые дворики. Хрущевки. Пятиэтажки». По-новому слышим, как «Пароходный гудок горланит в районе порта»... Оказывается, что твой родной города – это и город, увиденный, созданный и воссозданный Аркадием Суrowым:

*Мой маленький город, ты спишь, и тебя засыпают
Последние хлопья белой ущербной зимы.
Ты песню мурлычешь, и дети твои засыпают...*

Можно, вероятно, сказать, что лирический герой (слова-то какие!) поэзии Суrowа – это типичный горожанин, который вырос и сформировался в, как это иногда говорится, каменных джунглях не такого уж маленького города! Но тогда почему этот сын города с такой болью говорит об искалеченной людьми беззащитной земле? Какой частью души сумел ироничный горожанин Суrow прочувствовать трагедию «маячника Лёхи Седого», выдающего замуж единственную дочку?

*Дочка маячника замуж выходит,
Вечер висит над рыбачьим посёлком,
Вечер, баркасы к причалу подходят,
Гости на свадьбу спешат по просёлкам.*

*Водки нагнали ядрёной и мутной,
Бочка поспела вина молодого,
Только сложилась бы жизнь её путно,
Дочки маячника Лёхи Седого.*

*Сам-то он, рано жену схоронивши,
Так и не взял никого, бобылюет.
Доча-дочурка! Не сыщешь красивше!
Вон, погляди, жениха как целует,*

*Крепче, чем батьку... Оно и негоже
Так, как отца, целовать Молодого...
Больно уж стала на мамку похожа
Дочка маячника Лёхи Седого.*

Суров потрясающе, просто фантастически читает свои стихи! Это не чтение, это настоящие моноспектакли, в каждом из которых поэт оказывается не просто автором, но и актёром-творцом. Описать это невозможно, это нужно увидеть и услышать. Внутренняя музыка стихотворений обретает звучание, энергия слова материализуется, а сам Поэт хищной птицей парит на сцене и над сценой...

Когда слушаешь стихотворения Аркадия Сурова в авторском исполнении, вспоминаются вечера поэзии шестидесятников и то, что довелось читать о «поэзоконцертах» Игоря Северянина. Означает ли это, что Суров вторичен? Нет, конечно! Просто настоящая поэзия не может не звучать. В начале третьего тысячелетия, вероятно, она обязательно должна звучать – чтобы быть услышанной! Слишком уж громкой стала современная жизнь, и поэзия, как часть этой жизни, не могла не измениться. Все это отлично понимает по-детски наивный мудрец Аркадий Суров. Как прекрасно понимает он и другое: поэзия была и будет не «формой», а состоянием души. Поэтому он спокойно относится к окончательному, кажется, свихнувшемуся миру, не стремясь изменить его: «дело во мне и в сердце, что я Несу, внутри обжигая грудь». Кругом же жизнь как жизнь:

*И повсюду бродит пьяное быдло,
С позволения сказать, человеки.
Ты их в дверь, они в окно, так обрыдло!
Питекантропы! Австралопитеки!*

Мне очень жаль людей, которые, прочитав эти строчки Аркадия Сурова, назовут поэта мизантропом: столь упрощённо понимать стихи – это уже сродни преступлению! Именно потому, что он любит людей, Суров и пишет такие стихи. «Если мир треснет, трещина пройдет через сердце поэта», – так было в XIX веке, так остается и сейчас. Наверное, так будет всегда? Пока будут живы поэты и будут живы люди, которым нужно, чтобы «из такого сора» появлялись стихи?

...Свои выступления Аркадий Суров любит заканчивать чтением стихотворения, текстом которого мне хочется закончить свои – в высшей степени субъективные – заметки об этом удивительном поэте:

*Я – Робеспьер, я – Риббентроп,
Я – Чингисхан, я – Кир,
Я – Блюхер, я – расстрига поп,
Я – командир Якир,*

*Я – Достоевский, я – Мольер,
Я – Моцарт, я – Геракл,
Я – Кох, я снова Робеспьер,
Я – Жан, ловец собак,*

*Я – Маяковский, я – Бодлер,
Мне тридцать восемь лет,
Я – Одиссей, я – Робеспьер,
Я – Суров, я – поэт.*

Вот так: на меньшее Аркадий Суров не согласен!

5.9 «Я стою, как перед вечною загадкой...» (Трилогия об иконе Л. Шкарубы)

Почему-то именно эти строки Владимира Высоцкого вспомнились, когда Леонид Михайлович Шкаруба преподнёс мне поистине царский подарок: «Иконотриптих. В 3-х книгах». Этот прекрасно изданный трёхтомник, посвящённый иконе, издан в Николаеве издательством «Фирма «Илион». Научное издание. Монография, аналогов которой нет не только в Украине, но и в, как теперь называют, СНГ.

Кстати, в далёком Новосибирске тамошние коммерсанты, не колеблясь, вложили немалые деньги в издание этой монографии. И на состоявшейся в марте 2012 года Московской международной книжной ярмарке издание вызвало большой интерес: почти весь тираж, что называется, уже пристроен. Сибиряки подумывают о втором издании.

Писать об иконе можно по-разному, потому что икона давно уже стала феноменом не только церковной, но и светской культуры. Леонид Шкаруба пишет об иконе так, как рассказывают о дорогих сердцу человека вещах: доверительная интонация, любовное отношение к иконе, иконописцам, сюжетике православной иконы, привлечение обширнейшего культурологического контекста, в первую очередь, художественной литературы и фольклора.

Рассказы Леонида Михайловича об иконе и иконоведении – это раздумья интеллигентного человека о духовной сущности человеческой жизни, о месте культуры в жизни каждого человека и общества в целом. Бережное, если не сказать, трепетное отношение автора монографии к духовной культуре пронизывает этот огромный труд, сообщает ему черты подвижничества и откровения.

Всю жизнь кандидат филологических наук Шкаруба изучал художественную литературу. Его статьи опубликованы в специальных журналах, по которым работают учителя общеобразовательных школ и преподаватели вузов. Человек заслужил репутацию серьёзного учёного-филолога. Однако, как убеждает жизнь, по-настоящему талантливый человек редко ограничивает свои творческие поиски чем-то одним, ему всегда хочется большего.

В Николаеве дом, в котором живёт Леонид Михайлович, очень хорошо знают. Потому что рядом с этим домом – созданная руками филолога Шкарубы сказочная страна. Вырезанные из дерева скульптуры, высохшие ветви деревьев, превращённые в сказочных персонажей, населяют эту страну. Не обычная «детская площадка», а волшебный мир, в котором выросли уже два поколения обитателей обычной панельной девятиэтажки... И дети, которые учились в расположенной напротив дома школе, став взрослыми, тоже вспоминают этот сказочный уголок из детства.

Могу предположить, что интерес к иконе возник у учёного тогда, когда он создавал свои скульптуры. Потом стали появляться иконы из дерева, созданные в соответствии со всеми канонами. Самые настоящие иконы, освящённые в храмах.

Благодарен Леониду Михайловичу: он никогда не отказывает, если просишь его сделать икону. Несколько его произведений – образ Параскевы Пятницы – были подарены мной на свадьбы бывшим студентам и ученикам. Случайно ли, что ни одна из семей, получивших в дар такую икону, не распалась?

«Иконотриптих» создавался долго, он, можно сказать, складывался в единое целое долгие годы. Сначала в том же издательстве «Илион» появились монографические исследования «Основы иконоведения» и «Основные иконописные сюжеты и их иконография». Их издание стало значительным событием в культурной жизни Николаева: монографии были переданы в библиотеки, востребованы и студентами, и преподавателями, вызвали большой интерес со стороны верующих и служителей церкви. Казалось бы, автор мог успокоиться? Но в изданные книги не вошло всё то, что по крупицам долгие годы собирал исследователь...

История издания «Иконотриптиха» в том виде, в каком его получили читатели, напоминает, прошу прощения, киношные истории о счастливых случаях. Но это не выдумка. Всё так и было.

В один из церковных праздников Леонид Михайлович с супругой Светланой Александровной посетили небольшую церковь на старом городском кладбище. После службы к ним подошла молодая пара, и женщина, бывшая студентка, с радостью рассказала о том, что недавно ей посчастливилось купить монографии об иконе.

Завязался неторопливый разговор о вере, об иконе, о духовности, в ходе которого Леонид Михайлович, отвечая на вопрос о творческих планах, рассказал о своей работе. Между делом посетовал, что на осуществление издания, ко-

торое полностью представило бы его замысел, нет средств. «Рыночная экономика, ничего не попишешь», – невесело пошутил доцент Шкаруба.

Супруг бывшей студентки, внимательно слушавший её разговор с преподавателем, поинтересовался, сколько могло бы стоить осуществление издания в том виде, в каком автор сочтёт это необходимым. Чтобы и самому приятно было в руках держать, и читатели смогли порадоваться, как пошутила Людмила Соркина, «единству формы и содержания». Посмеиваясь, Леонид Михайлович назвал астрономическую для честно работающего преподавателя вуза цифру. Незамедлительно последовал ответ: «Отлично. На следующей неделе Вы получите эти деньги. Поверьте, я очень рад, что могу это сделать для Вас»...

Как оказалось, скромный молодой человек, муж бывшей студентки Леонида Михайловича, является очень известным в Николаеве руководителем успешного предприятия. Предприятие спонсирует многие культурные проекты, помогает инвалидам, заботится о благоустройстве города. Но на издание книги директор и его жена дали свои личные деньги. Борис Соркин объяснил, что таким способом он хочет поблагодарить человека, учившего его жену, и помочь людям, интересующимся искусством. Людмила же, которая шутит, что она выходила замуж за монтажера, а не за директора, сказала своему Учителю так: «Очень хорошо, что Ваши книги будут изданы так, как они заслуживают, что горожане смогут их прочитать».

В издательстве «Илион» давно знают и уважают своего постоянного автора Л. М. Шкарубу. Разные книги приходится издавать, но Анна Румянцева, директор «Илиона», с радостью говорит о том, что триптих об иконе они издавали «с душой». Прекрасное полиграфическое исполнение, тонкое соблюдение «стилистики» в оформлении трёхтомника, безукоризненный вкус и высокое мастерство – всё это сделало

монографию произведением полиграфического искусства. «Единство формы и содержания», о котором говорила Людмила Соркина, состоялось.

Хочется обратить внимание на важнейший момент: научная монография, написанная «нецерковным» человеком, получила благословение архиепископа Николаевского и Вознесенского Питирима! Вероятно, это самым исчерпывающим образом характеризует не только научный уровень монографии, но и глубину постижения в ней иконы как одного из атрибутов Веры?

Первая книга «Иколотриптиха», первая, как называет её автор, «икона», так и называется: «Икона первая. Иконоведение». Она состоит из пяти глав, названия которых объясняют всё: «Икона: общие понятия», «Техника иконописи», «Поэтика иконы», «Икона в храме, в быту, в музее», «Краткий очерк истории иконописи». Автор сознательно привлекает внимание читателей не только к церковной сущности иконы, но и к её светскому бытованию.

Не уходя от обсуждения «острых» вопросов, Л. М. Шкаруба последовательно отстаивает духовность как важнейшую составляющую жизни отдельного человека, народа, человечества. Его аргументация восходит к общечеловеческим нравственным ценностям, он безупречно корректен при, например, рассмотрении, проблемы «Украинская икона» в рамках истории иконописи.

В первой же части автор поместил «Словарь», который окажет существенную помощь при изучении монографии. Формулировки понятий, без опоры на которые постижение иконы невозможно, просты и точны, что делает «Словарь» особенно ценным пособием.

«Икона вторая» представляет читателям «Сюжетнику» и «Иконографию православной иконы». Автор позаботился о том, чтобы читатель, не имеющий возможности ознакомиться с первой книгой, опирался на соответствующий тео-

ретический материал, помещённый в первом разделе. Но основное внимание уделено «Иконографии Христа и сюжетов христологического цикла», «Иконографии богородичных сюжетов» и «Другим иконописным сюжетам».

Рассказ о каждом из иконописных сюжетов – это особое произведение, созданное на стыке науки и искусства, отличающееся глубиной научного анализа и эмоциональностью, погружающей читателя в мир подлинной духовности и подлинного искусства.

«Икона третья. Хрестоматия по иконоведению» представляет научные и богословские тексты, в которых рассматриваются различные аспекты возникновения и бытования иконы.

Монография полностью соответствует своему статусу научного издания. Её можно использовать как учебное пособие при изучении соответствующих курсов в высших учебных заведениях, она будет полезна учителям школ и учащимся, людям, интересующимся иконами и духовной жизнью. Она диалогична по форме и содержанию, Л. М. Шкаруба честен по отношению к читателям: «Автор не претендует на истину в последней инстанции и открыт для критических замечаний».

Все мы приходим в этот мир волею Творца, и жизнь наша – вечная загадка для нас. Мы должны исполнить Божью волю, но ведь сначала надо её понять? Икона, можно предположить, дана людям для того, чтобы наши попытки были более успешными.

«Я стою, как перед вечною загадкою»?

5.10 Щоб жити (Творческий портрет Л. Ратич)

Ещё в античности люди были убеждены, что ничего нового о жизни сказать невозможно: всё уже сказано. И действительно, разве человечеству не известно давным-давно, что такое Добро и что такое Зло, как следует и как не следует поступать всем нам в той или иной ситуации? Как говорится, все всё знают, но это ничего не меняет.

Если же говорить о литературе, то и писатели, в общем-то, не открывают читателям ничего нового, потому что пишут об известных всем вещах. Но почему тогда они, писатели, не могут не создавать свои произведения, а мы, читатели, воспринимаем иногда эти произведения как некие откровения? Наверное, всё дело не в том, о чём пишет человек, не в пресловутой «тематике-проблематике». Главное – как он это делает, в какой мир приглашает и погружает читателя.

Книга Ларисы Ратич, на первый взгляд, весьма традиционна, ибо в плане «тематики-проблематики» не открывает читателю ничего нового. Мало кто не помнит, как его «воспитывала» бабушка, все мы прошли через школу, и учили нас разные люди, среди которых, увы, попадались иногда персонажи, как бы вышедшие из помещённых в книге «Антипедагогических этюдов»... Да и другие герои книги очень даже узнаваемы: Витька-сволочь, продавший душу Чёрту и чудом спасшийся от кошмарной не-жизни, злыдня Настя, с наслаждением обливающая грязью окружающих, пытающийся после смерти матери залить горе водкой Алексей Алексеевич...

Обычные люди, слабые и сильные, падающие и поднимающиеся, только вступающие в самостоятельную жизнь и подводящие итоги долгого жизненного пути, – вот персонажи книги Ларисы Ратич. Они узнаваемы, эти персонажи,

они очень похожи на нас (или мы на них?), но от этой узнаваемости и похожести не становятся проще и понятнее. Потому что, как убеждает нас автор, у каждого, даже самого, казалось бы, безобразного и безобразного человека, есть Душа.

Благодаря которой передвигающееся на двух ногах как бы разумное существо и становится Человеком.

В книге избранных произведений, которая стала первой книгой автора, представлены разные жанры художественной литературы. В ней соседствуют «стихи и проза», художественные произведения и почти документальные очерки, в которых знакомые с автором люди легко и просто «узнают» друг друга.

Небольшая по объёму, но очень ёмкая и глубокая книга написана Ларисой Ратич.

«Трава по пояс» – это, как определяет автор произведения, «повесть в рассказах», посвящённая Фёкле Михайловне Кузьминой. «Дорогой бабушке». Понятно, что автор рассказывает о своей бабушке, однако этот, глубоко личный, рассказ становится рассказом о судьбе Человека. О трудной судьбе, иногда – о судьбе кошмарной. Нелегко читать о войне, о том, как мать спасала своих детей. Или о послевоенных годах... Но ведь люди прожили, пережили, выстояли, сумели остаться людьми!

Самое же, пожалуй, главное, и для автора, и для читателей заключается в том, что малограмотная Фёкла Кузьмина олицетворяет собой не поддающуюся осмыслению вековую мудрость народа. Мудрость, на которой основывается всё: и духовная сила, и Вера, и стоицизм...

После прочтения повести «Трава по пояс» понимаешь, почему ни один захватчик, приходивший на русскую землю, не сумел победить народ. Никакой, как сейчас принято говорить, «уникальности», не было и нет на этой земле. Зато есть – общечеловеческое: предназначение каждого из нас

на Земле – сохранять Жизнь. Жизнь во всех её проявлениях. Всегда, в любых обстоятельствах, оставаться человеком.

Просто, скажете? Но это кажущаяся простота, потому что огромная разница пролегает между знанием, как нужно жить, и обычной *человеческой* жизнью. Той самой, которую прожила Фёкла Михайловна, которую она сохранила и которую передала дальше. Стало быть, смерти нет и не может быть, если бабушка Фёкла продолжает жить в детях, внуках и правнуках?

Стало быть, Жизнь продолжается!

Цикл рассказов «Реальное нечто» автор называет «фантастическими рассказами». Как по мне, немного лукавит Лариса Ратич: фантастикой эти рассказы назвать нельзя, хотя так называемый «фантастический элемент» в них, безусловно, присутствует. Не руководствовалась ли автор мудрыми словами великого американского писателя О. Генри: «Фантазия – почти единственный данный искусству повод говорить правду»? И в самом деле, может ли быть искусство без фантазии, без фантастики?

В рассказах описываются события, которых в, так сказать, реальной человеческой жизни быть не может. Не бывает в нашей жизни «исполнителя желаний», который выполняет всё, о чём человек подумает. Не могут пока что люди с помощью «машины времени» возвращаться в прошлое и беседовать с Леонардо да Винчи о Джоконде. Не может самый обычный лифт обычного дома перенести человека на тридцать лет вперёд... Не бывает этого!

Только потому, что этого «не бывает», сами рассказы не становятся менее захватывающими и достоверными... Скорее, наоборот: именно благодаря соединению невозможного и возможного, глубочайшему проникновению в психологию каждого из героев, автору удаётся «достучаться» до читателя, сказать ему то выстраданное, ради чего, собственно, и создаётся не беллетристика, но Литература.

Сказать так, чтобы читатель поверил.

В литературе давно известно, что подлинного писателя от ремесленника отличает отношение к героям. Какие бы отвратительные поступки ни совершали герои, настоящий писатель всегда был и будет их адвокатом. Будет на их, героев, стороне. Ему всегда будет больно, если будет больно герою.

Романтик и мудрец Михаил Светлов в полемическом запале утверждал: «Я сам лучше кинусь Под паровоз, Чем брошу на рельсы героя». Рельсы рельсами, паровоз паровозом, но все герои «фантастических рассказов» Ларисы Ратич получают в жизни шанс стать лучше, чем они есть. Не все, к сожалению, этот шанс используют, и автору искренне жаль тех, кто калечит жизнь и себе, и другим. Но вера в человека дорогого стоит, и чудеса, которые происходят с героями рассказов, снова и снова убеждают читателя: никогда нельзя ставить крест ни на себе, ни на своей жизни!

Уже само название следующего раздела книги – «Антипедагогические этюды» – настраивает читателя на ожидание полемики с традиционным пониманием педагогики. Хорошо известно, что педагогический опыт бесценен, его добывают по крупицам, сохраняют и передают из поколения в поколение. Однако Лариса Ратич, проработавшая в школе более четверти века, избирает полемическую форму доказательства «от противного».

В «Предисловии» к «Этюдам» учительница замечает, что «среди этих историй нет ни одной выдуманной...»

Показывая, как *нельзя* воспитывать детей, автор, я уверен в этом, вспоминает и свои собственные неудачи. У кого из нас их не было? Только у тех, кто ничего не делал! И поэтому порядочный человек, честный профессионал, стремится избегать ошибок, которые негативно сказываются на детях.

Поскольку мы учились с Ларисой Анатольевной в одной группе, начали работать в одно время, одинаково, смею

думать, понимаем сущность учительского труда, читать «Антипедагогические этюды» мне было очень интересно. Согласен с автором: «труд учителя – воистину героический, подвижнический». Поэтому не всем он по силам. «Урок-датели», хранители «железной дисциплины», ради которой уничтожаются детские души, в школе были всегда. Противопоставить им можно было только человечность, гуманизм, понимание того, что в судьбе ребёнка именно Учитель может и должен стать человеком, который поможет состояться Личности.

Очень хотелось бы, чтобы «Антипедагогические этюды» Ларисы Ратич прочитали и учителя, и родители, и дети. Кажется, при областном управлении образования имеется специальная газета для учителей? Ну, коллегам и карты в руки!

Писать о поэзии трудно. Потому что великое множество людей сочиняет рифмованные строки, но среди этих строк не столь уж часто встречается Поэзия. Если даже гениальный Владимир Маяковский «тысячи тонн словесной руды» изводил ради того, чтобы отыскать одно-единственное Слово, то что уж говорить о людях, которых поэтами могут назвать только их лучшие друзья после обильных возлияний? Но возьму на себя смелость утверждать, что стихотворения Ларисы Ратич – это поэзия. В них есть ответственность автора перед Словом, есть собственные образы, есть только этому автору свойственные переживания. Не это ли делает просто строки стихами?

Мне кажется, что для автора стихи столь же естественны, как и проза. Потому что с их помощью человек пытается понять себя, своё место в жизни, саму жизнь:

Я – учитель. Случай иль судьба?

Жизнь моя – восторг и наказание...

Поразило меня то, что Лариса Анатольевна переводит на русский язык Лину Костенко и одновременно пишет сти-

хи на украинском языке. Органично и естественно, без пафоса и надрыва. Слово есть Слово, разве может Слово разделять людей?

Хотелось бы также сказать несколько слов и ещё об одном моменте. Книга Ларисы Ратич издана в рамках областной Программы поддержки отечественного книгоиздательства. Называется серия «Південна бібліотека». Не знаю, кто придумал эту Программу, но в случае с книгой «Трава по пояс» люди попали в десятку! Поскольку это явно не «местечковая» книга, она относится, как я отмечал, к подлинной Литературе.

Вероятно, она будет направлена в библиотеки города и области? Это не может не радовать.

Талантливому учителю Ларисе Ратич удалось создать замечательную книгу о Жизни. Хочется надеяться на то, что книга эта не только найдёт своего читателя, но и поможет каждому из нас жить более нравственно, более достойно.

«Жити, а не виживати!» – как пишет Лариса Ратич.

Р. S. После выхода в свет первой книги Ларисы Ратич в жизни талантливого автора произошли изменения, которые – в целом – можно назвать позитивными. Так, в Киеве вышла вторая книга Ларисы Ратич «Мы пришли из Ниоткуда», она получила очень высокую оценку в украинской прессе. В Николаеве готовятся к изданию ещё две книги.

А сама Лариса Анатольевна... переехала на «постоянное место жительства» в Санкт-Петербург – но это тот случай, когда за человека можно только порадоваться...

И дай её Бог счастья в новой жизни!

Литература

1. Ратич Л. Трава по пояс : избранное / Л. Ратич. – Николаев : Илион, 2008. – 164 с.

5.11 Де Рибас и его тайна... *(Рассказ историка Иосифа Михайловича Шкляжа)*

Так получилось, что эту замечательную книгу известного николаевского историка и писателя, профессора, заведующего кафедрой новой и новейшей истории ННУ имени В. А. Сухомлинского Иосифа Михайловича Шкляжа я читал дважды.

Первый раз – в рукописи, будучи «официальным» рецензентом, и было это на рубеже прошлого и нынешнего годов. Прочитал мгновенно, после чего, «засев» вместе с автором у меня на кафедре, мы несколько часов «проходил» страницу за страницей, останавливаясь там, где это казалось необходимым.

Иосиф Михайлович, энциклопедически образованный человек, легко и свободно читающий лекции на английском языке, автор научных работ, книги которого издавались – ещё в советские времена! – за границей, в том числе и в далёкой Японии, слушал внимательнейшим образом, к каждому замечанию рецензента относился с величайшей серьёзностью, а после окончания наших «бдений» над текстом долго благодарил меня за рецензию... Нечасто нынче встречается такое отношение учёного к своей работе!

Замечу кстати, что Иосиф Михайлович просто очаровал находившихся в тот момент на кафедре коллег тактом, воспитанностью и остроумием.

Второй раз я прочитал уже книгу, получив её в дар от автора. Книга была «всамделишной», причём замечательное николаевское издательство «Илион» в очередной раз доказало, что работающие там люди не только на хлеб себе зарабатывают, но и творят! Прекрасно подобранные иллюстрации, безупречное оформление, удивительной красоты обложка придали новое звучание уже известному мне тексту, сделали его «объёмнее» и живее.

...Имя испанца Хосе де Рибаса, больше известного в России как Иосиф Дерибас, для нас, николаевцев, никогда не будет чужим. Появление мемориальной доски на доме № 3 по улице Наваринской (угол Никольской) только подтвердило наше восприятие этого выдающегося деятеля своей эпохи – николаевец!

Хотя, разумеется, славой своей Иосиф Михайлович Дерибас обязан Одессе. Несомненно, что одессит по рождению, мировосприятию и отношению к жизни Иосиф Михайлович Шкляж, тёзка великого адмирала, основателя его родного города, совсем не случайно обратился к этой противоречивой личности, о которой и при жизни говаривали всякое-разное, а уж после смерти...

В начале книги профессор Шкляж увлекательно рассказывает... о самом себе, блестяще воссоздаёт атмосферу начала 90-х годов, времени, когда происходит действие книги. Впечатления «советского человека» (это не похвала и не оскорбление, просто констатация факта, ведь «все мы вышли из...»), оказавшегося в Стамбуле, куда его пригласил коллега-профессор для чтения лекций, безусловно достоверны. А вот путь, который пришлось проделать этому профессору не-детективу в поисках ответов на вопросы, вызванные знакомством с тайной де Рибаса, – это уже не просто рассказ о себе и своих впечатлениях. Это – если говорить по большому счёту – История в её самом точном и достоверном варианте: когда исторические события показываются и рассматриваются сквозь судьбы людские.

Множество самых необычных людей пришлось отыскать и выслушать автору книги, прежде чем он сумел приблизиться к разгадке тайны великого испанца, навеки вошедшего в историю России, Николаева и Одессы. Заметим, что в поисках этих необыкновенных людей профессор, собиравшийся в Стамбуле тихо-мирно прочитать лекции и заняться наукой, вынужден был стать самым настоящим

детективом! Потому что из Стамбула он отправился в Париж, поколесил по Франции, откуда его путь лежал на Землю Обетованную. Именно здесь, в Израиле, автор и узнал то, ради чего он проделал этот головокружительный – если вспомнить, что это было начало 90-х годов! – путь.

Блестящее знание истории позволяет автору книги легко и свободно «путешествовать во времени». Эти «путешествия» могут – на первый взгляд – показаться хаотичными, на самом же деле они просто необходимы. Потому что, как убеждает нас историк и писатель Иосиф Михайлович Шкляж, в мировой истории нет и не может быть случайностей. «Сослагательное наклонение» в истории отсутствует по определению. Пресловутые «случайности», о которых любят рассуждать люди, не дающие себе труда пошевелить мозгами, на самом деле представляют собой видимую часть айсберга, которая невозможна без существования его подводной, главной части.

История тайны Хосе де Рибаса, поисков документов, позволяющих приблизиться к раскрытию этой тайны, началась со встречи с необыкновенным человеком и закончилась встречей с не менее удивительной личностью. Именно люди, их судьбы – самое главное, самое интересное, что есть в этой книге.

Ашот Аршакович Саркисов, «стамбульский книгочей», как называет его автор, рассказывает профессору историю жизни своей семьи. Историю, которая в миниатюре представляет собой историю XX века...

Этот человек прожил 84 года, родился он в Одессе, а доживал свой век в Стамбуле. На склоне лет он рассказывает гостю-профессору о дневнике-исповеди Хосе де Рибаса, который когда-то давно был заложен спившимся русским дворянином Феликсом Дашевским. Тогда 19-летний, герой не сумел отыскать дневник, до войны, в 1939-м году, он вышел на его след – и было это в Париже... Поэтому сейчас он

просит, чтобы гость нашёл этот дневник. Для этого нужно лететь в Париж? Без визы, без денег? Оказывается, такое возможно!

Франция подарила автору удивительную встречу с весьма немолодым человеком по имени Симон Соломонович Кац. Конечно же, и для этого человека Одесса не была всего лишь точкой на карте мира, ему было что рассказать гостю «за Одессу»! Он и его французский друг Геден Софер помогают профессору, делают всё возможное, но выясняется, что тайна Хосе де Рибаса может быть разгадана только в Израиле. Куда, разумеется, автор и отправляется. Не без помощи своих новых друзей.

В Израиле автор встречается с человеком, фамилия которого навсегда вошла в историю человечества. Луиджи Торричелли – потомок того самого великого математика и физика, без которого история человечества немыслима. Именно Луиджи и помогает автору раскрыть тайну де Рибаса, даёт ему возможность изучить «документ, который условно можно назвать «письмо к потомкам», или «Исповедь Хосе де Рибаса». В этой «исповеди» русский испанец рассказывает историю своей семьи и делится с потомками сокровенными мыслями.

Вот, если коротко, сюжет книги. В эпилоге автор задаёт себе вопрос: «Надо ли было совершать такой вояж, чтобы узнать в общем-то вполне заурядную тайну?» У читателя книги есть свой ответ на этот вопрос.

В книге ювелирно соединены времена. Стамбул начала 90-х годов, в котором начинается действие, соседствует со Стамбулом 20-х годов прошлого века, в котором изгнанные из России люди самых разных национальностей пытались найти своё место в жизни. Париж начала 90-х – и оккупированная Германией Франция периода Второй мировой войны, трагическая история любви и предательства, памяти и забвения... Израиль начала 90-х – и предвоенная Италия, в

которой правит Муссолини, а также Советский Союз, куда был отправлен Луижди Торричелли и где он не захотел и не смог стать оккупантом... Потому что так и не сумел понять, «что забыли в далёкой России итальянские парни?»... Как тут не вспомнить строки Михаила Светлова: «Молодой уроженец Неаполя, Что оставил в России ты на поле?»

Концентрацией исторической памяти человечества можно считать историю семьи Хосе де Рибаса, которую он рассказывает... скорее для себя, чем для потомков. В истории этой семьи было предательство веры предков, которое объяснялось, как сказали бы сейчас, «потребностями текущего момента». Вот как уходящий из жизни адмирал вспоминает о детстве: «Я смутно помню, как мой дед, ткнув меня, маленького мальчика, в какую-то книгу с непонятными письменами, заставлял повторять странные для моего уха слова. Отец мой очень сердился, называя моего деда «безумным». Так в чём оно проявлялось, это «безумство»? Неужели в том, что народ не желает терять память?..»

Собственно говоря, книга профессора Шкляжа именно об этом: о корнях каждого из нас, о корнях народов, о корнях человечества. Автор пишет просто и честно, он прекрасно владеет языком, созданные (или всё-таки описанные?) им герои – люди, которые запоминаются. С ними можно спорить, не соглашаться, но они не оставляют читателя равнодушным.

Именно поэтому я уверен, что обязательно прочитаю эту книгу. Как минимум, ещё раз...

Литература

1. Шкляж И. М. В поисках тайны адмирала де Рибаса (записки историка) / И. М. Шкляж. – Николаев : Илион, 2013. – 168 с.

Глава VI

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА ГОРОДА НИКОЛАЕВА

6.1 Російський чоловічий антропонімікон міста Миколаєва: лінгвокультурологічний аспект

Висвітлюється проблема вивчення сучасного стану антропонімікону у південному регіоні України, а саме – м. Миколаєві. Антропонімікон – це особливий пласт лексики у будь-якій мові, на який впливають культурний, соціальний, політичний чинники.

Власні особові імена займають важливе місце в лексичному складі мови. І це цілком закономірно, адже в житті суспільства антропоніми відіграють велику роль. Вони тісно пов'язані з життям народу різних історичних епох, особливостями побуту, матеріальної і духовної культури тощо.

Вважаємо, що даних про сучасний стан української антропонімічної системи, про її розвиток у різних регіонах України поки що бракує.

Дослідження з теми: «Еволюція чоловічого антропонімікону міста Миколаєва з 1900 по 2000 роки», має за мету простежити та проаналізувати зміну частотності та складу чоловічих імен миколаївців 1900, 1910, 1920, 1930, 1940, 1950, 1960, 1970, 1980, 1990, 2000 років народження. Антропонімікон міста Миколаєва, як і будь-якої території, є складовою частиною мови. Отже, закономірності виникнення і появи структури і моделей антропонімів підкоряються мові. Водночас антропонімікон – це особливий пласт лексики у будь-якій мові, на динаміку якого впливають різні умови

(соціальні, культурні, політичні). У сучасній антропонімії міста Миколаєва імена, що прийшли до нас з інших мов, складають більший відсоток, ніж споконвічні слов'янські чи давньоруські. Значний відсоток в іменнику складають імена грецького походження. У східних слов'ян грецькі імена були в ходу з самого початку введення християнства. В чоловічому антропонімії міста Миколаєва грецький пласт імен складає 87 особових імен (27,4%). Друге місце іменника Миколаєва займають єврейські чи давньоєврейські імена – 35 одиниць (11%). Третє місце – імена латинського походження – 27 одиниць (8,5%). Досить мало римських та скандинавських імен (відповідно 2% та 1,2%).

Центральна частина чоловічого іменника Миколаєва складається з 89 імен. Вони поділяються на три групи: перша – стійкі або наскрізні імена (які надавались протягом всіх років); друга – переривчасті (надавались з перервами від двох до восьми років); третя – тимчасові імена (були популярні тільки декілька років підряд на початку, в середині або в кінці століття).

Стійких імен у досліджувані роки було 23 (7,2% від усіх представлених імен).

Група переривчастих імен – найбільш багаточисельна по кількості імен, які до неї відносяться (52; 16,3%). Деякі імена виходили із використання на рік або два (Аркадій, Валерій, Віталій, Вячеслав, Глеб, Ілья, Никита, Семен, Степан, Яков), деякі імена не використовувались до шести років (Антон, Альберт, Вадим, Владислав, Владлен, Геннадій, Давид, Даниил, Ігорь, Лев, Максим, Родион, Ростислав, Тимофей, Феликс, Филипп, Едуард, Юрій, Ян), а були і такі імена, що не зустрічались в актових записах про народження вісім років і більше (Гавриил, Денис, Ефим, Захар, Зиновий, Ігнат, Ілларион, Исаак, Иосиф, Кирилл, Макар, Матвей, Никифор, Руслан, Святослав, Ярослав).

Найменша група – тимчасові імена. Це 16 імен, які використовувались для іменування дітей декілька років підряд,

а потім повністю втрачали популярність. Їх було розділено на декілька груп: перша – імена, які мали носіїв тільки у середині століття (Абрам – 1930, 1940; Адольф – 1930, 1940); друга – імена, які зустрічаються у першій половині ХХ століття (Афанасий – 1900, 1910, 1920, 1930, 1940; Кузьма – 1900, 1910, 1920; Леонтий – 1900, 1910, 1920, 1930, 1940, 1950; Лука – 1900, 1910, 1920; Марк – 1900, 1910, 1920, 1930, 1940, 1950; Пантелеймон – 1900, 1910, 1920; Порфирий – 1900, 1910; Тихон – 1900, 1910, 1920; Трофим – 1900, 1910, 1920, 1930); третя – імена, які почали функціонувати з другої половини ХХ століття (Артем – 1980, 1990, 2000; Богдан – 1970, 1980, 1990, 2000; Егор – 1970, 1980, 1990, 2000; Тарас – 1970, 1980, 1990, 2000; Тимур – 1970, 1980, 1990, 2000).

За досліджуваний період нараховується тридцять одне ім'я, які хоча б раз побували у складі першої десятки популярних імен (Александр, Алексей, Анатолий, Андрей, Артем, Борис, Валентин, Валерий, Василий, Виктор, Виталий, Владимир, Владислав, Георгий, Григорий, Денис, Дмитрий, Евгений, Иван, Игорь, Леонид, Максим, Михаил, Никита, Николай, Олег, Павел, Петр, Сергей, Федор, Юрий).

З усіх наведених імен тільки ім'я Александр жодного разу не вийшло з десятки популярних імен.

Рідкісні імена нараховують 188 одиниць (58% від загальної кількості чоловічих імен міста). В основному це імена, вживані тільки один раз і фіксуються тільки в одному році. Виключення складають 1900, 1940, 1960, 1970, 1990 роки, в яких деякі імена фіксувались два-три рази (Айзек, Алишер, Деомид, Евдоким, Карен, Людвиг, Нико, Олимпсон, Онисим, Платон, Ромуальд, Тит, Фаддей, Фома, Эдвард), а Виль і Израиль – п'ять. Практично всі рідкісні імена вказують на національну приналежність їх носіїв. І тільки у 1900, 1910 роках більшість одиничних імен – це імена-архаїзми (Мефодий, Никонор, Онисим, Поликарп, Фома, Харитон, Харлампий, Хрисанф).

Велика кількість рідкісних імен пояснюється багатонаціональним складом міста Николаєва.

За весь час існування людства відношення до особистих імен постійно змінювалось. Змінювалися і причини, з яких надавали те або інше ім'я.

Для того, щоб виявити головні причини вибору імені, причини симпатій до певного імені та групи імен-улюбленців, було розроблено і проведено анкетування людей різних вікових і соціальних груп міста Миколаєва. Перша група – респонденти 1940–1950-х років народження. Друга група – респонденти 1960–1970-х років народження. Ці групи склали робочі різних підприємств, держслужбовці та викладачі медичного коледжу, Миколаївського національного університету імені В. О. Сухомлинського, університету «Україна», вчителі шкіл міста Миколаєва. Третя група – студенти медичного коледжу, Миколаївського національного університету імені В. О. Сухомлинського, університету «Україна», Національного університету кораблебудування імені адмірала Макарова 1990-х років народження. Четверта група – учні 7–8-х класів середніх шкіл № 53, № 56 другої половини 1990-х років народження. Усього в опитуванні взяло участь 1030 осіб чоловічої та жіночої статі.

Всім респондентам було запропоновано відповісти на три запитання: Чому Вам надали саме таке ім'я? Яке чоловіче ім'я Вам подобається більше всього? Чому воно Вам подобається?

У наш час вибір імені – справа батьків або найближчих родичів. У кожному конкретному випадку він мотивований і обґрунтований, але далеко не очевидний для оточення. У родинях мешканців Миколаєва на обрання імені дитини впливає багато чинників. Основними є наступні:

- перше місце займає родинна традиція, за якою сина або доньку називають іменем батька, діда, матері, бабусі чи інших близьких родичів. Цей чинник займає перше місце при опитуванні осіб всіх вікових груп;
- друге місце посідає чинник, за яким ім'ям дитини вшановують видатних осіб, іноді літературних персонажів, кіногероїв, святих. Цей чинник був основним при наданні імені дітям, які народились в 40–50-х роках ХХ ст.

Так, наприклад, дитину називали Александром на честь Олександра Сергійовича Пушкіна, Олегом – на честь Вещого Олега, Владимиром – вшановуючи пам'ять Володимира Мономаха або Володимира Леніна. Дівчатам давали ім'я Зоя на честь Зої Космодем'янської. Деяких респондентів 60–70-х років народження називали на честь героїв пісень (Татьяна – пісня «Танечка», Наташа – «Ах, Наташа!», Вася – «Вася- Василек»), респондентів 80–90-х років народження називали іменами героїв казок, романів, фільмів (Настя – «Морозко», Андрей – «Війна і мир», Татьяна – «Євгеній Онегін», Марианна – «Багаті теж плачуть»).

- третє місце – це вплив моди того часу на певне ім'я.

Ще є досить багато різних причин, за яких дітей називали саме так, а не інакше:

- дітей називали на честь свята (Василя і Меланки, Тетянин день, Святого Миколая);
- батькам подобалось значення імені, і вони вважали, що від імені залежить доля і характер людини;
- на честь першого кохання одного з батьків;
- іноді батьки давали певне ім'я за зовнішніми ознаками дитини (біле, світле волосся – Светлана);
- на честь міста Николаєва (Николай);
- коли в сім'ї народжуються три доньки, то часто їм надають імена Вера, Надежда, Любовь;
- на вибір імені також впливає його милозвучність, легкість у вимові.

Кількість респондентів, що згадували вищезазначені причини, незначна. Тобто вони не є основними чинниками у виборі імен.

Досить багато анкетованих різних вікових груп навіть не замислювались над тим, чому батьки (або інші родичі) їх так назвали: кількість таких осіб з респондентів 40–50-х років народження становить 27%; з респондентів 60–70-х років народження – 21%; з респондентів 90-х років народження – 24%. З анкетованих 90-х років народження тільки один чоловік не зміг відповісти на це запитання.

Причини вибору імені для різних вікових груп більш-менш співпадають. І симпатії до певних чоловічих імен в деяких випадках є однаковими.

Перше місце серед улюблених імен в усіх групах опитуваних займає ім'я Александр: у першій групі кількість респондентів, яким подобається ім'я Александр, складає 25%; в другій групі – 19%; в третій – 19%; в четвертій – 12%. Цей факт ще раз підтверджує безперечну популярність цього імені протягом років, які піддавались науковому дослідженню. Звичайно, не всім респондентам подобається це ім'я. Багато хто вважає навпаки його застарілим та занадтошироковживаним. Так, 2-ге місце по популярності у другій групі (60–70-х років народження) займають імена Владимир та Сергей (19%). А у першій групі (40–50-х років народження) – ім'я Николай. Третя та четверта групи у своїх симпатіях відрізняються від старшого покоління. Десять відсотків респондентів цих груп віддали перевагу імені Андрей. І така ж кількість опитаних (10%) назвала своїм улюбленим іменем Дмитрий, у четвертій групі популярні імена наступні: 1-ше місце – Александр, 2-ге місце – Андрей, 3-тє місце – Евгений та Игорь.

Звичайно, це не всі чоловічі імена, які подобаються тим особам, що взяли участь у опитуванні. Але кількість респондентів, що вказали інші імена, досить незначна. Перелік уподобань осіб, що народилися у 40–50-х роках, містить 15 антропонімів: Виктор, Дмитрий, Василий, Константин, Иван, Евгений, Андрей, Валентин, Виталий, Алексей, Максим, Олег, Кирилл, Богдан, Борис. Особам, що народилися у 60–70-х роках, також подобаються імена Игорь, Олег, Георгий, Никита, Андрей, Борис, Федор, Леонид, Николай, Юрий, Виктор.

Уподобання осіб, що народилися у 90-х (третя вікова група) та другій половині 90-х (четверта вікова група) років, представлені найбільшою кількістю одиниць – 19 та 21 ім'я відповідно: Максим, Олег, Николай, Сергей, Владимир, Владислав, Артем, Руслан, Константин. Третя вікова група симпатизує навіть тим іменам, які четверта група не згаду-

вала: Евгений, Виктор, Данил, Анатолий, Ярослав, Давид, Самвел, Марьям, Виталий, Илья. Та навпаки – респонденти четвертої групи обрали антропоніми, які третя група проігнорувала: Роман, Глеб, Вадим, Иван, Аксентий, Михаил, Джеки, Григорий, Левон, Никита, Денис.

Більше 70% опитуваних 90-х та другої половини 90-х років народження вказували розмовні варіанти улюблених чоловічих імен: Саша, Дима (Димон), Сережа (Серега), Коля, Женя (Жека), Влад, Костя, Ваня, Рома, Макс, Вова, Толик, тоді коли старше покоління вказувало тільки повні, нормативні форми імен.

Як у виборі улюбленого імені, так і у причинах вибору імені між молодшим та старшим поколінням є розбіжності. Опитування показало, що головним чинником у симпатіях до певного імені у респондентів 40-х, 50-х, 60-х, 70-х років народження є те, що воно належить близькому родичу (батькові, сину, чоловіку та ін.). Близько 25% опитаних приділяють увагу значенню та походженню імені, і цей чинник займає 2-ге місце. Інші причини, які наводилися даними групами, підтримувались невеликою кількістю осіб. До таких причин належать милозвучність імені, його легкість у вимові (Максим, Илья); зв'язок з історією (Александр, Николай, Константин), відношення імені до видатної особи – літературного героя, кіногероя, святого (Андрей – герой роману Л. М. Толстого «Війна і мир» Андрій Волконський, Кирилл – киноактор Кирил Лавров); певні асоціації до імені (Александр – асоціація з шляхетністю, Никита – асоціація з силою, красою і шляхетністю); улюблене ім'я належить знайомому, другу або людині, яка залишила помітний слід у житті респондента. Останнє місце займають модні тенденції.

Третя та четверта вікові групи виділяють такі самі причини вибору улюбленого імені, що і перші дві групи. Але по значущості вони займають інші місця. Істотна більшість жіночої половини респондентів називає улюбленим те чоловіче ім'я, яке належить коханій людині. Друге місце (стосовно

респондентів і жіночої і чоловічої статі) посідає звучання певного імені (Максим, Олег, Николай, Андрей). Третє місце – асоціація імені з певними рисами зовнішнього вигляду або характеру (Александр – символізує силу, розум, могутність; Сергей – асоціюється з незвичайною людиною, Руслан – з романтикою). Декому подобається ім'я тому, що воно носить відтінок давнини (Ярослав, Даниил, Святослав, Глеб, Олег), іншим подобається те, що ім'я досить рідкісне (Аксентий, Левон, Самвел). Звичайно, респонденти і в молодших вікових групах однією з причин симпатій до певного імені називають ту, що це ім'я належить рідній людині (батькові, діду чи братові). Таким іменам, як Джеки і Евгений, декілька респондентів симпатизують тому, що це імена актора Джеки Чана і героя однойменного роману О. С. Пушкіна Євгенія Онегіна. Майже все анкетовані чоловічої статі улюбленим чоловічим ім'ям називають своє власне ім'я.

Незважаючи на велику кількість різних причин, за якими симпатизують тим чи іншим іменам, є один, загальний для усіх анкетованих, чинник – це те, що всім без винятку подобаються імена, які мають позитивну оцінку, будь то асоціація з чим-небудь, спогади або значення самого імені. Навряд чи знайдеться людина, яка улюбленим ім'ям назве ім'я свого ворога або ім'я людини, з якою пов'язані погані спогади.

Як видно з опитування, кожна з вікових груп характеризується різноманітністю репертуару чоловічих імен як на якісному, так і на кількісному рівнях. Симпатії кожної з них залежать від соціально- історичних, культурних процесів, сімейних традицій та естетичних смаків анкетованих. Спостереження показало, що тривалість певного антропоніма у розряді популярних майже завжди визначається ступенем його традиційності, рідше – модою.

Тема може бути продовжена як дослідження повного антропонімікону України, а також шляхом зіставлення українського антропонімікону з антропоніміконами інших слов'янських мов.

6.2 Эволюция мужского антропонимикона города Николаева с 1900-го по 2000-й год

Процессы становления и эволюции формулы именованного человека тесно связаны с обычаями и особенностями духовной культуры народа, его историей. Поэтому имена и фамилии украинцев являются одним из важных источников исследования языка, истории, материальной и духовной культуры нашего народа.

Основательное, всестороннее изучение украинской антропонимии в современной отечественной ономастике все отчетливее выдвигается в ряд актуальных проблем – как по сбору конкретного антропонимного материала, так и в решении комплекса теоретических вопросов. С этой точки зрения конкретный научный интерес представляет проблема динамики современного украинского именника, которая до сих пор относится к недостаточно изученным. Доказательством этого является отсутствие в украинистике монографических работ, посвященных проблеме динамики имен.

Учитывая то, что эволюция личных имен Николаева еще не стала объектом специального исследования, в предложенной научной работе делается попытка проанализировать состояние именника этого города за период 1900–2000 гг.

Источниками исследования послужили материалы Николаевского областного архива – алфавиты актовых записей православных церквей о рождении детей города Николаева, а также актовые записи о рождении из архива Николаевского областного ЗАГСа.

Центральная часть мужского именника

Антропонимикон города Николаева, как и любого другого города, постоянно меняется. Это зависит от многих причин. Для того чтобы проследить изменение состава и частотность личных имен жителей мужского пола города

Николаева, были изучены актовые записи о рождении за 1900, 1910, 1920, 1930, 1940, 1950, 1960, 1970, 1980, 1990, 2000 года.

Общее количество рожденных мальчиков за исследуемые годы составило 22110 человек. Им было дано 319 различных имен. Но на протяжении всего этого периода ежегодно количество имен, как и количество рожденных мальчиков, постоянно менялось. Наблюдается волнообразный характер в изменении численности мужских имен.

Большое разнообразие имен представлено в 1930 году – 132 имени. Меньше имен наблюдается в 1960 год – 52, хотя по рождаемости он занимает шестое место (2091 человек).

Наибольшее количество различных имен наблюдается в 1930 году, тогда как по рождаемости первое место занимает 1980, но он не отличается количественным разнообразием имен.

Популярность устойчивых имен то росла, под «давлением» социальных, политических событий, то резко снижалась. Абзац показывает, что имя которое, находится в одном году на последней позиции, в другом году становится самым популярным. И наоборот.

В 1900 году в пятерку лидеров вошли православные имена *Иван, Александр, Николай, Василий, Петр*. Это был первый и последний год, когда имя *Иван* заняло первое место, хотя первую пятерку оно не оставляло еще несколько лет. Имена *Леонид, Борис, Анатолий, Роман, Валентин* попали на последние позиции группы устойчивых имен.

В 1910 году состав первой и последней пятерки остается практически неизменным. Имя *Леонид* выходит из списка последних, и его заменяет *Евгений*. Меняются позиции имена *Александр* и *Иван*. *Валентин* вытесняет имя *Роман* на последнее 23 место, *Анатолий* становится на место имени *Борис* и занимает теперь 20 позицию.

В 1920 году резко увеличивается популярность имени *Владимир* (с двенадцатого места оно попадает на третье), *Петр* на девятую позицию. Состав имен, пользующихся наименьшей популярностью в этом году, пополняется именами *Андрей* и *Леонид*. Имена *Евгений* и *Анатолий* выходят из списка «отстающих».

В 1930 году имя *Николай* уступает первое место *Владимиру*; стремительно увеличивается популярность имени *Анатолий* (в 1920 году оно занимает 18-е место, а в 1930 году уже 2-е); достаточно нераспространенное в течение нескольких лет имя *Виктор* в этом году находится на 4-м месте. В «отстающую» пятерку попадают имена *Дмитрий*, *Федор*, *Алексей*. А *Роман* второй год подряд не сходит с последней 23-й позиции.

1940 не влечет за собой серьезных изменений. Состав последней пятерки, как и первой, не меняется, только изменилось местонахождение имен этой группы *Алексей* – 19-е место, *Дмитрий* – 20-е место, *Роман* – 21-е место, *Федор* – 22-е место, *Андрей* – 23-е место.

В 1950 году в состав первой пятерки возвращается имя *Николай* и вытесняет имя *Валентин*. Снижается популярность таких имен, как *Георгий* – 18-е место, *Григорий* – 16-е, *Борис* – 14-е, *Евгений* – 9-е. Зато увеличивается количество носителей имени *Сергей* (1940 год – 13-е место, а в 1950 году – 7-е место).

В 1960 году имя *Сергей* вошло в пятерку лидеров и впервые заняло первое место. За счет этого *Владимир* вновь стал занимать третье место. С каждым годом количество рожденных детей с именами *Константин* и *Дмитрий* увеличивается. В начале XX века имена *Григорий* и *Петр* относились к группе наиболее распространенных, а в 1960 и 1970 годах они входили в последнюю пятерку.

Популярность имен *Сергей*, *Александр*, *Владимир* в 1970 году остается неизменной: *Сергей* – первое, *Александр* – вто-

рое, *Владимир* – третье место. И родители часто выбирают имена *Андрей* (151 носитель) и *Дмитрий* (96 носителей). С 1970 года начинает расти популярность имени *Роман* (16-е место). Популярность имени *Евгений* стремительно растет.

В 1980 году имя *Евгений* попадает в пятерку лидирующих устойчивых имен, занимая четвертое место. На первую позицию возвращается имя *Александр* и уже к концу века остается лидером устойчивой группы. Последняя пятерка снова пополняется именами *Петр*, *Борис*, *Георгий*, *Андрей*. Выросла популярность имени *Алексей* (1970 год – 1,4%, 1980 год – 3,6%) и *Михаил* (1970 год – 1%, 1980 год – 2,1%). Имя *Николай* теряет свою популярность.

Аналогично снижается популярность таких имен, как *Василий*, *Георгий*, *Григорий*, *Петр*, *Федор*. График динамики имен, популярность которых снижается, показывает, что имена *Василий*, *Георгий*, *Григорий*, *Петр*, *Федор* часто давали детям только в начале века. Каждое из этих имен достигает наивысшей точки распространенности в определенном году (*Василий* – 1910 (8,2%), *Георгий* – 1920 (5,2%), *Григорий* – 1910 (5,2%), *Петр* – 1910 (5,7%), *Федор* – 1900 (3,1%), после чего начинается постепенное снижение популярности каждого из них. И в 2000 году количество носителей вышеупомянутых имен не превышает 2%.

Между динамикой устойчивых имен 1990 года и 2000 нет существенных различий. В 1990 г. в пятерку лидеров снова входит имя *Андрей*.

В числе «отстающих» имен в 1990 году проявляется снова *Леонид*, а также *Борис*, *Георгий*, *Петр*, *Федор*, что сохранили такое положение в последней пятерке с 1980 года. Православное имя *Иван*, количество носителей которого начинает падать после 1910 года, в 2000 году вновь становится популярным. Долгое время это имя считалось «сельским», и родители редко давали его своим детям.

Как видно из проанализированного выше материала, практически ни одно имя из группы устойчивых не имело стабильного положения. Только *Александр* имеет наиболее постоянную популярность (количество рожденных с этим именем не было меньше 86 человек и ниже третьего места среди сквозных имен оно не опускалось).

В 2000 году в состав первой популярной десятки вошли такие имена: *Александр* – первое место, *Владислав* – второе, *Дмитрий* – третье, *Андрей* – четвертое, *Максим* – пятое, *Никита* – шестое, *Сергей* – седьмое, *Артем*, *Андрей*, *Игорь* – восьмое, *Виталий*, *Олег* – девятое, *Владимир* – десятое. В течение одиннадцати десятилетий, с 1900 по 2000 гг. положение 31 имени в десятке лидеров постоянно менялось.

*Сравнительный анализ мужского
именника разных городов*

Имена людей – это часть истории народа. Антропонимия каждого города, региона, области или даже страны – это отдельная, самостоятельная система. Для сравнительного анализа мужского антропонимикона отдельных городов мы взяли доступные для нас данные городов Пензы, Измаила, Луцка и Николаева.

Сводные данные мужского именника Луцка за 1900–1995 года сделаны по материалам автореферата Скорук И. Д. «Динамика антропонимикона города Луцка в XX в. ». За период с 1900 по 1995 годы в первую десятку вошло 23 мужских имени: *Александр*, *Алексей*, *Анатолий*, *Андрей*, *Богдан*, *Борис*, *Василий*, *Валерий*, *Виктор*, *Владимир*, *Георгий*, *Дмитрий*, *Иван*, *Игорь*, *Константин*, *Максим*, *Михаил*, *Николай*, *Олег*, *Петр*, *Сергей*, *Роман*, *Юрий*. Но из этой частотной десятки ни разу не вышли только три имени: *Александр*, *Владимир*, *Сергей*.

Материал сводных данных именника города Измаила, расположенного на юге Украины (Одесская область), за 1890–1980 гг. Сделан на основе статьи Д. А. Жмурко «Динамика имен жителей города Измаила».

По сравнению с именником Луцка количество имен города Измаила, которые вошли в состав первой десятки, составило 32 единицы: *Александр, Алексей, Анатолий, Андрей, Борис, Валерий, Василий, Виктор, Виталий, Владимир, Владислав, Вячеслав, Георгий, Денис, Дмитрий, Захарий, Игорь, Илья, Иоанн, Константин, Максим, Михаил, Николай, Олег, Павел, Петр, Сергей, Симеон, Тимофей, Федор, Юрий*.

Девятнадцать из них совпало с именами этой же группы города Луцка.

Следующий антропонимичный анализ сделан на основе исследований, проведенных В. Д. Бондалетовым по городу Пенза в течение 1890–1960 гг. Пенза – русский город и находится в Среднем Поволжье. В составе первой популярной десятки города Пензы побывало 21 мужское имя: *Александр, Алексей, Анатолий, Андрей, Валерий, Виктор, Владимир, Вячеслав, Георгий, Григорий, Дмитрий, Игорь, Михаил, Николай, Олег, Павел, Сергей, Степан, Федор, Юрий, Яков*.

Устойчивую основу именника города создают два имени – *Александр* и *Владимир*.

Последний обобщающий анализ, сделанный по материалам мужского антропонимикона города Николаева за 1900–2000 гг. В группу имен, которые хоть один раз побывали в составе первой десятки, входит 31 антропоним: *Александр, Алексей, Анатолий, Андрей, Артем, Борис, Валентин, Валерий, Василий, Виктор, Виталий, Владимир, Владислав, Георгий, Григорий, Денис, Дмитрий, Евгений, Иван, Игорь, Леонид, Максим, Михаил, Никита, Николай, Олег, Павел, Петр, Сергей, Федор, Юрий*. Единственное имя, за все исследуемые годы не выходящее из популярной десятки, – *Александр*.

В системе мужской антропонимии выше изученных городов есть группы имен, чья популярность неоспорима: *Александр, Алексей, Анатолий, Андрей, Валерий, Виктор, Владимир, Георгий, Игорь, Михаил, Николай, Олег, Сергей, Юрий* – эти имена вошли в состав первой десятки городов Пензы, Луцка, Измаила и Николаева.

Имя *Александр* остается в составе частотной десятки в течение всего исследуемого периода в именнике всех городов за исключением Измаила (в городе Измаил нет ни одного имени, которое бы все годы оставалось в составе первой десятки).

Проанализировав материалы Николаевского областного архива – алфавиты актовых записей православных церквей о рождении детей города Николаева, а также актовые записи о рождении из архива Николаевского областного ЗАГСа за период с 1900 по 2000 гг., можно сделать следующие выводы.

Антропонимическая лексика со временем меняется. Однако изменения носят специфический характер и заключаются в основном в циклической заменяемости одной группы употребляемых имен другой. Статистика функционирующего набора имен отличается относительной стабильностью.

Самые заметные изменения именника, которые объясняются функциональным развитием его элементов (то есть изменения частотности имеющихся имен), происходят в центральной части (среди важнейших имен и широко используемых).

Состав мужских личных имен города Николаева значительно обновился: одни имена вышли из практического применения; другие, которые ранее не применялись или были малоприменимыми, вошли в обиход.

Состав мужского именника города Николаева в наше время пополняется за счет редких имен, которые весьма

разнообразны по характеру и происхождению. На их распространение или ограниченность влияли и продолжают влиять различные факторы: политические, культурные и др.

Антропонимия каждого города, региона, области или даже страны – это отдельная, самостоятельная система. Такие различия есть и в количественном и в качественном отношении. И это говорит о том, что любой населенный пункт имеет свою историю, свои традиции, свой уклад жизни, которые непосредственно влияют на популярность (или непопулярность) того или иного имени.

С уменьшением возраста информантов состав симпатий активно меняется: одни имена постепенно вытесняют другие; места архаизированных занимают новые наименования. Особенно отчетливо заметно расхождение во вкусах лиц старшего поколения и молодежи.

Мотивы выбора имени как лучшего в наших материалах оказались различными. Главной причиной, влияющей на степень популярности употребляемых имен, есть традиция. На степень привлекательности имени влияет и фоно-символика, фонетическая форма антропонима.

Проанализированный материал в целом свидетельствует, что мужские личные имена города Николаева являются неотъемлемой составляющей украинского общенационального антропонимикона.

6.3 Эволюция женского антропонимикона города Николаева с 1935 по 2005 годы

Рассмотрена проблема анализа женских антропонимов города Николаева за последние 80 лет, исследование которых является одним из источников изучения этнической истории народа в разные периоды, анализируются функциональные особенности антропонимов.

Антропонимы являются чуть ли не самой распространенной лексикой во все эпохи и у всех народов. Собственные имена можно отнести к лексемам, которые в изолированном виде выступают так называемыми знаками культуры, т. е. носителями определенной информации. В данной работе были проанализированы актовые записи о рождении девочек из архива Николаевского областного ЗАГСа за период с 1935 по 2005 гг. Анализ показал, что в современном антропонимиконе города Николаева имена, которые пришли в Украину из других языков, составляют больший процент, чем славянские или древнерусские имена. В основной своей массе это имена, пришедшие в Россию и Украину с принятием христианства, а также более поздние варианты этих имен: *Анна – Яна, Жанна; Анжела – Анжелика, Анжелина; Елена – Алена; Марфа – Марта*. Как правило, это имена древнерусского, древнееврейского, древнегреческого, латинского происхождения. Небольшая часть имен имеет германское происхождение: *Ада, Аделаида, Алина, Алла*. Также относительно небольшое количество в украинском именнике имен славянского происхождения. Среди них такие популярные именна, как *Вера, Надежда, Любовь, Людмила, Ярослава, Тамила*. Исконные для Украины женские имена постепенно были вытеснены именами, типичными для православной традиции.

В течение всего исследуемого периода каждый год количество рожденных девочек изменялось, также изменялось и количество имен. Наблюдается тенденция к умень-

шению количества используемых имен, которая, однако, приостановилась в последние десятилетия. Исследуемый материал показал, что нет прямой зависимости между количеством имен, используемых в один исследуемый год, и количеством рожденных в этот год девочек. Лидером по количеству родившихся девочек является 1985 год. Но по количеству имен 1985 год находится лишь на четвертом месте. Наибольшее же количество имен зафиксировано в 1935 году, в то время как рождаемость в этот год самая низкая за весь исследуемый период. Если же привести соотношение количества имен и количества рожденных девочек, то для 1935 года оно составит около 12 младенцев на одно имя, для 1985 года – 61 младенец на одно имя.

Антропонимический состав города постоянно обновляется. Каждый пласт имен имеет свою скорость обновления. Наиболее стремительно утрачиваемые и появляющиеся имена занимает пласт редкостных имен, в то время как центральная часть именника подвергается гораздо меньшим изменениям. Количество утраченных имен значительно превышает количество приобретенных. Фундаментальные же изменения претерпевает пласт популярных имен. Если сравнить десятку самых популярных имен 1935 года с наиболее популярными десятью именами 2005 года, увидим, что общими для двух этих срезов являются лишь два имени – *Анна и Мария*.

Сплошное исследование личных имен определенной территории, проведенное на протяжении длительного времени, дает возможность выявить диахронические изменения именника и основные действующие при этом тенденции. Динамика конкретного именника выражается в изменениях функционирования конкретных имен, а также в появлении новых структурных единиц и утрачивании старых. Однако именник относительно закрытая антропонимическая система, и новые элементы появляются в ней доста-

точно редко. Следовательно, самые значительные изменения в современном украинском и русском именнике происходят вследствие функционального развития его элементов, т. е. изменения частотности присутствующих в нем имен. Структурное обновление именника более заметно в его периферийной части (среди имен низкой частотности). Изменение именника города Николаева не происходит стремительно. Часто основная часть имен сохраняется на протяжении нескольких десятилетий, а новые имена прибывают постепенно, обычно сначала имея низкую частотность употребления.

Среди представленных в работе женских имен выделяются две группы имен. К первой группе мы отнесли имена, имеющие один пик популярности, т. е. те, что приобретают максимальную для данной единицы частоту употребления, а затем наступает период постоянного снижения его частотности. Другой тип – имена, имеющие многопиковую популярность. К ним относятся те антропонимы, частотность которых то возрастает, то уменьшается с разной периодичностью на протяжении исследуемых лет. Такое деление весьма условно, т. к. исследование охватывает относительно небольшой период – 80 лет. При более длительном исследовании может выясниться, что некоторые имена, которые мы отнесли к группе с одним пиком популярности, на самом деле имеют несколько пиков, при условии, что амплитуда изменения частотности захватывает несколько десятков лет.

В именнике города Николаева выделяются сквозные имена, используемые на протяжении всего исследуемого периода. Это группа так называемых стойких имен. Она включает в себя 15 единиц: *Анна, Валентина, Галина, Евгения, Жанна, Инна, Ирина, Лариса, Людмила, Мария, Надежда, Наталья, Ольга, Светлана, Татьяна*. На протяжении XX века их употребление было неравномерным. Популярность каж-

дого из этих имен то возрастала, то снижалась под воздействием разных политических и социальных событий. Группа прерывистых имен менее обширна. Она насчитывает 10 имен. Среди них такие имена, как *Александра, Анастасия, Антонина, Валерия, Вера, Екатерина, Любовь, Марина, Тамара, Юлия*. Эти имена то появлялись, то совсем исчезали на период от двух до четырех лет. Временные имена – имена, которые встречаются в течение нескольких лет в начале, в середине или в конце периода нашего исследования. Эта группа насчитывает 21 имя: *Алена, Алина, Ангелина, Алла, Берта, Вероника, Виктория, Дарья, Зинаида, Ивга, Кристина, Ксения, Лидия, Лилия, Майя, Оксана, Олеся, Раиса, Софья, Тамара, Яна*. Группа разовых имен, наиболее численная, представлена 90 единицами: *Алиса, Ангела, Анисия, Ася, Бася, Ванда, Василина, Вита, Гелла, Дана, Динара, Жаннетта, Злата, Иветта, Ираида, Камила, Лада, Луиза, Мара, Медея, Миля, Неонила, Паулина, Регана, Слава, Сталина, Фима, Фрида, Хана, Хейна, Эсфирь, Юлиана, Янина*.

Факторы, влияющие на избрание имени, следующие: родственная традиция, название ребенка в честь выдающихся людей, влияние моды, в честь выдающихся людей, влияние моды, совпадение дня рождения ребенка с праздником, милозвучность имени, легкость в произношении.

Литература

1. Алексеенко Г. Динаміка власних імен мелітопольців (на прикладі ХХ століття) // Урок української. – 2004. – № 10. – С. 26–28.
2. Горпинич В. О. Антропонімія Дніпровського Припоріжжя і сумісних регіонів України: монографія / В. О. Горпинич. – Дніпропетровськ, 2006. – 237 с.

6.4 Динамика женского именника города Николаева

Рассматривается проблема изучения динамики женского именника в южном регионе Украины, а именно – городе Николаеве. Антропонимикон – это особенный пласт лексики в любом языке, так как на него влияют социальный, политический и культурный факторы.

Антропонимикон города Николаева постоянно изменяется. Это зависит от множества причин. Для того чтобы проследить изменение состава и частотность употребления женских личных имен города Николаева были изучены актовые записи о рождении за 1935, 1945, 1955, 1965, 1975, 1985, 1995, 2005 годы. Для исследования были взяты именно эти годы, поскольку они представляют достаточно длительный период и охватывают несколько важных в истории народа событий, что должно было отразиться на составе именника. 1935 год характеризует антропонимию в послереволюционные и довоенные годы, 1945 год – ее состояние на момент окончания Великой отечественной войны. 1955 год – именник послевоенных лет. 1965, 1975, 1985 годы отражают динамику антропонимии во второй половине XX века вплоть до распада СССР. 1995 год дает представление об изменениях в женском именнике после объявления независимости Украины. 2005 год отражает состояние антропонимии на современном этапе.

В исследовании не рассматриваются годы с 1900 по 1934 по причине отсутствия актовых записей за эти годы в центральном отделении ЗАГСа.

Наше исследование ограничено каждым десятым годом, поскольку за десять лет в именнике происходят весомые изменения, которые должны подвергаться научному описанию. В то же время вычлененный из десятилетия год является срезом всего десятилетия.

Общее количество рожденных девочек за исследуемые годы составляет 16465 человек. Им было дано 210 разных имен. Однако в течение всего этого периода каждый год количество рожденных девочек изменялось, также изменялось и количество имен, которыми были названы младенцы в течение года. Наблюдается волнообразный характер в изменении количества имен, вместе с этим наблюдается тенденция к уменьшению количества используемых имен, которая, однако, приостановилась в последние десятилетия.

Наибольшее разнообразие имен представлено в 1935 году – 102 имени. Следует, однако, заметить, что по количеству рожденных девочек этот год занимает последнее восьмое место – 1205 человек.

В 1945 году наблюдается резкое падение количества имен – до 44 единиц, несмотря на то, что рождаемость в этот год гораздо выше – 2145 человек. Меньше всего имен представлено в 1955 году – 32 единицы. Вместе с тем рождаемость в этом году стоит на четвертом месте (2156 девочек). В 1965, 1975 гг. количество имен остается на том же уровне – 37 и 36 имен соответственно. Количество же новорожденных увеличивается: в 1965 году оно составляет 2156 девочек, в 1975 – 2205 девочек.

Мы видим, что тенденция к увеличению количества женских имен наблюдается в 1985 году – 55 единиц. Также наблюдается и всплеск рождаемости в этот год, по количеству родившихся девочек он занимает первое место – 3353 человека. Однако по количеству имен 1985 год находится лишь на четвертом месте. К тому же, если сопоставить этот год с лидером по количеству имен – 1935 годом, то соотношение количества имен и количества девочек для 1935 года составит около 12 младенцев на 1 имя, для 1985 года – 61 младенец на одно имя.

В 1995 году количество женских имен увеличивается – 67 единиц, несмотря на резкое падение рождаемости; по

этому показателю 1995 год занимает предпоследнее место. Количество рожденных девочек составляет 1346 человек. В 2005 году количество новорожденных увеличивается до 1481 человека, в то время как количество имен уменьшается на 9 единиц.

Заметим, что, несмотря на некоторое увеличение количества имен в период с 1955 по 1995, в целом наблюдается тенденция к уменьшению их численности и разнообразия.

Наряду с этим можно отметить, что вместе с исчезновением из именника имен, популярных в начале XX века, появляются имена новые, ранее не используемые в Украине. Как правило, и утраченные, и новые имена занимают пласт редкостных имен, в то время как центральная часть именника подвергается гораздо меньшим изменениям. Однако количество утраченных имен значительно превышает количество приобретенных.

Фундаментальные же изменения претерпевает пласт популярных имен. Если сравнить десятку самых популярных имен 1935 года с наиболее популярными десятью именами 2005 года, мы увидим, что общими для двух этих срезов являются лишь два имени – Анна и Мария.

Главное не в том, что то или иное имя употребляется в данный период, а в том, что его дают многим – каждому десятому или даже пятому младенцу. При таком изменении (не имени, а сферы его распространенности и употребляемости), если оно осуществляется сравнительно быстрыми темпами, имена детей в своей массе оказываются иными, чем имена родителей.

Сплошное исследование личных имен определенной территории, проведенное на протяжении длительного времени, дает возможность выявить диахронические изменения именника и основные действующие при этом тенденции. Динамика конкретного именника выражается в изменениях функционирования конкретных имен, а также в по-

явлении новых структурных единиц и утрачивании старых. Однако именник – относительно закрытая антропонимическая система, и новые элементы появляются в ней достаточно редко. Следовательно, самые значительные изменения в современном украинском и русском именнике происходят вследствие функционального развития его элементов (изменения частотности присутствующих в нем имен), а структурное обновление именника (появление абсолютно новых имен и архаизация ряда традиционных) более заметно в его периферийной части – среди имен низкой частотности.

При анализе конкретного именника принято выделять центральную его часть (наиболее употребляемые и частотные имена) и периферийную (имена редкие и единичные). В отдельную группу мы выделяем также прерывистые имена и временные.

Самые заметные изменения происходят в центральной части именника – среди наиболее популярных и частотных имен, а также среди прерывистых, которые то появляются в именнике, то выходят из его состава.

Колебания, которые наблюдаются в практике использования отдельных имен в отдельные периоды, обусловлены общим подъемом культуры и образования, что определяет индивидуальные вкусы и потребности в области личных имен. Более строгим закономерностям подчиняется статистическая (количественная) структура именника – строение его более употребляемой и менее употребляемой частей.

О составе и частотности имен в каждом исследуемом году за восемь лет можно судить по приведенным сведениям.

Все 210 имен использовались неравномерно: одни присутствуют на протяжении всех лет (стойкие или сквозные имена), другие с перерывами от двух до четырех лет (прерывистые имена), третьи были популярны только несколько лет подряд в начале, середине или конце исследования (временные имена). Также представлены разовые имена, которые встречались в одном году из исследуемых

восьми, (чаще всего носителем такого имени становился один человек) или в нескольких годах, но количество их носителей не превышает десяти человек.

Имена были разделены на четыре группы:

1. Стойкие или сквозные имена.
2. Прерывистые имена.
3. Временные имена.
4. Разовые имена.

Группа стойких имен включает в себя 15 единиц (7,1% от всех представленных за восемь лет имен): Анна, Валентина, Галина, Евгения, Жанна, Инна, Ирина, Лариса, Людмила, Мария, Надежда, Наталья, Ольга, Светлана, Татьяна. На протяжении XX века их употребление было неравномерным. Популярность каждого из этих имен то возрастала, то снижалась под воздействием разных политических и социальных событий.

Имя Анна является одним из наиболее популярных на протяжении всех восьми лет. В 1935, 1975, 2005 годах оно входит в десятку наиболее популярных имен, в 1985 и 1995 годах это имя занимает второе и третье по популярности места соответственно. В период с 1945 по 1965 год имя Анна находится не далее пятнадцатого места.

В 1935 году имя Анна находится на шестом по популярности месте, частота употребления составляет 58 единиц в год, что приравнивается к 4,8% от всего количества имен, которыми были названы девочки в этом году. В 1945–1965 годы частотность употребления имени снижается в среднем до 2,5%. В 1975 наблюдается небольшое повышение популярности имени до 3,3%, в этом году имя Анна занимает десятое место. Наибольшее количество носительниц этого имени зафиксировано в 1985 году, доля от общего количества имен в этот год составляет 9,6%.

В 1995 и 2005 годах наблюдается тенденция падения популярности имени, которое, однако, происходит доста-

точно медленно: в 1995 году именем Анна было названо 7,1% девочек, в 2005 – 4,7%.

Имя Валентина находилось на пике популярности в период с 1935 по 1955 год. В 1935 году количество новорожденных девочек, названных этим именем, составляет 10,5%, что обеспечивает ему первое место в списке частотности. В 1945 году частотность употребления имени еще более возрастает – до 13,1%, однако с первого места имя Валентина вытесняется более популярным именем Людмила. В 1955 году имя является третьим по популярности, им было названо 7,5% девочек.

Резкое падение популярности имени Валентина наблюдается в 1965 году, им названы лишь две девочки. Далее, вплоть до 2005 года количество носительниц этого имени не превышает 1% от общего количества имен, употребленных в год.

Схожие тенденции наблюдаются при рассмотрении динамики имени Галина. Имя занимает четвертое по популярности место в 1935, 1945 годах, частотность его употребления составляет 5,5% и 8,4% соответственно. Начиная с 1955 года, происходит медленное падение популярности имени. В этом году оно находится на девятом месте, частотность его составляет 4,5%. В 1965 году количество девочек, названных именем Галина, равно 1,5%. Начиная с 1975 года, частотность имени не превышает 1%.

Имя Евгения на протяжении XX века ни разу не входило в десятку популярных имен. Однако это имя является стойким в именнике города Николаева, поскольку каждый год, за исключением 1945 года, этим именем называлось несколько девочек.

В 1935 году именем Евгения было названо 9 младенцев, что составляет 0,7% от общего количества имен. В 1955 году количество носительниц этого имени увеличилось до 27 человек (1,3%). В 1965, 1975 годах именем были названы

всего две девочки, по одной в год. Популярность имени резко возрастает в 1985 году до 1,9% (63 единицы) и частично сохраняется до 1995 года – 1,3% (17 единиц). В 2005 году частотность имени вновь снижается до двух единиц.

Имя Жанна также достаточно редко для Николаева, но оно стабильно употреблялось каждый год вплоть до 2005 года. Наиболее популярным оно было в 1935 году, когда его частотность составляла 10 единиц (0,8%). Далее его популярность резко упала и в последующие годы количество девочек-младенцев, названных именем Жанна, не превышало двух единиц.

Скачкообразную динамику имеет имя Инна. В 1935 году количество названных этим именем младенцев составляет 10 человек (0,8%). В 1945 году именем Инна называли всего одну девочку, а в 1955 году не зарегистрировано ни одного ребенка с этим именем. В 1965 году наблюдается резкий скачок популярности имени, частота его употребления в этом году составила 62 единицы (2,8%).

В 1975 году популярность имени снова падает до 0,7% от общего количества имен. В этот год именем Инна называют 17 девочек. В 1985 году количество зарегистрированных под этим именем младенцев увеличивается до 112 (3,3%). В 1995 году это количество снова уменьшается до 15 человек (1,1%), а в 2005 году именем Инна названа всего одна девочка.

Имя Ирина появляется в именнике города Николаева с 1945 года. В этом году им была названа лишь одна девочка, однако уже в 1955 году наблюдается резкий скачок популярности имени до 5,2% (112 единиц), а в 1965 году частотность имени достигает 14,1% (311 единиц).

В 1975 году популярность имени падает до 7,3%, в этот год именем Ирина называют 187 девочек. Падение частотности приостанавливается в 1985 году. Количество младенцев, зарегистрированных под именем Ирина, составляет

251 человек (7,5%). Затем продолжается снижение частоты употребления имени, в 1995 году она составляет 4,5% (60 единиц), в 2005 году – 2,1% (31 единица).

Имя Лариса имело популярность с 1935 по 1975 год. В 1935 году частота употребляемости имени составляет 14 единиц в год (1,2%), в следующем десятилетии она возрастает до 98 единиц (4,6%), а в 1955 году – до 122 единиц (5,7%).

Популярность имени сохраняется на том же уровне и в 1965 году – 5,5%, под этим именем зарегистрирована 121 девочка. В следующем же десятилетии частота употребления имени снижается до 3,3% (85 единиц). Начиная с 1985 года, частотность имени Лариса не превышает 0,15%.

Тенденция к убыванию наблюдается в динамике имени Людмила. В 1935, 1945 годах оно находится на пике популярности, имея частотность 7,8% (94 единицы) и 13,2% (284 единицы) соответственно. Начиная с 1955 года, популярность имени постоянно снижается, в этот год она составляет 6,9% (149 единиц), в 1965 году она уменьшается до 3,8% (84 единицы), в 1975 году – до 2,3% (60 единиц). В 1985 году в именнике города Николаева отмечено 49 девочек, получивших имя Людмила, что составляет 1,5% от общего количества имен этого года. Начиная с 1995 года, частотность имени не превышает 1%.

Имя Мария за исследуемый период имело два пика популярности. В 1935 году оно является десятым по популярности в городе Николаеве, его частотность равна 2,7%, именем названы 33 девочки. В 1945 году количество младенцев, зарегистрированных под этим именем, увеличивается до 39 человек, однако рождаемость в этом году гораздо выше, следовательно, частотность снижается до 1,8%. В 1945 году имя встречается 29 раз, что составляет 1,3% от всего количества имен этого года, а в 1965 именем Мария не названа ни одна девочка. В 1975 году имя снова становится популярным, частота его употребления равна 48 единицам

(1,9%), а в 1995 году она составляет 91 единицу (2,7%). В 2005 году популярность имени еще более возрастает. Им называют 95 младенцев женского пола, что равняется 6,4% от всех имен этого года.

Схожую динамику имеет имя Надежда. В 1935 году им было названо 2,9% младенцев. Частотность имени сохраняется и даже несколько возрастает в два следующих десятилетия, в 1945 году она составляет 3%, в 1955 году – 3,8%.

В 1965 году в актах регистрации младенцев имя отсутствует, но в 1975 году оно снова достаточно популярно, частотность его составляет 30 единиц (1,2%), а в 1985 году – 48 единиц (1,9%). В 1995 году именем Надежда названо 16 девочек – 1,2% от всех имен этого года. В 2005 году под этим именем регистрируют всего две девочки.

Одним из наиболее популярных имен в середине XX века было имя Наталья. В 1935 году популярность его не слишком высока – 0,6% от всех имен этого года (7 единиц). В 1945 году именем названо 47 девочек (2,2%). Однако уже в 1955 году число младенцев, получивших это имя, составляет 314 человек – 14,6%, имя занимает второе место по популярности. В 1965 году оно находится в пятерке наиболее часто используемых, частотность имени составляет 10,9% (241 единица). А в 1975 году имя Наталья является самым популярным среди всех имен этого года – 14,8% (381 единица).

В 1985 году имя опускается на шестое место в списке частотности, ему принадлежат 7,1% – 237 единиц. Популярность имени падает в 1995 году, им называют 39 девочек (2,9%). А в 2005 году именем Наталья названо всего два младенца.

Имя Ольга находится в списке десяти популярных имен в период с 1945 по 1995 год. В 1935 году это имя дают 27 девочкам (2,2%), в 1945 году число младенцев женского пола, названных именем Ольга, увеличивается до 92 человек (4,8%), в 1955 – до 103 человек (4,8%). А в 1965 году имя

достигает пика своей популярности – 9,2% от всех имен этого года (202 единицы).

В 1975 году доля популярности имени составляет 6,1% (156 единиц), в 1985 году – 8,4% (280 единиц). С 1995 года популярность имени начинает падать, в этом году она составляет 3,8% (51 единица), в 2005 году – 1,4% (21 единица).

Имя Светлана за 20 век имело два пика популярности – в 1945 и 1965 годах. В 1935 году оно встречается 30 раз – 2,4% от общего количества всех имен в год. В 1945 году количество младенцев, названных именем Светлана, резко увеличивается до 273 (12,3%).

Затем, в 1955 году, популярность имени снижается до 3,7% (79 единиц). А в 1965 вновь возрастает до 11,6% (255 единиц). В 1975 году численность имени снижается до 8,1% (209 единиц), в 1985 году – до 2,7% (91 единица). В 1995 году младенцев, получивших имя Светлана, насчитывается 27 человек (2%), в 2005 году их количество снижается до 19 (1,3%).

Имя Татьяна было очень популярно с 1945 по 1995 год. В 1935 году число девочек, названных этим именем, было относительно невелико – 14 человек (1,2%), однако уже в 1945 году оно увеличивается до 76 человек (3,6%). В 1955 году имя Татьяна является самым популярным, оно занимает 16% от всех имен этого года (347 единиц). В следующем десятилетии оно уступает только имени Елена в списке популярности, именем названо 312 человек (14,1%). В 1975 году имя также занимает второе по частотности место, оно встречается 354 раза – 13,85% от всех имен этого года.

В 1985 году популярность имени снижается до 5,4% (182 единицы), в 1995 году – до 4,8% (64 единицы). А в 2005 году количество младенцев, зарегистрированных под именем Татьяна, составляет 44 человека – 3% от всех имен этого года.

Группа прерывистых имен менее обширна. Она насчитывает десять единиц – менее 5% от всех имен, представ-

ленных в именнике города Николаева в период с 1935 по 2005 год. Среди них такие имена, как Александра, Анастасия, Антонина, Валерия, Вера, Екатерина, Любовь, Марина, Тамара, Юлия. Они то появлялись, то совсем исчезали на период от двух до четырех лет.

Эти имена близки к устойчивым, так как встречаются на протяжении многих лет и количество лет, в которых они не использовались, незначительно.

Имя Александра было достаточно популярно в 1935, 1945 годах. Количество девочек, зарегистрированных под этим именем, составляет 33 человека (2,7%) в 1935 году и 89 человек (4,1%) в 1945 году. Затем имя исчезает из именника на одно десятилетие, и появляется в 1965 году, насчитывая 1,4% от всех имен этого года (31 единицу). В 1975 году имя вновь отсутствует, но уже в 1985 году оно составляет 0,6% от имен, употребленных в этом году (21 единица). В следующие два десятилетия численность имени возрастает, в 1995 году она равна 2,5% (34 единицы), в 2005 году – 5,5% (82 единицы).

Очень непопулярно в именнике первой половины XX века имя Анастасия. В 1935 году им названо всего две девочки, затем имя вовсе исчезает на 3 десятилетия. В 1975 году под именем Анастасия был зарегистрирован один младенец. Однако с 1985 года ситуация меняется коренным образом, в этом году популярность имени достигает 4,8% (160 единиц). В 1995 году частота его употребления возрастает до 10,8% (146 единиц), а в 2005 году – 12,3% (183 единицы).

Имя Антонина появлялось и исчезало в списке имен города Николаева несколько раз. В 1935 году так было названо 0,8% от всех рожденных девочек – 10 человек. В 1945 году встречается всего одна Антонина. В 1955 году имя исчезает, в 1965 году зафиксирован один случай его употребления, а в 1975 году имя вновь отсутствует. В 1985 году частотность имени составляет 0,8% (28 единиц), а в 1995 году –

0,15% (две единицы). В 2005 году имя вновь исчезает из именника.

Имя Валерия встречается в именнике практически каждый год, за исключением 1945 и 1955 годов, однако частотность его достаточно низкая. В 1935, 1965 и 1975 годах зафиксировано всего по одному случаю его употребления. Частотность имени увеличивается с 1985 года, в этот год она составляет 35 единиц (1%), в 1995 году возрастает до 52 единиц (3,9%), в 2005 году – до 71 единицы (4,8%).

Популярность имени Вера на протяжении XX века также была низкой. Лишь в 1935 году частотность его достаточно высока – 2,7% (32 единицы). В период с 1945 по 1965 год имя отсутствует в антропонимиконе города Николаева. В 1975 году именем Вера была названа одна девочка. Немного возрастает частотность имени в 1985 году – 21 единица (0,6%), но уже в 1995 году снижается до двух единиц. В 2005 году имя вновь исчезает из именника.

Популярным по сей день остается имя Екатерина. Частота его употребления в 1935 году составляет 10 единиц (0,8%), в 1945 году – 36 единиц (1,7%). Однако в середине XX века жители города забывают об этом имени на два десятилетия. В 1975 году оно вновь возвращается в антропонимикон города Николаева, имея частотность 1,7% (43 единицы). В 1985 году популярность имени возрастает до 5,8% (196 единиц), в 1995 году – до 7,5% (101 единица). В 2005 году частота употребления имени Екатерина равна 6,3% (94 единицы).

Имя Любовь было крайне популярно в середине XX века. В 1935 году численность его составляет 1,8% (22 единицы), в 1945 году она равна 1,7% (36 единиц). Наибольшей популярности имя достигло в 1955 году – 5,9% от общего количества имен этого года (127 единиц). В 1965 году частота употребления имени вновь снижается до 1,8%, а в 1975, 1985 годах им не называют ни одну девочку. Появля-

ется в антропонимиконе имя в 1995 году, однако популярность его достаточно низкая – 0,7% (9 единиц), в 2005 году она составляет 0,5% (8 единиц).

Два раза исчезает из именника города Николаева имя Марина – в 1945 и 1965 годах. Однако и в те годы в середине прошлого века, в которых оно фигурирует (1935 и 1955 годы), случаи употребления его единичны. Популярность имени начинает возрастать с 1975 года, в этом году частотность его составляет 0,9% (24 единицы), а в 1985 году – 3,8% (129 единиц). В 1995 году имя используется с частотой 3% (41 единица), в 2005 году оно встречается 20 раз (1,4%).

Имя Тамара более популярно в первые годы нашего исследования, теряет численность к концу XX века. Популярность имени в 1935 году составляет 10% от общего количества имен этого года, им называют 120 девочек. В 1945 году частота употребления имени снижается до 3% (65 единиц), в 1955 году – до 2,9% (63 единицы). В 1965 году оно насчитывает всего две единицы. Имя исчезает из именника в 1975 году. В 1985 году оно встречается один раз, а в 1995, 2005 годах вовсе не используется.

Популярность имени Юлия приходится на конец XX – начало XXI веков, до 1975 года имя было достаточно редким. В 1935 году оно насчитывает 2 единицы. В 1945 году имя не встречается ни разу, единично его появление в 1955 году, и уже в 1965 году имя вновь пропадает из именника. Однако же в 1975 году популярность имени Юлия достигает 3% (78 единиц), а в 1985 году частотность имени равна 7,5% (252 единицы). В 1995 году имя встречается 77 раз (5,7%), в 2005 году – 45 раз (3%).

Временные имена – это имена, которые встречаются в антропонимиконе города Николаева не постоянно, а в течение нескольких лет в начале, в середине или в конце нашего исследования. Эта группа насчитывает 21 имя – 10% от имен, представленных в исследовании. Это имена Алёна,

Алина, Ангелина, Алла, Берта, Вероника, Виктория, Дарья, Зинаида, Инга, Кристина, Ксения, Лидия, Лилия, Майя, Оксана, Олеся, Раиса, Софья, Томила, Яна.

Имя Алёна фигурирует в именнике в 1985 и 2005 годах. В 1985 году численность его составляет 1% от количества всех имен этого года – 34 единицы. В 2005 году оно встречается 32 раза, что равно 2,2%.

Один раз в 1935 году встречается имя Алина. Затем имя появляется в 1985 году, случай его употребления в этот год также единичен. Но в 1995, 2005 годах имя набирает популярность – 2,7 % (36 единиц) и 3,9% (58 единиц) соответственно.

Имя Ангелина встречается лишь в один год нашего исследования – 2005. Однако количество девочек, названных этим именем, достаточно велико, оно составляет 30 единиц – 2% от общего количества имен этого года.

Популярным в период с 1935 по 1985 год было имя Алла. В 1935 году оно встречается 65 раз (5,4%), в 1945 году – 50 раз (2,3%), в 1955 году – 61 раз (2,8%). До двух единиц снижается численность имени в 1965 году. В 1975 году именем Алла называют 1% девочек (25 человек). В 1985 зафиксирован один случай употребления имени.

Имя Берта встречается лишь в 1935 году. Численность его составляет 0,9%, что равно 11 единицам.

С 1975 года в антропонимикон города входит имя Вероника. В этот год оно встречается один раз. В 1985 году имя не используется ни разу. В 1995 году численность имени составила 1,5% (20 единиц), в 2005 году – 3,8% (57 единиц).

Имя Виктория появляется в именнике города Николаева с 1955 года. В этот год так называют одну девочку, но уже в 1965 году численность его составляет 2,4% (54 единицы), а в 1975 году – 3,5% (91 единица). В 1985 году имя встречается 98 раз (2,9%). Частотность его в 1995 году равна 5,3% (71 единица), в 2005 году – 4,8% (71 единица).

В 1975 году в употребление входит имя Дарья. В этом году оно встречается 1 раз, но уже в 1985 году частотность его составляет 2,1% (70 единиц). В 1995 году имя используется 44 раза (3,3%), в 2005 году – 69 раз (4,7%).

Имя Зинаида было популярно в 1935 и 1945 годах. Численность его в 1935 году составляет 15 единиц (1,2% от общего количества имен года), в 1945 году имя встречается 38 раз (1,8%).

В 1935 году в именнике города фигурирует редкое имя Инга. Однако в этот год имя достаточно популярно, в актовых записях оно встречается 16 раз, что составило 3,2% от общего количества имен этого года.

Имя Кристина появляется в 1975 году. Интересен тот факт, что ни за один год нашего исследования не встречается русская форма этого имени – Христина, а используется лишь более поздняя его форма, пришедшая из стран Европы. В 1975 году именем Кристина были названы две девочки, в 1985 году количество зарегистрированных под этим именем младенцев возрастает до 40 человек. В 1995 году частотность имени составляет 2,5% (33 единицы), в 2005 году – 2,2% (33 единицы).

С 1965 года начинает использоваться имя Ксения. В этом году так называют двух девочек. В 1975 году имя на время забывается, а в 1985 и 1995 годах оно встречается по одному разу. В 2005 году популярность имени возросла до 1,4% (20 единиц).

Имя Лидия встречается в период с 1935 по 1985 год. В первые два десятилетия исследования оно особенно популярно. Частотность его в 1935 году составляет 3,9% (47 единиц), в 1945 году – 5,9% (127 единиц). В 1955 году она снижается до двух единиц, а в 1965 году именем названа всего одна девочка. В 1975 году на имя Лидия приходится 0,7% от общего количества имен этого года (18 единиц). В 1985 году количество употреблений имени составляют две единицы.

В период с 1935 по 1975 год в именнике фигурирует имя Лилия. В 1935 году оно встречается 13 раз, что равно 1,1% от общей массы имен этого года. В 1945 году частотность имени повышается до 1,8% (38 единиц), а в 1955 году она составляет 1,3% (28 единиц). Всего два случая употребления имени зафиксировано в 1965 году. В 1975 году именем Лилия названо 1,6% младенцев-девочек (41 человек).

Имя Майя отмечено в 1935, 1945 годах с частотностью 1,1% (13 единиц) и 2,1% (46 единиц) соответственно. Также один случай употребления имени зафиксирован в 1995 году.

С середины и до конца XX века имеет некоторую популярность имя Оксана. В 1955 году именем названа одна девочка, в 1965 году под ним было зарегистрировано два человека. Но в 1975 году популярность имени стремительно возрастает до 9,1% (234 единицы). В 1985 году частотность имени составляет 1,9% (63 единицы), в 1995 году – 1,4% (19 единиц).

В три исследуемых года встречается имя Олеся. В 1975 и 1995 годах имя фигурирует по одному разу. В 2005 году им было названо 0,7% родившихся девочек (10 человек).

С 1935 по 1955 год было популярно имя Раиса. В 1935 году именем назвали 0,9% младенцев женского пола (11 человек). В 1945 году частотность имени равна 2,1% (45 единиц), в 1955 году – 1,7% (37 единиц).

Имя Софья встречается в первый и последний годы нашего исследования. В 1935 году частота употребления имени составила 0,7% (8 единиц). В 2005 году имя приобрело достаточную степень популярности – 6,5% (96 единиц).

Славянское имя Томила появляется в Николаевском антропонимиконе лишь в 1965 году. Однако численность его достаточно велика – 1,3% (29 единиц).

С 1975 года в употребление входит имя Яна. В первый год своей популярности оно имеет численность 0,7% (18 единиц). В 1985 году частотность имени повышается до

1,8% (61 единица). В 1995 году удельный вес имени составляет 1,5% (20 единиц), в 2005 году – 1,4% (20 единиц).

Группа разовых имен наиболее многочисленная среди всех, в ее состав входят 90 единиц – 42,9% от всех имен, представленных в исследовании. Эти имена встречались в одном году из исследуемых восьми (чаще всего носителем такого имени становился один человек) или в нескольких годах, но количество их носителей не превышает десяти человек.

Разовыми именами в антропонимиконе города Николаева являются Агата (2005), Алевтина (1965, 1975, 1985), Алика (2005), Алиса (1985), Альвина (1935, 1965), Ангела (1935), Анжела (1965, 1985), Анжелика (1965), Анисья (1945), Анфиса (1935, 1985), Арина (1985, 2005), Ася (1935), Бася (1935), Бэлла (1935, 1945), Ванда (1945), Василина (2005), Виолетта (1945, 1985, 1995, 2005), Вита (1995), Виталия, (1985) Влада (1995), Владислава (1985, 2005), Владлена (1985, 1995, 2005), Гелла (1935), Генриетта (1935), Дана (1985), Дина (1935, 1945, 1995), Донара (1935), Дора (1935), Евдокия (1935), Жанетта (1935), Злата (2005), Зоя (1935, 1955, 1995), Иванна (2005), Иветта (1935), Ида (1935), Илона (2005), Инга (1965, 1985), Инесса (1955, 1965, 1975), Ираида (1945), Камила (2005), Каролина (1995, 2005), Кира (1935), Клавдия (1935, 1945, 1985), Клара (1935, 1945), Лада (1935), Лена (1935), Лиана (1965, 1985), Лилианна (1945), Лина (1995), Лина (1955), Лора (1935), Луиза (1995), Люся (1935), Магдалина (1935), Мара (1935), Марианна (1935, 1985, 2005), Марионилла (1935), Марта (1935), Медея (1975), Мелания (1945, 1995, 2005), Миля (1945), Мира (1935), Мэри (1935), Нелли (1935, 1965, 1975, 1995), Неонила (1935), Ника (1935, 1995), Нонна (1935, 1975, 1985), Параска (1935), Паулина (1935), Пелагея (1935), Полина (1935, 2005), Поля (1935), Регана (1935), Регина (1935, 1995), Рената (1995, 2005), Римма (1935, 1995), Рита (1935, 1955, 1995), Роза (1935), Розалия (1935), Руслана (1995), Сарра (1935),

Севилия (1935), Сима (1935), Слава (1945), Снежана (1995, 2005), Сталина (1945), Сусанна (1985), Сюзанна (1995, 2005), Таисия (1935, 2005), Ульяна (1995, 2005), Файя (1935), Фима (1935), Фрида (1935), Фрима (1955), Хана (1935), Хейна (1935), Эвелина (1955, 1995), Элеонора (1935, 1995), Элина (1985), Элла (1935, 1945), Эльвира (1935, 1945, 1995), Эмилия (1935, 1995), Эмма (1935, 1945, 1965), Эля (1935), Эсфирь (1935), Юлиана (1995), Явдоха (1935), Ядвига (1935), Янина (1985, 1995), Ярославла (1985, 1995).

Популярные женские имена города Николаева

В 1935 году в пятерку лидеров вошли имена Валентина, Тамара, Людмила, Галина, Алла.

Имя Валентина занимает первое место, в дальнейшем оно навсегда утрачивает позиции лидера, но первую пятерку имя не покидало до 1955 года.

Имена Екатерина, Инна, Нина, Жанна, Антонина оказались на последней позиции в этот год. В дальнейшем имя Екатерина приобретает большую популярность. Имена Инна и Жанна навсегда исчезают из числа популярных имен.

Имя Инна вновь появляется в десятке популярных имен в 1965 году. В 1975 году популярность имени снижается до двадцать третьего места, а в 1985 году имя отсутствует в списке популярных имен. В 1995 году имени вновь принадлежит двадцать третье место, а в 2005 году имя не употребляется.

Имя Антонина в период с 1945 по 1955 годы не употребляется, в 1985 году оно стоит на двадцать четвертом месте. А с 1995 года и по сей день имя вновь утрачивает свою популярность.

Центральную часть среди популярных имен 1935 года составляют имена Анна, Лидия, Инга, Елена, Надежда, Мария, Александра, Вера, Светлана, Ольга, Любовь, Зинаида, Лариса, Татьяна, Лилия, Майя, Раиса, Берта.

Основная масса этих имен принадлежит к пласту стойких имен – Анна, Лариса, Мария, Надежда, Ольга, Светлана, Татьяна. Имя Анна входило в десятку самых популярных имен во все исследуемые годы, за исключением 1945, 1955 годов. Имя Лариса ни разу не покидало списка десяти самых частотных имен в период с 1935 по 1975 год. Начиная с 1985 года, имя становится непопулярным, хотя и употребляется с небольшой частотностью. Имя Надежда в 1935 году занимает десятую по частотности позицию. С 1945 года имя навсегда покидает десятку популярных имен. Имя Мария в два следующих десятилетия находится в числе последних в списке популярности имен. В 1965 году имя отсутствует в списке. В 1975–1995 годах имя вновь переходит в центральную часть списка, а в 2005 году оно занимает третье место. Имя Ольга входило в список наиболее популярных имен все последующие годы вплоть до 1995 года. Имя Светлана в дальнейшем то поднималось в рейтинге до третьего места, то располагалось в центральной части списка популярных имен, однако ни разу за все исследуемые годы его не покидало. Имя Татьяна также не исчезало из списка частотных имен, в 1955–1975 годах популярность его достигала 1–2 места.

К прерывистых именам относятся три антропонима этого среза – Александра, Вера, Любовь. Имя Александра было в списке частотных имен в 1945, 1965 годах, а также в период с 1985 по 2005 год. Имя Вера в дальнейшем лишь один раз появляется в списке частотных антропонимов – в 1985 году, заняв 25 место. Имя Любовь присутствует в этом списке до 1965 года включительно.

Имена Лидия, Лилия, Зинаида, Майя, Раиса, Берта относятся к временным именам. А имя Инга встречается лишь в один рассматриваемый год.

В 1945 году пятерка популярных имен включает в себя имена Людмила, Валентина, Светлана, Галина, Лидия. Среди

них три имени были столь же популярны в прошлом десятилетии – Валентина, Галина, Людмила. Однако имя Валентина снижается с первого на второе место. А лидером по популярности становится имя Людмила, которое в 1935 году занимало третье место. Имя Галина остается на том же, четвертом месте.

Поднимается частотность имен Светлана и Лидия. Имя Светлана перемещается с четырнадцатой на третью позицию. Популярность имени Лидия повышается с седьмого места до пятого.

Закрывают список популярных антропонимов имена Мария, Зинаида, Лилия, Любовь, Екатерина. Повторяется в этом списке лишь имя Екатерина, однако положение его гораздо выше по отношению к предыдущему десятилетию.

Центральную часть популярных имен этого года составляют имена Лариса, Ольга, Александра, Татьяна, Тамара, Елена, Надежда, Анна, Алла, Наталья, Майя, Раиса. Сопоставив этот список с аналогичным списком предыдущего рассматриваемого года, отметим, что большая часть имен повторяются – Лариса, Ольга, Александра, Татьяна, Елена, Анна, Майя, Раиса. Это свидетельствует о том, что динамика именника не происходит стремительно. Для полного обновления списка имен одной группы понадобится несколько лет.

Появляются также и новые имена – Алла, Наталья. Имя Алла перемещается в эту группу из пятерки наиболее популярных имен, то есть популярность имени снижается. Частотность же имени Наталья, наоборот, возрастает с семи до сорока семи случаев употребления.

В то же время исчезают имена Ивга, Мария, Вера, Светлана, Любовь, Зинаида, Лилия, Майя, присутствовавшие в этой группе в прошлом десятилетии. Популярность имени Светлана возрастает до третьего места, в то время как частотность имен Мария, Лилия, Любовь, Зинаида снижается. А имена Ивга и Вера в этот год вовсе не используются.

Самыми популярными именами 1955 года оказались Татьяна, Наталья, Валентина, Людмила, Любовь.

Имя Валентина снижается на одну позицию в сравнении с предыдущим годом. Значительно возрастает популярность имени Татьяна, оно становится лидером по частоте употребления в этот год, тогда как в 1945 году оно занимало девятое место.

Резкий рост популярности наблюдается и в случае с именем Наталья, оно поднимается с двадцать пятого на второе место. В первой пятерке имя продержится еще два десятилетия. Вновь на одну позицию опускается имя Валентина, в дальнейшем частотность имени продолжит снижаться, со следующего десятилетия имя навсегда покидает пятерку имен-лидеров.

Частотность имени Людмила также снижается с первого до четвертого места. Для этого имени 1955 год – также последний год популярности.

Имя Любовь в этот год перемещается из пятерки, замыкающей список популярных имен, в пятерку наиболее популярных имен. В следующем десятилетии популярность его вновь значительно снизится.

Пятерка замыкающих список популярных имен выглядит следующим образом: Анна, Раиса, Мария, Лилия, Евгения.

Частотность имени Анна снижается в сравнении с прошлым десятилетием. В 1945 году имя входит в центральную часть списка популярных имен. Та же тенденция наблюдается при рассмотрении имени Раиса.

Имена Мария и Лилия остаются в том же срезе, внутри которого, однако, популярность обоих имен также немного снижается.

Имя Евгения – новое для списка популярных имен, в прежние годы случаи употребления его были единичными.

Центральная часть популярных имен этого года включает в себя девять единиц: Лариса, Ирина, Елена, Ольга, Галина, Надежда, Светлана, Тамара, Алла.

Основная часть имен этого среза осталась неизменной относительно прошлого десятилетия – имена Лариса, Алла, Ольга, Елена, Надежда, Алла, Тамара.

Имя Ирина резко приобретает свою популярность, оказавшись на седьмом месте по частотности, тогда как в 1935 году имя вовсе не употребляется, в 1945 году оно встречается один раз.

Имена Галина и Светлана, напротив, утратили в частоте своей употребляемости. Оба имени в прошлом десятилетии входили в список пяти самых частотных имен. В 1955 году имя Галина занимает десятое место, имя Светлана – двенадцатое.

В 1965 году наиболее часто употребляемыми являются имена Елена, Татьяна, Ирина, Светлана, Наталья.

Имя Татьяна опускается с лидирующего положения на вторую позицию, немногим уступая в частотности имени Елена, популярность которого резко возрастает. В 1955 году имя Елена было всего восьмым по частоте своей употребляемости. Также возрастает популярность имени Ирина. В этом году оно третье в списке частотных имен, в то время как в 1955 году имя располагалось на седьмом месте. Из центрального пласта в число пяти популярных имен перемещается имя Светлана. Имя Наталья передвигается со второго на пятое место, немного утратив в количестве употреблений.

Среди имен, принадлежащих к пятерке, замыкающей список популярных имен, оказались имена Анна, Любовь, Галина, Александра, Томила.

Стремительно уменьшилась частотность имени Любовь, которое в 1955 году было пятым по популярности. В этом же году имя занимает двенадцатое место.

Имя Анна осталось на прежнем месте, относительно предыдущего года. Имя Галина опустилось с десятого на тринадцатое место.

Имя Александра в прошлом десятилетии не употреблялось, однако в 1945 году его частотность была достаточно высока.

В этот год первый и последний раз имя Томила оказывается в списке популярных имен. В другие же годы имя не использовалось вовсе.

Средний пласт популярных имен этого года насчитывает в себе пять имен – Ольга, Лариса, Людмила, Инна, Виктория.

Частотность имен Ольга и Лариса существенно не меняется, в прошлом десятилетии оба эти имени принадлежали к тому же пласту.

Имя Людмила становится в рассматриваемый год менее популярным, теряя четыре позиции в списке частотности.

Имя Инна вновь приобретает популярность, два прошлых десятилетия оно отсутствовало в списке частотных имен.

Впервые появляется в этом списке имя Виктория. В дальнейшем это имя закрепится среди наиболее часто употребляемых имен.

В 1975 году пятерка наиболее частотных имен включает в себя имена Наталья, Татьяна, Елена, Оксана, Светлана.

Имена Наталья, Татьяна, Елена, Светлана были лидерами в прошлом десятилетии. Однако среди этих имен происходит некоторое перемещение. Имя Елена опускается с первого места на третье, его место занимает имя Наталья, которое в 1965 году было на пятой позиции. Имя Светлана перемещается с четвертого на пятое место в списке. Неизменной остается позиция имени Татьяна.

Среди наиболее популярных имен оказывается имя Оксана, отсутствовавшее до сих пор в списке часто употребляемых имен. В этом году имя занимает четвертое место.

Завершают список популярных антропонимов имена Галина, Валентина, Лидия, Яна, Инна.

В сопоставлении с прошлым десятилетием, неизменным в этом списке остается лишь имя Галина. Имя Инна перемещается из центральной части списка исследуемого года.

В списке популярных имен вновь появляются имена Лидия и Валентина, отсутствовавшие в нем на протяжении нескольких десятилетий.

Новым среди часто употребляемых имен стало имя Яна, которое до этого года вовсе не употреблялось. В дальнейшем имя укоренится в антропонимиконе города Николаева.

Центральную часть списка составили имена Ирина, Ольга, Виктория, Лариса, Анна, Юлия, Людмила, Мария, Екатерина, Лилия, Надежда, Алла, Марина.

Имена Ольга, Виктория, Лариса, Ирина присутствовали в той же центральной части списка популярных имен прошлого десятилетия.

Имя Анна перемещается из числа имен, заключающих список частотных антропонимов.

Впервые популярными становятся имена Юлия, Марина, до этого года случаи их употребления были единичными.

Возвращаются в число популярных имена Людмила, Мария, Екатерина, Лилия, Надежда, Алла. Имена Людмила, Мария, Лилия, Алла отсутствовали в списке частотных антропонимов один год. Имя Надежда последний раз фигурировало в нем в 1945 году, а имя Екатерина не было популярно с 1935 года.

В 1985 году наиболее популярны имена Елена, Анна, Ольга, Юлия, Ирина.

Среди всех антропонимов лишь одно имя Елена присутствовало в числе пяти наиболее частотных в прошлом десятилетии. Имена Анна, Ольга, Юлия, Ирина перемещаются из центрального пласта популярных имен исследуемого года.

В последнюю пятерку частотных имен входят такие: Алёна, Валентина, Антонина, Вера, Александра.

На прежнем месте, в сравнении с прошлым десятилетием, остается имя Валентина.

Впервые в этом году употребляется имя Алёна, отделившись от имени Елена в самостоятельную единицу.

Имя Антонина и Вера возвращаются в список частотных имен. Последний раз они входили в него в 1935 году. Имя Александра присутствовало в нем лишь в 1945 году.

Центральную часть частотных антропонимов этого года составили имена Наталья, Екатерина, Татьяна, Анастасия, Марина, Виктория, Мария, Светлана, Дарья, Надежда, Оксана, Евгения, Яна, Людмила, Кристина, Валерия.

Повторяющимися единицами этого пласта в сопоставлении с прошлым десятилетием являются имена Екатерина, Марина, Виктория, Мария, Надежда, Людмила.

Переместились из числа наиболее популярных имена Наталья, Татьяна, Светлана, Оксана. Имя Наталья с первого места опустилось на шестое, имя Татьяна стало девятым в списке, с пятого на тринадцатое место переместилось имя Светлана, а имя Оксана стало занимать шестнадцатое место.

Единственным именем, перешедшим в этот пласт из пятерки менее популярных, стало имя Яна.

Вновь популярным стало имя Людмила, которое отсутствовало в списке частотных имен в прошлом десятилетии. Имя Евгения было в списке популярных имен до этого лишь один 1955 год.

Впервые становятся часто употребляемыми имена Анастасия, Дарья, Кристина, Валерия.

Именами первой пятерки 1995 года стали Анастасия, Екатерина, Анна, Юлия, Елена. Имена Анна, Юлия, Елена остаются в этом числе уже второе десятилетие. Однако имя Елена перемещается с первого на пятое место. Имя Анна теряет одну позицию, становясь третьим по популярности. На том же месте остается имя Юлия.

Имена Анастасия и Екатерина стремительно приобретают большую популярность. Имя Анастасия оказывается на

первом месте, тогда как в 1985 году оно было девятым. Имя Екатерина перемещается с седьмого на второе место.

Завершают список популярных имен этого года имена Елизавета, Людмила, Маргарита, Любовь, Валентина.

Среди имен этого пласта только имя Валентина повторяется в сопоставлении с 2004 годом.

Имя Людмила перемещается из центральной части популярных имен 2004 года.

Имя Любовь после перерыва в несколько десятков лет вновь становится популярным. В последний раз до этого года оно входит в список частотных имен в 1965 году.

Имена Елизавета, Маргарита впервые становятся популярными в 2005 году, до этого количество употреблений обоих имен было незначительным.

Центральная часть списка популярных антропонимов этого года состоит из имен Виктория, Татьяна, Ирина, Валерия, Ольга, Дарья, Мария, Марина, Наталья, Александра, Кристина, Светлана, Диана, Вероника, Яна, Оксана, Евгения, Надежда, Инна, Карина, Ксения.

Популярность имен Виктория, Татьяна, Валерия, Дарья, Мария, Марина, Наталья, Кристина, Светлана, Яна, Оксана, Евгения, Надежда остается практически неизменной в сравнении с 1985 годом.

Снижается популярность имен Ирина и Ольга. Имя Ирина перемещается с пятого на восьмое место в списке частотных имен. Имя Ольга, занимающее в 1985 году третье место, в 2005 году становится десятым по частоте употреблений.

Напротив, популярность имени Александра резко возрастает, оно перемещается с двадцать шестого на десятое место.

Впервые за все годы исследования становятся часто употребляемыми имена Диана, Вероника, Карина, Ксения. До этого перечисленные антропонимы были крайне непопулярными.

В 2005 году наиболее популярны имена Анастасия, Софья, Мария, Екатерина, Александра. По-прежнему лидирует имя Анастасия. Имя Екатерина немного теряет в своей частотности, оно перемещается со второго на четвертое место.

Остальные же наиболее частотные имена прошлого года утратили свою популярность в этом году.

Имена Мария и Александра имеют большую частоту употребления, нежели в прошлом десятилетии. Имя Мария поднимается с двенадцатого места на третье. А имя Александра становится пятым по популярности, в то время как в 1995 году оно занимало пятнадцатую позицию.

Последними в списке частотных имен оказались имена Олеся, Светлана, Карина, Любовь, Ульяна, Арина.

Имена Олеся, Ульяна, Арина впервые зафиксированы в списке популярных имен, до этого они не встречались, либо употреблялись крайне редко.

Имена Карина и Светлана утратили в 2005 году свою популярность. В 1995 году они принадлежали к центральной части списка популярных имен.

Центральный же пласт среди частотных имен заняли имена Валерия, Виктория, Елизавета, Анна, Дарья, Алина, Вероника, Юлия, Татьяна, Диана, Елена, Кристина, Алёна, Ирина, Ангелина, Ольга, Марина, Яна, Ксения.

Основная часть этих имен представляла тот же пласт в 1995 году – Валерия, Виктория, Дарья, Вероника, Татьяна, Диана, Кристина, Ирина, Ольга, Марина, Яна, Ксения.

Имена Анна, Юлия, Елена переместились в эту группу из пятерки самых популярных имен 2004 года.

Вновь становятся популярными имена Алёна и Елизавета. Появляются также имена, которые до этого не были популярными – Алина, Ангелина.

Проанализировав приведенные выше данные, можно сделать вывод о том, что изменение именника конкретно взятого города, в нашем случае города Николаева, не проис-

ходит стремительно. Часто основная часть имен сохраняется на протяжении нескольких десятилетий. Новые имена прибывают в антропонимикон города постепенно, обычно сначала имея низкую частотность употребления, которая со временем возрастает. Точно также имена, имеющие большую популярность, утрачивают ее постепенно.

Среди представленных в работе женских имен выделяются две группы имен. К первой группе мы отнесли имена, имеющие один пик популярности, то есть те, что приобретают максимальную для данной единицы частоту употребления, а затем наступает период постоянного уменьшения ее частотности.

Другой же тип имен – так называемые имена, имеющие многопиковую популярность. К ним относятся те антропонимы, частотность которых то возрастает, то уменьшается с разной периодичностью на протяжении исследуемых лет.

Такое деление весьма условно, так как исследование охватывает относительно небольшой период – 80 лет. При более длительном исследовании может выясниться, что некоторые имена, которые мы отнесли к группе с одним пиком популярности, на самом деле имеют несколько ее пиков, при условии, что амплитуда изменения частотности захватывает несколько десятков лет.

Проанализировав актовые записи о рождении из архива Николаевского областного загса за период с 1905 по 2005 гг., можно сделать следующие выводы:

В современной антропонимике города Николаева имена, которые пришли в Украину из других языков, составляют больший процент, чем славянские или древнерусские имена.

В основной своей массе это имена, проникшие в Россию и Украину с принятием христианства, а также более поздние варианты этих имен (Анна – Яна, Жанна; Анжела – Анжелика, Анжелина, Елена – Алёна; Марфа – Марта; Ксения –

Оксана). Как правило, это имена древнееврейского, древнегреческого, латинского происхождения.

Небольшая часть имен имеет германское происхождение – Ада, Адела, Аделаида, Алина, Алла.

Также относительно небольшое количество в украинском именнике имен славянского происхождения. Среди них такие популярные имена, как Вера, Надежда, Любовь, Людмила, Ярослава, Томила. В основной же своей массе исконные для Украины женские имена постепенно были вытеснены именами, типичными для православной традиции.

В течение всего исследуемого периода каждый год количество рожденных девочек изменялось, также изменялось и количество имен, которыми были названы младенцы в течение года. Наблюдается волнообразный характер в изменении количества имен, вместе с этим наблюдается тенденция к уменьшению количества используемых имен, которая, однако, приостановилась в последние десятилетия.

Сопоставив график рождаемости и график изменения численности имен, мы пришли к выводу о том, что нет прямой зависимости между количеством имен, используемых в один исследуемый год и количеством рожденных в этот год девочек.

Лидером по количеству родившихся девочек является 1985 год. Без сомнения, увеличивается и количество имен, используемых для их наречения. Однако по количеству имен 1985 год находится лишь на четвертом месте.

Наибольшее же количество имен зафиксировано в 1935 году, в то время как рождаемость в этот год самая низкая за весь исследуемый период.

Если же привести соотношение количества имен и количества рожденных девочек, то для 1935 года оно составит около 12 младенцев на 1 имя, для 1985 года – 61 младенец на одно имя.

Антропонимический состав города постоянно обновляется. Каждый пласт имен имеет свою скорость обновления. Как правило, наиболее стремительно утрачиваемые и появляющиеся имена занимают пласт редкостных имен, в то время как центральная часть именника подвергается гораздо меньшим изменениям. Однако количество утраченных имен значительно превышает количество приобретенных.

Фундаментальные же изменения претерпевает пласт популярных имен. Если сравнить десятку самых популярных имен 1935 года с наиболее популярными десятью именами 2005 года, мы увидим, что общими для двух этих срезов являются лишь два имени – Анна и Мария.

Сплошное исследование личных имен определенной территории, проведенное на протяжении длительного времени, дает возможность выявить диахронические изменения именника и основные действующие при этом тенденции. Динамика конкретного именника выражается в изменениях функционирования конкретных имен, а также в появлении новых структурных единиц и утрачивании старых. Однако именник – относительно закрытая антропонимическая система, и новые элементы появляются в ней достаточно редко. Следовательно, самые значительные изменения в современном украинском и русском именнике происходят вследствие функционального развития его элементов (изменения частотности присутствующих в нем имен), а структурное обновление именника (появление абсолютно новых имен и архаизация ряда традиционных) более заметно в его периферийной части – среди имен низкой частотности.

Изменение именника конкретно взятого города, в нашем случае города Николаева, не происходит стремительно. Часто основная часть имен сохраняется на протяжении нескольких десятилетий. Новые имена прибывают в антропонимикон города постепенно, обычно сначала имея низ-

кую частотность употребления, которая со временем возрастает. Точно также имена, имеющие большую популярность, утрачивают ее постепенно.

Среди представленных в работе женских имен выделяются две группы имен. К первой группе мы отнесли имена, имеющие один пик популярности, то есть те, что приобретают максимальную для данной единицы частоту употребления, а затем наступает период постоянного уменьшения ее частотности.

Другой же тип имен – так называемые имена, имеющие многопиковую популярность. К ним относятся те антропонимы, частотность которых то возрастает, то уменьшается с разной периодичностью на протяжении исследуемых лет.

Такое деление весьма условно, так как исследование охватывает относительно небольшой период – 80 лет. При более длительном исследовании может выясниться, что некоторые имена, которые мы отнесли к группе с одним пиком популярности, на самом деле имеют несколько ее пиков, при условии, что амплитуда изменения частотности захватывает несколько десятков лет.

В именнике города Николаева выделяются сквозные имена, используемые на протяжении всего исследуемого периода. Это группа так называемых стойких имен. Она включает в себя 15 единиц (7,1% от всех представленных за восемь лет имен): Анна, Валентина, Галина, Евгения, Жанна, Инна, Ирина, Лариса, Людмила, Мария, Надежда, Наталья, Ольга, Светлана, Татьяна. На протяжении 20 века их употребление было неравномерным. Популярность каждого из этих имен то возрастала, то снижалась под воздействием разных политических и социальных событий.

Наблюдается возрастное разделение симпатий к женским именам. Каждая из возрастных групп характеризуется разнообразием репертуара женских имен как на качественном, так и на количественном уровнях. Симпатии каждой из

них зависят от общественно-исторических, культурных процессов, семейных традиций и эстетических вкусов анкетированных.

Можно выделить следующие факторы, влияющие на избрание имени для ребенка:

- родственная традиция, по которой дочь называют именем матери, бабушки, других близких родственников;
- называние ребенка в честь выдающихся лиц, литературных персонажей, киногероев;
- влияние моды того времени на определенное имя;
- учет значения имени;
- совпадение дня рождения ребенка с праздником народного календаря;
- называние детей в честь первой любви одного из родителей;
- милозвучность имени, легкость в произношении.

Литература

1. Агеева Р. А. Социолингвистический аспект имени собственного (К XV Международному конгрессу по ономастике) / Р. А. Агеева. – М. : ИНИОН, 1984. – 60 с.
2. Алексеенко Г. Динаміка власних імен мелітопольців (на прикладі XX століття) // Урок української. – 2004. – № 10. – С. 26–28.
3. Антропонимика: сборник статей / ред. В. А. Никонов и А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1970. – 360 с.
4. Бондалетов В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
5. Горпинич В. О. Антропонімія Дніпровського Припоріжжя і сумісних регіонів України: монографія / В. О. Горпинич. – Дніпропетровськ, 2006. – 237 с.
6. Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. Избранные труды / А. М. Селищев. – М. : Просвещение, 1968. – 640 с.

6.5 Специфіка жіночих власних імен Миколаївщини (фоносемантичний аспект)

Проаналізовано специфіку жіночих імен в аспекті фоносемантичного наповнення. Досліджено особливості власних імен, проаналізовано причини розповсюдженості їх у суспільстві, виявлено фоносемантичне наповнення жіночих власних імен Миколаївської області, що стали популярними на початку XXI століття.

Як відомо, батьки дуже уважно ставляться до вибору імені для новонародженого. Власні імена – це не тільки звичайні найменування конкретних осіб, у їх звучанні часто відчуваються особливе семантичне наповнення і виразне забарвлення. Як свідчать сучасні дослідження, у людській підсвідомості кожен мовний звук має своє значення, може впливати на її, спонукає до певних емоцій, тобто звуки здатні стимулювати ті чи інші асоціації.

Власні імена звернули на себе увагу ще давньоєгипетських, давньогрецьких та давньоримських вчених, проте ономастика як наука, що вивчає власні імена, отримала науковий статус лише в 30-х роках ХХ ст. [5, с. 88]. Останніми роками пріоритетним став фоносемантичний аспект дослідження власного імені, але явище фоносемантичного впливу на сьогодні висвітлене недостатньо повно.

Теорія фоносемантичного впливу викладена у працях С. Вороніна [1], Л. Дорожної [2], О. Журавльова [3], В. Кушнерик, О. Найдеш [4], Н. Львової [5] тощо і, більш того, реалізована у ряді комп'ютерних програм «ДІАТОН» [6], «ВААЛ» [7]. За допомогою цих програм можна відстежувати інформацію, що є недоступною для свідомості і впливає на людину через сферу несвідомого. Вони здійснюють фоносемантичний аналіз слова або тексту за допомогою списку якостей (ознак), з якими асоціюється певне слово з вказівкою ступеня асоціації. Програми дозволяють виявити фонетичне значення тексту – за 20-ма шкалами, слова – за 25-ма, частоти

вживання звуків і відхилення цих частот від норми, частоту високих та низьких звуків тощо. Крім цього, за допомогою програм відбувається аналіз звуко-колірних асоціацій і визначення точки золотого перетину [6; 7].

Метою нашого дослідження є вивчення специфіки жіночих імен в аспекті фоносемантичного наповнення. Матеріалом дослідження стали жіночі імена, популярні у першому десятиріччі XXI століття.

Аналіз актових книг реєстрації народжень дітей міського відділу ЗАЦС Миколаївського міського управління юстиції дав підстави виділити три групи імен за ступенем розповсюдженості у період 2000–2010 рр. До першої групи ми віднесли найпопулярніші (імена, що входять до трійки лідерів кожного року у XXI столітті). Другу групу складають імена, які займають 4–20 місця у рейтингу. Третя група містить імена, вживаність яких приблизно в 25 та менше разів. Перші дві групи складають словник постійно вживаних імен.

Зростання чи спад популярності імен залежить від низки факторів. Перш за все це суспільний розвиток: *Юлія (Тимошенко), Валентина (Терешкова), Раїса (Горбачова), Людмила (Кучма)*. Багато імен перекладено з російської мови способом транслітерації: *Крістіна, Валерія, Альона, Алєся* та інші. Помітно впливають на вибір імені також західна та східна культури: *Сабіна, Елеонора, Ельвіра, Аріна* та інші. Популярність імен змінюється від популярності серіалів: *Анастасія («Бідна Настя»), Софія («Сонька золота ручка»), Катерина, Кіра («Не народись красивою»), Роза/Розалія («Дика Роза»)*. Вагомим залишається також вплив радянзації: *Владлена, Нінель, Октябриня, Сталіна* та інші. Сьогодні популярними є імена, що утворені від ласкавих слів: *Прінцеса, Зірка, Ласка* тощо. Помітний вплив відчувається з боку Біблії та релігії, наприклад, *Марія, Магдалина* (вже існує як самостійне ім'я), *Євангеліна* та інші. Користуються популярністю імена або псевдоніми естрадних співаків: *Ані (Лорак), Лоліта,*

Азіза, Тіна (Кароль), Земфіра та інші. Внаслідок численних міграцій збільшилась кількість подвійних імен, що існують у різних зарубіжних країнах, зокрема у США: *Тетяна-Марія, Лаура Енн, Крістіна Марі, Келлі Ірина* та інші.

Отже, популярність імен нерозривно пов'язана із суспільством та змінами, що виникають у ньому. Але разом з цим, на нашу думку, істотними є фоносемантичні особливості імені.

Першу за розповсюдженістю групу складають імена *Анастасія, Дар'я, Катерина, Марія, Софія*.

За даними нашого аналізу, найпопулярніше ім'я *Анастасія* не має виражених фоносемантичних характеристик. Похідні від нього імена – *Настуся, Настусенька* також мають нейтральне забарвлення. Але знаменитих людей з іменем *Анастасія* багато: балерина *Анастасія Волочкова*, тенісистки *Анастасія Мискіна* та *Анастасія Родіонова*, олімпійські чемпіонки *Анастасія Давидова* та *Анастасія Єрмакова*, акторка *Анастасія Заворотнюк*.

Друге за популярністю ім'я *Дар'я* справляє, за результатами програми ВААЛ, враження чогось швидкого, сильного твердого. Похідні форми від цього імені зберігають ідентичні фоносемантичні характеристики: *Даринка* оцінюється ВААЛ як щось велике, швидке, холодне, сильне, тверде, *Даруся* – як щось тверде.

Наступні розповсюджені імена несуть такі ознаки: *Катерина* охарактеризоване ВААЛ як щось швидке, холодне, сильне, темне, тверде. Розглянувши особливості зафіксованих похідних форм від цього імені, ми також виявили, що ім'я *Катеринка* зберігає свої фоносемантичні властивості (щось швидке, холодне, сильне, темне, тверде), форма *Катруся* має ознаку чогось твердого, а ім'я *Катруня* здобуває нейтральності.

Ім'я *Софія*, що тричі зустрічалось у списках лідерства, несе у собі наступні властивості: щось маленьке, тепле, сла-

бке, у формі *Софійка* теж справляє враження чогось маленького, теплого, слабкого, м'якого.

Отже, фоносемантичні особливості найпопулярніших офіційно зареєстрованих імен та їх форм, що вживаються у побуті та у розмовному стилі мовлення, здебільшого співпадають.

Імена другої за популярністю групи досить часто вживаються у мові: *Анна, Аліна, Валерія, Єлизавета, Ірина, Карина, Катерина, Софія, Христина*. Такі імена теж носять світові відомі особистості, але, на відміну від першої групи, похідні форми від цих імен набувають зовсім інших фоносемантичних ознак.

Анна справляє враження чогось великого, швидкого, сильного, темного, твердого. Варіанти *Анайт* – чогось великого, сильного, темного, твердого; *Аннушка* – швидкого, сильного, темного, твердого; *Аня* – теплого, світлого, м'якого; *Ганна* – великого, холодного, сильного, темного, твердого. *Аніта* – характеризується ВААЛ як щось тепле; *Анетта* – має ознаки чогось великого, сильного, темного, твердого; *Анні* – сприймається як щось тепле.

Розглянемо інші варіанти імен цієї групи, зареєстровані як офіційні. *Катерина* охарактеризоване програмою ВААЛ як щось швидке, холодне, сильне, темне, тверде, але за зразком російської мови – *Єкатерина* набуває ознак чогось теплого і м'якого. При написанні *Єкатеріна* ім'я набуває наступних ознак: маленьке, тепле, слабке, світле, м'яке. Запозичена форма *Катрін* не має яскравих фоносемантичних ознак.

Як бачимо, фоносемантичні варіанти імені за зразком української та російської мов значно різняться. Так, ім'я *Софія*, що тричі входило до трійки лідерів за 2000–2010 рр. справляє враження чогось маленького, теплого, слабкого, м'якого. Такі самі характеристики має ім'я *Софья*. Але популярна форма *Соф'я* справляє враження чогось великого, холодного, сильного, твердого і темного.

Ім'я *Христина* визначено як щось велике, холодне, сильне, темне, тверде, а калька з російської мови *Крістіна* – як щось м'яке. *Карина* охарактеризоване ВААЛ як щось швидке, сильне, темне, тверде, але *Каріна* не несе яскравих фоносемантичних ознак. Нейтральне за своєю характеристикою ім'я *Ксенія* набуває ознаки чогось теплого при написанні і вимові за зразком російської мови – *Ксенія*.

Лише деякі антропоніми зберігають спільні фоносемантичні характеристики в усіх формах. Так, ім'я *Єлизавета* програма ВААЛ характеризує як щось тепле, м'яке, варіанти *Єлисавета*, *Елізавета*, – також як тепле, м'яке. *Дар'я* за аналізом ВААЛ – щось швидке, сильне, тверде; *Дарина* – велике, швидке, холодне, сильне, тверде; *Даріна*, *Дарія*, *Дар'я* несуть ознаки нейтральності; *Дар'яна* – охарактеризоване ВВАЛ як щось швидке, сильне, тверде.

Ірина не має яскравих фоносемантичних характеристик, є нейтральним. Його варіанти *Ірена*, *Ірен* також не виділяються певними фоносемантичними характеристиками. Але це ім'я носять: політичний діяч *Ірина Хакамада*, співачки *Ірина Алегрова*, *Ірина Салтикова*, *Ірина Білик*, фігуристки *Ірина Родніна*, *Ірина Слуцька*. Незважаючи на свою нейтральність, ім'я є доволі популярним.

Отже, як показує проаналізований матеріал, популярність жіночих власних імен обумовлено як соціальними, так і фоносемантичними факторами. Поряд з традиційними іменуваннями достатньо розповсюджені різноманітні їх варіанти. Це явище пов'язане з одного боку з тим, що у сучасних умовах набуває популярності офіційна фіксація пестливо-зменшувальних імен, з іншого – впливом російської мови та відповідним бажанням батьків зберегти звучання імені у тому вигляді, у якому воно зустрічається у російській мові. Офіційно зареєстровані імена та їх форми різняться фоносемантикою. Але найпопулярнішими залишаються ті, що мають спільні фоносемантичні характеристики в усіх варіантах та формах.

Проведений аналіз сприяє виявленню феномену фоносемантичного впливу та відкриває перспективи поглибленого вивчення інших власних імен.

Література

1. Воронин С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании / С. В. Воронин. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – 200 с. (Очерки и извлечения).
2. Дорожная С. С. Тень содержания в звуке. Введение в русскую фоносемантику : учебное пособие / С. С. Дорожная. – Пермь : Принт, 2003. – 190 с.
3. Журавлёв А. П. Звук и смысл. / А. П. Журавлёв. – [2-е изд., испр. и доп.] – М. : Просвещение, 1991. – 160 с. – (Книга для внеклассного чтения учащихся старших классов).
4. Кушнерик В. І. Фоносемантика та лексико-семантичні групи / В. І. Кушнерик, О. В. Найдеш // Матеріали І Між-нар. наук. конф. «Мови європейського культурного ареалу: проблеми розвитку і взаємодії». – Київ : Вид-во Київ. ун-ту, 1995. – С. 62–63.
5. Львова Н. Л. Вимірювання фонетичного значення тексту / Н. Л. Львова // Науковий вісник Чернівецького університету: збірник наукових праць. – Вип. 234 : Германська філологія. – Чернівці : Рута, 2005. – С. 38–46.
6. Програма ДІАТОН [Електронний ресурс] – режим доступу до програми : <http://www.diatone.ru>.
7. Про систему ВААЛ [Електронний ресурс] – режим доступу до програми : <http://www.vaal.ru/prog/rukov.php>

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Исследование региональных особенностей профессиональной подготовки учителей русского языка и литературы, осуществлённое в рамках кафедральной научно-исследовательской темы, позволило сделать вывод о том, что тема является актуальной, имеющей большое значение для обеспечения эффективной профессиональной подготовки современных учителей-словесников. Апробация результатов исследований подтвердила эффективность их использования в учебном процессе университета и в переподготовке учителей русского языка и литературы, осуществляемой в рамках последипломного педагогического образования.

Соответственно, работа над выявлением региональных особенностей профессиональной подготовки учителей русского языка и литературы будет продолжена в рамках новой научно-исследовательской кафедральной темы «Творчество писателей юга Украины: литературоведческий, методический и лингвистический аспекты».

Видання підготовлено викладачами кафедри слов'янської філології МНУ імені В. О. Сухомлинського за участю студентів – майбутніх учителів російської мови і літератури. Монографія являє собою узагальнення матеріалу досліджень, здійснених у рамках роботи над кафедральною науково-прикладною темою «Регіональні особливості професійної підготовки вчителів російської мови і літератури».

Для викладачів, студентів, аспірантів, учителів загально-освітніх шкіл.

Наукове видання

РЕГІОНАЛЬНІ ОСОБЛИВОСТІ ПРОФЕСІЙНОЇ ПІДГОТОВКИ ВЧИТЕЛІВ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ І ЛІТЕРАТУРИ

Монографія

За редакцією В. В. Гладишева

Російською та українською мовами

Формат 60×84¹/₁₆. Ум. друк. арк. 17,8. Тираж 300 пр. Зам. № 534-293.

В И Д А В Е Ц Ь І В И Г О Т О В Л Ю В А Ч

Товариство з обмеженою відповідальністю фірма «Ліон».

54038, м. Миколаїв, вул. Бузника, 5/1.

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1506 від 25.09.2003 р.